

**Ц. П. КОРОЛЕНКО
Т. А. ДОНСКИХ**

Семь путей

к катастрофе

**«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

Ц.П. КОРОЛЕНКО

Т.А. ДОНСКИХ

СЕМЬ ПУТЕЙ К КАТАСТРОФЕ

ДЕСТРУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

НОВОСИБИРСК
« НА У К А »
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире / Короленко Ц.П., Донских Т.А. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 224 с.

ISBN 5-02-029267-2.

В книге описаны нарушения поведения, оказывающие влияние на судьбу человека, приводящие к серьезным осложнениям межличностных отношений. Анализируются ситуации, когда нарушения поведения, захватывающие, подобно эпидемиям, большое количество людей, приводят к разрушительным последствиям для общества, уродуют личность, становятся причиной страданий, задерживают социальное развитие. Что мы знаем об этих явлениях? Какова их природа? По каким механизмам развиваются эти нарушения? Можно ли их прогнозировать и предупреждать? Авторы книги, используя данные современной литературы и результаты собственных исследований, пытаются найти ответы на эти и другие вопросы.

Книга будет интересна для психологов, социологов, педагогов, студентов медицинских вузов, всех интересующихся данными проблемами.

Рецензент

кандидат медицинских наук В.Ю. Завьялов

К 0303020000-086 Без объявления
042(02)-90

© Издательство "Наука",

1990

ISBN 5-02-029267-2

Введение

*Человек без свойств слагается
из свойств без человека.*

Р. Мюзиль. Человек без свойств¹

"Куда же ты отклоняешься?" Этот вопрос, заданный Вергилием в героическом эпосе о странствиях троянца Энея, вынесен нами в заголовок не случайно. В предлагаемой вниманию читателей книге речь пойдет о различных формах отклоняющегося (деструктивного) поведения, т.е. поведения, причиняющего вред человеку и обществу. В специальной литературе термин деструктивное поведение обычно заменяется термином девиантное, или отклоняющееся. Девиантный тип поведения, согласно толковому словарю Larousse /1979/, – это тип, выходящий за пределы индивидуальных вариаций, считающихся "нормальными", принятыми, допустимыми в культуре общества. Однако такая замена терминов не совсем точна, так как не все отклонения от "нормы" могут быть деструктивными. Мы рассмотрим исключительно деструктивные варианты, однако при анализе отклоняющегося поведения необходимо учитывать и его недеструктивные варианты, поскольку нарастание отклоняющегося поведения свидетельствует о социальном неблагополучии в обществе и может не только находить свое выражение в негативных формах, но и отражать возникновение нового социального мышления, новых социальных стереотипов поведения. Такие взгляды и формы поведения оказываются в противоречии с "социальным этикетом", с устоявшимися, воспринимаемыми в течение длительного времени как "единственно правильные", соответствующие конформистской модели морально устой-

¹Musil R. Człowiek bez właściwości. – Warszawa: PIW, 1971. Роберт Мюзиль (1880–1942) – известный австрийский писатель. "Человек без свойств" – одна из наиболее известных его повестей, изданная в США, Англии, Японии, Швеции, Польше, Италии, Франции, Югославии. По выражению Т. Манна, это – "...несомненно, проза наибольшей меры, которую следует сопоставлять с наиболее замечательными произведениями, какие вообще появились в нашей эпохе". (Примеч. и пер. Ц.П. Короленко.)

чивого, ответственного человека. Лица, активно стремящиеся к социальной справедливости, находятся в меньшинстве и далеко не всегда правильно понимаются большинством населения. Защитники застывших догматических принципов имеют различные возможности манипулирования общественным мнением, используя методы маскировки, лицемерно отождествляя свои позиции с "чистой идеей", любое отклонение от которой расценивается как посягательство на "святые принципы". Нередко декларируются высокая нравственность, необходимость соблюдения этики и морали. Однако эти общечеловеческие ценности искажаются соответственно своим интересам и могут превращаться в нечто противоположное, когда производится операция демагогического добавления к ним таких эпитетов, как "классовый", "народный", "социалистический", "революционный" и др. Такого рода явления были свойственны разным эпохам в развитии человечества, как то: возникновение Христианства в древнеримской империи, Возрождение, Реформация и др.

Лица, выступающие за прогрессивные общественные изменения, критикующие устаревшие принципы и подходы, естественно, отклоняются от "средней линии" и с точки зрения обычного проявляют деструктивное поведение. Отсюда возникало стремление, используя свою власть, объявлять их в средние века — еретиками, а в наше время — диссидентами и экстремистами. Имелись попытки переводить проблему в другую плоскость — медицинскую (психиатрическую), что в случаях недостаточной квалификации или нечестности отдельных врачей при прямом на них давлении приводило к наклеиванию ярлыков психических нарушений. В связи с этим следует подчеркнуть, что особенности поведения таких людей представляют социально-психологический интерес, но не относятся к компетенции психиатрии.

Касаясь действительно деструктивных для человека и общества форм отклоняющегося поведения, также важно понимать, что эта проблема носит многосторонний интегральный характер и не может находиться в компетенции специалистов в какой-то одной области, например юристов, социологов и др. Проблема требует многосторонних, в том числе и психиатрических, прежде всего применяемых в так называемой "малой психиатрии" (профилактика и лечение неврозов, пограничных состояний, консультирование лиц с серьезными психологическими проблемами и др.) подходов. Здесь также возможна попытка перевода проблемы в чисто психиатрическую плоскость, что и происходит в различных общественных системах. Достаточно вспомнить

книгу К. Кизи "Над кукушкиным гнездом" или сделанный по ее мотивам фильм М. Формана.

Авторы настоящей работы хотят помочь читателю лучше понять сущность и особенности деструктивного поведения, которое затрагивает не только его непосредственных носителей, но и большинство людей, встречающихся с этим явлением в повседневной жизни. В недавнем прошлом термины "деструктивное" или "девиантное поведение" употреблялись главным образом юристами, социологами и психиатрами. Сегодня они стали значимыми для широких кругов населения, что обусловлено увеличением числа случаев деструктивного поведения в популяции, возрастающим вниманием к вопросам психологии личности.

По нашим наблюдениям, деструктивное поведение не исчерпывается формами, входящими в классическое понимание термина (аддиктивное, антисоциальное, суицидное). Сюда относятся также и те формы поведения, которые внешне не находятся в противоречии с правовыми, морально-этическими и культурными нормами, но вместе с тем нарушают целостность личности, задерживают ее развитие или делают его крайне односторонним, серьезно осложняют межличностные отношения.

Поэтому представляется возможным дополнительно выделить следующие формы поведения, дезинтегрирующие личность в социально-психологическом плане: конформистское, нарцисстическое, фанатическое, аутистическое.

Таким образом, в целом рассматриваются семь типов нарушений поведения, каждый из которых при определенных ситуациях может привести человека к катастрофе, а некоторые из них – быть чрезвычайно опасными для общества, представлять угрозу для современной цивилизации. Коротко охарактеризуем их.

Аддиктивное поведение. Выражается в стремлении к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активностях (видах деятельности), что сопровождается развитием интенсивных эмоций. Процесс употребления того или иного вещества (субстанции), изменяющего психическое состояние, привязанность к предмету или участие в активности, принимает такие размеры, что начинает управлять жизнью человека, делает его беспомощным, лишает воли к противодействию аддикции. В современной психиатрии эта проблема начала занимать столь значительное место, что стало целесообразным выделить специального раздела – психиатрии аддикций.

Антисоциальное поведение. Основной чертой такого поведения являются совершение действий, противоречащих этике и

морали, безответственность, игнорирование законов и прав других людей.

Суицидное поведение выражается в повышенном риске совершить самоубийство.

Конформистское поведение характеризуется отсутствием самобытности, оригинальности в привычках, взглядах, принципах, приверженностью к официальным точкам зрения, приспособленчеством, некритичным следованием указаниям лиц, обладающих властью.

Нарцисстическое поведение. Наиболее существенные особенности его – это концепция грандиозности, которая проявляется в фантазиях и действиях, повышенная чувствительность к оценкам других людей, отсутствие достаточного чувства сопереживания.

Фанатическое поведение. Выражается в слепой приверженности какой-либо идее, доктрине, нетерпимости к любым другим взглядам, что может сопровождаться действиями насильственного, brutального характера. Нейтральные или дружеские поступки других людей часто оцениваются как враждебные или заслуживающие презрения.

Аутистическое поведение. Характеризуется затруднением социальных контактов, оторванностью от действительности, погруженностью в сферу мечтаний, фантазий.

КОГДА УХОД ОТ НАСТОЯЩИХ ЭМОЦИЙ СТАНОВИТСЯ ПРИВЫЧКОЙ

Аддиктивное поведение

Чувство физической гармонии... научило его вскоре, что из состояния наиболее сильного возбуждения можно с помощью выпивки перейти в состояние сонливости, а это было для него чем-то значительно предпочтительнее любовных опасностей и разочарований...

Р. Мюзиль. Человек без свойств

„Ты ступаешь по огню, прикрытому обманчивым пеплом”

Именно этот путь, воспетый Горацием, избирают лица с аддиктивным поведением. Достаточно вспомнить, что такая его форма, как участие в азартных играх, уже в Древнем Риме считалась серьезной проблемой.

Вплоть до последнего времени такое поведение рассматривалось как проявление слабости характера. Во многих случаях далеко зашедшее, вызывающее социальные конфликты аддиктивное поведение пытались связать с наличием психического заболевания. Это делалось обычно родителями или родственниками вовлеченного в аддикцию человека с целью оправдать себя, “сохранить лицо” и отвести упреки в плохом влиянии семьи, поскольку “болезнь есть болезнь, и родители здесь ни при чем”

В определении аддиктивного поведения мы указывали, что оно представляет собой стремление к изменению психического состояния искусственным образом. Попробуем разобраться в этом подробнее. Человек обычно стремится к психологическому и физическому комфорту, хочет находиться в хорошем психофизическом тоне, не испытывать отрицательных эмоций, например тревоги, тоски и др. В повседневной жизни такое комфортное состояние не всегда достижимо или оказывается недостаточно стойким: различные внешние факторы, неприятности на работе, ссоры с близкими, недостаточное понимание в семье, информация о событиях, содержащих косвенную или прямую угрозу благополучию, здоровью, разрушение привычного стереотипа жизни (сокращение штатов, необходимость перекалфикации, смена работы, переезд на другое место жительства, уход

на пенсию и др.). В современной жизни такие ситуации встречаются достаточно часто. Число событий, имеющих значение для конкретного человека, нарастает: меняются экология, среда; возрастает поток информации, которую нужно усвоить; приходится принимать все большее число решений, имеющих жизненно важное значение. Предшествующие поколения человека разумного (*Homo sapiens*) не сталкивались с этими явлениями и не выработали способности эффективно адаптироваться к быстрому нарастанию изменений. Феномен быстрого нарастания изменений оказался специфичным для нашего времени, это связано с усиленной нагрузкой на системы адаптации и прежде всего на психологическом, точнее, психофизиологическом уровне. Адаптация может нарушаться, и первый признак этих нарушений – нарушение чувства психологического комфорта. Психологический комфорт может изменяться и в связи с “внутренними” причинами, присущими организму, это нарушение в ряде случаев отражает особенности биоритмов (сезонных, месячных, суточных и др.). Достаточно вспомнить, что некоторые люди в определенные сезоны года (лето, зима) чувствуют себя хорошо, на подъеме, а в другие (весна или осень) испытывают падение общего тонуса, слабость, снижение работоспособности, рассеянность. Практически у каждого из нас настроение и тонус могут изменяться много раз в течение дня, при этом имеют значение и конкретная ситуация, и разные события, и информация приятного или неприятного содержания, удачи или неудачи и т.д. К тому же состояние психологического комфорта не всегда удовлетворяет и не всех людей. Становится скучно, неинтересно, появляется раздражение, возникает стремление возбудить себя, пойти на риск, нарушить привычный жизненный стереотип, использовать новые возможности. В то же время наше настроение и тонус зависят от внутреннего состояния, определяемого особенностями биоритмов. Люди по-разному относятся к периодам сниженного настроения. Как правило, они находят в себе силы справиться с ними, зная по предшествующему опыту, что это кратковременное состояние. При этом можно использовать свои внутренние ресурсы (силу воли), стремиться к общению с друзьями, близкими людьми или просто пережить, считая периоды спада естественными интегральными циклами жизни, через которые приходится проходить всем. Однако встречаются и другие ситуации, когда даже кратковременные и незначительные по выраженности колебания настроения и психофизического тонуса в сторону понижения воспринимаются как труднопереносимые. О таких людях можно сказать, что у них низкая переносимость психологических затруд-

нений. В психологии такие психологические затруднения называют фрустрацией. Таким образом, в последнем случае речь идет о людях с низкой переносимостью фрустраций.

Аддикция для этих людей – способ контролировать и устранять периоды спада. Используя какое-либо средство или стимул, искусственным образом изменяющие психическое состояние, повышающие настроение, можно вначале добиться желаемого, удовлетворить свое стремление, однако в дальнейшем этого уже недостаточно. Аддикция – это процесс, который имеет начало, претерпевает развитие и имеет завершение.

Как мы уже указывали, стремление к уходу в аддиктивное поведение чаще наблюдается, когда человек сталкивается с трудными ситуациями в жизни: утрата прежних идеалов, разочарование в профессии, потеря любимой работы, потеря семьи, социальная изоляция, резкая смена привычного стереотипа жизни, утрата близких или друзей.

...Страсти сами себя возбуждают”

И опять древние римляне. Увы, Марк Туллий Цицерон не ошибался. Каким же образом это происходит? Попробуем разобраться подробнее. Желаемое изменение настроения по аддиктивному механизму может быть достигнуто различными способами: с помощью приема алкоголя или веществ, изменяющих психическое состояние; участием в азартных играх, включая современные компьютерные игры; посредством сексуальной аддикции; перееданием или голоданием; длительным прослушиванием музыки, главным образом основанной на ритме; полным погружением в какой-то вид деятельности, забывая о своих других жизненно важных проблемах и обязанностях (собственное здоровье, благополучие семьи, забота о детях и др.).

Совершенно естественно, что для человека и общества не все эти виды аддиктивного поведения равнозначны по последствиям. Этого иногда не понимают, приравнивая увлеченность рок-музыкой к наркомании. Такую точку зрения высказывает, например, писатель В. Распутин. Обладая хорошей интуицией, он совершенно правильно схватывает общее аддиктивное звено, присущее этим двум явлениям (что не понимается, кстати, многими нашими узкими специалистами в области наркологии). Однако на следующем этапе рассуждения писатель допускает ошибку, приравнивая увлеченность рок-музыкой к наркомании. Это разные по содержанию, развитию и последствиям явления. В задачу нашей книги не входит описание клинической

картины наркоманий, поэтому ограничимся констатацией, что наркомания в общем предполагает интоксикацию, развитие при многих ее формах физической зависимости, связанной с нарушением обмена, поражение органов и систем организма. Прослушивание рок-музыки – процесс психологический и зависимость психологическая, причем более мягкая, чем при наркомании. Приравнивание различных форм аддиктивного поведения объективно способствует развитию у части общества огульного отрицательного отношения ко всему, что выходит за пределы жестких консервативных подходов, не укладывается в рамки той или иной догматической формулы. В результате усиливается поляризация, возникает чувство протеста, нарастает агрессия, создаются условия, провоцирующие часть лиц к переходу от мягкой, контролируемой формы аддиктивного поведения к тяжелой, неконтролируемой. Более подробно мы остановимся на этом вопросе в дальнейшем.

Аддиктивное поведение находит выражение в вовлеченности в различные виды активности. Приведем несколько примеров: аддиктивные азартные игроки испытывают наибольшее удовольствие, участвуя в азартных играх или заполняя формуляры спортивного тотализатора, сексуальные аддикты отправляются в районы города, где они могут встретиться с лицами противоположного пола, ищущими приключений; алкогольные аддикты ищут ситуаций, в которых наиболее вероятно проведение времени с употреблением алкоголя.

Само размышление на эти темы вызывает у аддиктов чувство эмоционального возбуждения, волнения, подъема или релаксации. Таким образом достигается начало желаемого эмоционального изменения, возникает ощущение контроля над собой и ситуацией, чувство удовлетворения жизнью. Аддиктивное поведение вначале создает иллюзию решения проблем, спасения от стрессовых ситуаций путем избегания последних. В этой особенности аддикции содержится большой соблазн: хочется идти по пути наименьшего сопротивления. Конечно, отвлечение необходимо каждому человеку, но в случае аддикции оно становится стилем жизни, и человек оказывается в ловушке.

Аддиктивный подход зарождается в глубине психики, он характеризуется установлением эмоционального отношения, эмоциональной связи не с другими людьми, а с неодушевленным предметом или явлением. Каждый человек нуждается в эмоционально тепле, получаемом от других и отдаваемом им. При формировании аддиктивного подхода происходит замена межличностного отношения проекцией своих эмоций на предметные суррогаты. Лица с аддиктивным поведением стараются реализовать

свое стремление к интимности искусственным образом, на сознательном уровне они используют для самозащиты механизм, который называется в психологии "мышление по желанию". Он заключается в том, что человек вопреки логике причинно-следственных связей считает реальным лишь то, что соответствует его желаниям, содержание мышления при этом, в свою очередь, подчинено эмоциям. В связи с этим невозможно или очень трудно убедить человека с аддитивным поведением в неправильности, опасности его подходов. Разговор с такими людьми происходит в двух плоскостях, которые не соприкасаются друг с другом: логической и эмоциональной. То, что кажется очевидным в логической плоскости, не влияет на "мышление по желанию" человека с аддитивным поведением. Например, Вы говорите человеку с аддитивным алкогольным поведением: "Нельзя решить что-либо с помощью алкоголя, это иллюзия, самообман, который еще более осложняет Вашу жизнь и приведет к алкоголизму". Аддикт (для краткости в дальнейшем мы будем называть так лиц с аддитивным поведением) на формально-логическом уровне соглашается с Вами, но это совершенно не отражает его внутренней установки, которая остается аддитивной и оправдывает его поведение: для каждого случая всегда найдется объяснение выпивке (например, в состоянии раздражения – "чтобы успокоиться, ведь отрицательные эмоции вредны для здоровья – так говорят врачи"; во время морозной погоды – "чтобы согреться – алкоголь расширяет сосуды"; в других ситуациях: "защищает от радиации", "улучшает обмен веществ"). Лица, близко соприкасающиеся с аддиктами, нередко попадают от них в зависимость и становятся управляемыми ими. Для аддикта типична гедонистическая установка в жизни, т.е. стремление к немедленному получению удовольствия любой ценой. "Мышление по желанию" оправдывает такую установку, при этом игнорируются последствия, могущие быть неблагоприятными и даже опасными для человека. Так, герой известного произведения Ф.М. Достоевского "Игрок" находит множество "причин", "логически" обосновывающих необходимость играть, убеждающих его в непременном выигрыше. Однако многие его рассуждения представляют собой образцы "мышления по желанию", оправдывающего реализацию аддитивного стремления к эмоциональному возбуждению.

Отношения с окружающим миром

В обычных условиях люди используют те или иные предметы утилитарно, для удобства, комфорта и т.д. Для аддиктов эти

же предметы, если они включаются в аддитивное звено, становятся более значимыми, приобретают "одушевленный" характер, посредством этих предметов аддикты удовлетворяют свои эмоциональные потребности. Создается ложное впечатление эмоционального комфорта, ложной стабильности. Здесь мы затрагиваем, с нашей точки зрения, очень глубокий психологический механизм аддитивного поведения, без которого понимание аддикции оказывается неполным и односторонним: стремление к искусственному изменению психического состояния в рамках аддитивного поведения может реализоваться не только приемом веществ, изменяющих психическое состояние, не только путем специальных психологических упражнений, прослушиванием ритмической музыки, но и путем установления болезненной привязанности, проекции собственных эмоций: любви, доверия, интимности — на предметы, явления, активности, которые сами по себе не являются ни наркотиками, ни психостимулянтами. Так, пища теряет свою питательную функцию и становится для аддитивного едока средством эмоционального возбуждения. Лекарства, применяемые при различных заболеваниях, изменяют психическое состояние, для чего употребляются в больших дозах при отсутствии каких-либо медицинских показаний. Эмоциональные отношения с людьми при этом постепенно все больше нарушаются. Это выражается в уменьшении общительности, в уходе от реальности, нарастающей изоляции от других людей. Аддикция становится универсальным способом бегства от реальной жизни. Изменение настроения в процессе аддитивных реализаций создает иллюзию внутреннего благополучия. Используемые в аддитивном поведении предметы заменяют живых людей. Однако существует и другая чрезвычайно неприятная сторона этого явления: люди, окружающие аддикта, воспринимаются им как объекты, предметы для манипуляции, а это, в свою очередь, постепенно приводит к нарастанию отрицательного отношения к аддиктам со стороны их знакомых и близких и способствует усилению их изоляции в обществе. Что можно сказать об отношении аддиктов к самим себе? Может создаться впечатление, что в связи с преобладающей гедонистической установкой и эгоцентричностью аддикты в общем заботятся о своих интересах, беспокоятся о себе, своем здоровье и т.д. На самом деле все выглядит совершенно по-другому. Отношение аддикта к себе страдает механистичностью, крайне упрощено, часто подчинено какой-то схеме. Очевидно, не случайно, аддикты часто в разговоре о своем здоровье сравнивают себя с машинами, к болезням относятся как к механическим дефектам, которые нужно устранить. От-

сюда их приверженность к "простым" методам лечения, легкая соглашаемость на хирургические вмешательства. Образ жизни аддикта в целом может рассматриваться как нечто противоположное тому, что принято называть "здоровым образом жизни", происходит полное игнорирование санитарно-гигиенических правил, заботы о своем здоровье и здоровье своих близких. Мы наблюдали, например, женщин с такой формой аддиктивного поведения, как курение. Эти женщины курили практически все время бодрствования, лишь с небольшими перерывами, не обращая внимания на то, как к этому относятся другие люди – сотрудники по работе, знакомые, члены их семей. Все они были прекрасно осведомлены о вреде курения, располагали современной информацией о токсичности никотина, о том, что курение значительно повышает риск развития рака легких и др. Однако такая информация не изменяла их поведение. Всегда находились какие-то оправдания, как, например: "со мной ничего не произойдет, так как я уже к курению адаптировалась, а если брошу, то сразу же заболею", "жить в обстановке постоянного стресса и не снимать его невозможно", "курение предохраняет меня от невроза, гипертонии, я это хорошо чувствую" Одна женщина на вопрос, не беспокоит ли ее то, что в накуренной квартире постоянно находится и пассивно "курит" ее сын, ответила, что ребенок много гуляет, она часто проветривает комнату и вообще нельзя держать его "под стеклянным колпаком" Ее не остановило даже то обстоятельство, что у нее в семье были случаи тяжелых заболеваний, связанных с курением, и что ей самой по состоянию здоровья врачи запретили курить. Вспоминается также аддиктивный курильщик, научный сотрудник, талантливый ученый – специалист в области психиатрии (!), который на вопросы, связанные с курением, отвечал приблизительно следующим образом: "Я знаю обо всех этих исследованиях в отношении курения и его последствий, но все это, поверьте, очень преувеличено, не учитываются хорошие фильтры в сигаретах. Наши сорта табака по сравнению с американскими значительно менее вредны. Курение успокаивает, снимает напряжение и предохраняет таким образом от развития гипертонии и других психосоматических болезней – это тоже следует учитывать" Каждое из этих рассуждений не выдерживает научной критики, однако попытка дискутировать, опровергать какое-то положение приводила или к уходу в резонерское обобщение, или к обиде и прекращению разговора. Например, вопрос: "Как Вы можете утверждать, что курение предотвращает развитие гипертонии, снимая напряжение, если Вы знаете, что при курении не про-

исходит эмоционального отреагирования, отрицательные эмоции временно подавляются, уходят вглубь и продолжают накапливаться? Кроме того, известно, что никотин сужает сосуды, способствует развитию сосудистых изменений." Ответ: "Это все теория, жизнь богаче и разнообразнее любой теоретической схемы".

Остановимся на следующей особенности, свойственной аддиктам. Эта особенность связана с понятиями постоянства и предсказуемости. Межличностные отношения характеризуются динамикой, в процессе контактов с людьми происходят обмен мнениями, взаимное обогащение, усвоение опыта. Человек встречается с новыми ситуациями, подходами, что стимулирует его развитие. Аддиктивные отношения с предметами-суррогатами лишены этих динамических особенностей, происходит фиксация на основных чертах заранее предсказуемой эмоции, которая достигается уже привычным способом: алкогольный аддикт, в общем, заранее знает, прибегая к алкоголю, какое состояние у него разовьется. (Для точности отметим, что в данном случае эта предсказуемость исчезает после формирования симптомов физической алкогольной зависимости, например потери контроля. Мы остановимся на этом подробнее при рассмотрении конкретных форм аддикций.) Таким образом, отношения аддиктивного типа оказываются более стабильными и предсказуемыми, чем естественные отношения с людьми. Однако эта стабильность и предсказуемость содержит в себе что-то мертвое, застывшее, задерживающее развитие человеческой личности.

Нам приходилось разговаривать с пациентом, страдающим депрессией (состояние, характеризующееся сниженным настроением, тоской, потерей интереса к жизни), у которого в течение более 10 лет проявлялось аддиктивное поведение в форме коллекционирования почтовых марок, постепенно вытеснившее все другие интересы, включая профессиональные, семейные. Он рассказывал о своем состоянии следующим образом: "Это захватывало меня постепенно, все остальное становилось скучным, неинтересным. Люди начали раздражать. Я стал испытывать затруднения и неловкость в общении с ними. Прежние друзья перестали интересоваться, когда они приходили ко мне в гости, мне хотелось, чтобы они скорее ушли, было трудно поддерживать разговор, так как мысли были в другом месте, думалось о марках, эти мысли сопровождались каким-то возбуждением, чувством ожидания, предвкушением того трудно передаваемого состояния, когда наедине с альбомами я смогу испытать наибольшее удовлетворение". И далее: "Люди часто под-

водили меня, обманывали, предавали. Их часто трудно понять, невозможно разобраться, что у них на уме, как они к тебе относятся, на что способны. А марки – это преданные друзья, они всегда рядом, к ним всегда можно уйти и забыть обо всем неприятном, обо всех этих нудных вопросах, проблемах, которые все равно нельзя решить. Маркам я доверяю” В этой последней фразе, как нам кажется, заключается важный аспект аддиктивного механизма – гарантия достижения желаемого и связанный с последним постоянный соблазн повторения аддиктивной активности. В связи с последним нужно подчеркнуть, что поверхностный анализ аддиктивного поведения не раскрывает его внутренних механизмов. Многим людям кажется, например, что аддиктивные игроки участвуют в азартных играх для того, чтобы выиграть. При этом упускается из виду другая не менее важная сторона: они стремятся не к выигрышу (если бы это было так, то после крупного выигрыша они бы прекращали играть), а к самому процессу игры, ситуации риска и связанному со всем этим особым настроением, изменением психического состояния. Для лучшего понимания особенностей аддиктивных реализаций следует также иметь в виду, что при этом аддикты испытывают интенсивные эмоциональные состояния, однако эти состояния кратковременны, искусственны, не интегрированы с развитием личности. Во время развития таких состояний возникает субъективное чувство “истинности” эмоций, понимания “сущности жизни” и др. Так, например, алкогольный аддикт во время выпивки со случайными знакомыми может испытывать чувство глубокого взаимопонимания, теплоты, друженственности. Однако на выходе из опьянения все эти чувства бесследно исчезают.

Как заменяются объекты аддикции?

Как мы уже указывали, формы аддиктивного поведения достаточно разнообразны, их объединяет общее аддиктивное звено – стремление к искусственному изменению психического состояния, вызыванию субъективно приятных эмоций. Достижение изменения осуществляется путем обращения к определенным предметам или активностям. Существуют ли здесь определенные предпочтения? Все ли предметы, события, все ли виды активности могут стать аддиктивными? Теоретически да, но практически наиболее часто встречающиеся формы отражают специфические свойства предметов и активностей, которые “облегчают” использование их с аддиктивной целью. На первый

план выступают вещества, обладающие способностью изменять психическое состояние; эти вещества в специальной литературе называют психотропными. К ним относятся, например, транквилизаторы (лекарства, применяемые для снятия напряжения, успокоения, психической релаксации), снотворные и др., употребляемые обычно в больших дозах не по назначению врача. В американско-английской литературе существует специальный термин — драгс (drugs), который применяется для обозначения лекарств, применяемых не как лекарства, а с аддитивной целью. Алкоголь также относится к числу веществ, изменяющих психическое состояние, и поэтому обладает большой аддитивной привлекательностью. К веществам, не обладающим способностью вызывать изменение психического состояния, аддикция развивается реже, для ее возникновения нужны психологическая эмоциональная проекция, участие функции воображения, использование вкусовых, осязательных и других ощущений. Таким образом, аддитивным объектом может стать, например, пища — с этим бывает связано аддитивное переедание. В последнее время приходится встречать лиц, страдающих аддитивным голоданием. Возможно, их появление определенным образом связано с распространившимся методом лечения различных заболеваний (разгрузочной диетотерапией). Возникновение аддикции в этой форме связано с тем, что голодание приводит через некоторое время (несколько суток) к развитию эйфории (повышенного настроения), усилению двигательной активности, чувству облегчения и др. Такие состояния остаются в памяти лиц, прошедших курс голодания, и в дальнейшем могут приводить к появлению стремления повторно (уже без медицинских показаний) испытать то же состояние. В связи с этим нужно обратить внимание на опасность подобных экспериментов. Известны случаи, когда они приводили к тяжелым последствиям: нарушениям сердечно-сосудистого характера, коллапсам, смертельным исходам. Положение усугубляется тем обстоятельством, что лица, голодающие без медицинского наблюдения, недостаточно критичны к своему состоянию: на фоне повышенного настроения им кажется, что все обстоит великолепно, хотя на самом деле они уже могут находиться в критическом, опасном для жизни состоянии, не замечая этого.

Выбор объектов аддикции зависит, естественно, от их доступности, а также традиций. Поэтому в разных культурах существуют различные средства и способы реализации аддитивного поведения. Эти различия вместе с тем не должны закрывать нам глаза на общие, транскультуральные механизмы, знание которых может помочь избежать повторения ошибок в про-

ведении антиаддитивных мероприятий в общегосударственных масштабах. В этом контексте нельзя не обратить внимание на чрезвычайно важную, с нашей точки зрения, особенность аддитивного поведения: аддикты могут легко переходить от одной формы аддикции к другой, от одного аддитивного объекта к другому, сохраняя при этом основные аддитивные механизмы.

К чему приводит иллюзия решения проблемы

Переход от одной формы аддитивного поведения к другой создает иллюзию исчезновения проблемы. Эта иллюзия очень опасна и может приводить к серьезным последствиям для человека и общества. Непонимание сущности аддитивной проблемы, игнорирование положительного и отрицательного международного опыта по разработке эффективных антиалкогольных программ в особенно заостренных формах проявились в методах "борьбы с алкоголизмом" после Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о борьбе с пьянством, алкоголизмом и самогонварением от 7 мая 1985 года. В основу следующей за постановлением антиалкогольной кампании были положены простые формулы: причина роста алкоголизма в стране — наличие алкоголя, его изготовление и продажа; решение алкогольной проблемы — в запрете изготовления и продажи алкоголя. Из этого следует необходимость как можно скорее исключить алкоголь из сферы производства и продажи. После исчезновения алкоголя сами собой исчезнут и связанные с его употреблением проблемы, наступит полное трезвление общества.

Антиалкогольные мероприятия в первые годы (вплоть до 1989 г.) после постановления осуществлялись согласно указанной схеме с применением преимущественно командно-административных подходов, жесткими проверками выполнения на местах, проводимыми различными комиссиями. В некоторых областях, например в Томской, Горьковской, Хабаровском крае алкогольные ограничения были особенно жесткими, приближаясь к "сухому закону" Новосибирск, несмотря на представленность в нем трезвеннического движения, старался, как нам кажется, занимать умеренную позицию. Следует подчеркнуть, что мы еще в 1985 г. обращали внимание на бесперспективность попыток решать алкогольную проблему путем введения "сухого закона" в полном или урезанном виде. Высказывая эту не только непопулярную, но, скажем прямо, и чуть ли не "диссидентскую" в то время точку зрения, мы приводили данные опыта применения "сухого закона" и резких ограниче-

ний изготовления и продажи алкоголя в ряде стран, в том числе в США (1920-1932), России и СССР (1914-1925), Польше (1981-1983). Анализ этих попыток свидетельствовал об их бесперспективности и отрицательных последствиях: росте самогонварения и токсико-наркоманий, появлении и росте организованной преступности¹. Остановимся на двух первых вопросах, имеющих непосредственное отношение к проблеме аддикций. Как мы уже говорили, аддикт легко переходит от одной формы аддикции к другой. В обстановке невозможности или серьезных затруднений достать алкоголь алкогольный аддикт может идти по пути: а) самостоятельного изготовления алкоголя; б) замены алкоголя другими веществами, изменяющими психическое состояние; в) переключения на другие виды аддиктивной деятельности. Первый вариант может иметь очень широкое распространение с учетом имеющегося в популяции опыта в этом отношении, т.е. в районах, где самогонварение имело определенное распространение, следует ожидать его максимального развития. В районах, где такой опыт распространен не был, при современной информации и большой миграции населения развитие самогонварения также возможно, причем с большей вероятностью изготовления плохо очищенного алкоголя. Второй вариант обусловлен перениманием опыта наркоманов и лиц, периодически употребляющих различные психотропные средства. Этот вариант в настоящее время имеет большие возможности реализации в связи со значительным количеством лекарств, способных изменять психическое состояние, различных химических соединений, содержащих и не содержащих алкоголь косметических средств, изделий бытовой химии и др. Все это, к сожалению, и происходит сегодня. Масштабы самогонварения таковы, что подрывают во многом государственную монополию на производство и продажу алкоголя. По данным МВД СССР, в 1989 г. зарегистрировано 132 тыс. лиц, употребляющих наркотики (из них около 65 тыс. страдает токсико-наркоманиями), в то время как в 1987 г. приводилась цифра около 40 тыс.

Третий вариант - переключение на другие виды аддиктивной активности - представляется также возможным. По нашим наблюдениям, он может заключаться в переедании (3-4%), когда пища становится аддиктивным объектом, а также в утрированном накопительстве, сопровождающемся скаречностью. Такие лица становились до того невыносимыми в семейных усло-

¹ См. подробнее статью: Ц.П. Короленко, Т.А. Донских.
Не упрощая ситуацию // Сиб. огни. - 1988. - № 12.

виях, что их оставляли жены, утверждая, что "когда он пил то была какая-то надежда на излечение, а сейчас надеяться уже не на что". Таким образом, эффективные антиалкогольные подходы должны рассматривать злоупотребление алкоголем не как изолированную проблему, а как часть аддиктивного поведения, исходить из понимания, что алкогольный аддикт стремится не к алкоголю как таковому, а к алкоголю как средству, изменяющему его психическое состояние в желаемом направлении. Если это стремление к изменению искусственным образом своего психического состояния сохраняется - сохраняется и аддиктивное отношение к жизни: проблема остается открытой, и нельзя надеяться на хороший прогноз.

Мы уже обращали внимание на то, что такая форма деструктивного поведения, как аддиктивное поведение, имеет определенную динамику, т.е. определенное развитие, заключающееся в прогрессивном углублении нарушений в случаях, когда процесс не будет остановлен. Для такого благоприятного исхода обычно необходимы значительные волевые усилия, понимание сущности процесса и помощь компетентных специалистов. До сих пор мы останавливались в основном на характеристике аддиктивного поведения в его развитой форме, анализируя психологические механизмы процесса.

В дальнейшем, основываясь на собственных наблюдениях и данных литературы /Segal, 1988; Näkken, 1988; Schaefer, Fassel, 1988; и др./, мы попытаемся рассказать об особенностях развития аддиктивного поведения, выделить основные узлы процесса.

Узел первый. Начало отклонения. Что можно считать возникновением аддикции? С чего начинается весь этот процесс нарастающих изменений, затрагивающих основные личностные установки? Начало процесса, его исходная точка - переживание интенсивного острого изменения психического состояния в виде повышенного настроения, чувства радости, экстаза, необычного подъема, ощущения драматизма, риска в связи с определенными действиями. (прием вещества, изменяющего психическое состояние, переживание в связи с ситуацией риска в азартной игре, чувство необычного волнения при знакомстве с какой-либо коллекцией и др.) и фиксация в сознании этой связи. Здесь очень важна интенсивность переживаемой в таком случае эмоции. Поясним это положение на одном примере. В проводимых нами исследованиях лица с алкогольным аддиктивным поведением сравнивались с лицами без алкогольных проблем по одному признаку: воспоминание о первой встрече с алкоголем, т.е. о первой в жизни выпивке. Были получены результаты, свиде-

тельствующие о том, что лица с алкогольным аддиктивным поведением достоверно чаще помнят первую встречу с алкоголем, чем лица без алкогольных проблем. Чем объясняется такое различие? Интенсивным эмоциональным переживанием в первом случае и отсутствием такового во втором. Лица с развившимся в дальнейшем алкогольным поведением во время первой выпивки испытывали серьезное изменение психического состояния: в большинстве случаев чувство веселья, "взлета", "высвобождения" и т.д. Это состояние фиксировалось в памяти, и на основе этой фиксации развивалось аддиктивное поведение. Интересно, что развитие аддиктивного алкогольного поведения часто имело место и в случаях, когда первая встреча с алкоголем сопровождалась интенсивными переживаниями отрицательного содержания. Они также фиксировались в памяти и вызывали желание еще раз попробовать, вызовет алкоголь это или же другое состояние. В таких случаях нельзя исключить наличие скрытого стремления к деструкции, выражающегося в саморазрушительном поведении. Вообще здесь важна глубина и сила переживаний.

Начало аддиктивного процесса характеризуется, таким образом, возникновением понимания, что существует определенный способ, вид активности, с помощью которого можно сравнительно легко изменять свое психическое состояние. Естественно, что люди, испытывающие трудности, стрессы, люди, недовольные собой и окружающим миром, легче и быстрее становятся на путь аддикции, особенно при отсутствии поддержки со стороны друзей и близких. Подчеркнем еще раз, что особенность аддикции – в постепенном разрыве контактов с людьми, в нарушении межличностных отношений. В естественном, неаддиктивном поведении человек, попавший в трудную ситуацию, ищет поддержки не в фиксации на каких-то суррогатах, а в межличностном общении. Это общение включает прежде всего круг своей семьи, друзей и знакомых. От многих из них идет "заряд положительной энергии" в виде теплого участливого отношения, заботы, сопереживания. Эмоциональная поддержка, поддержка словом способствуют улучшению настроения, стимулируют оптимизм, улучшают самочувствие, повышают самооценку. Это взаимообогащающий процесс, от которого выигрывают все его участники. Особенно важно подчеркнуть, что в процессе общения включаются, начинают функционировать ранее скрытые потенциальные возможности: человек начинает лучше понимать себя и других людей, нередко в нем пробуждается способность к творческому подходу – стремление постигать новое, найти способ продуктивного самовыражения. Большое значение

имеют контакты с товарищами по работе, участие в различных секциях, кружках, где возможно отвлечение, сочетаемое с каким-то видом полезной деятельности, общение в группе. Все это противостоит, противоречит аддиктивным подходам и может быть полезным для людей, оказавшихся в начале аддиктивного пути. Противостоит аддикции то, что называют духовностью. Это может быть чувство внутренней целесообразности, чувство единства с природой и миром, ощущение себя как части окружающего мира, природы, места, занимаемого в ней, и внутреннего чувства ответственности, смысла жизни, необходимости максимального самовыражения. Духовность может находить выражение в различных религиозных подходах. Так, в США существует Общество Анонимных Алкоголиков (АА), которое в настоящее время в связи с большой эффективностью распространяет свои антиалкогольные программы во многих странах. В программе АА содержится положение, что человек, страдающий алкоголизмом, должен исходить из того, что он бессилен в отношении алкоголя, но существует Высшая Сила, в которую он должен поверить для того, чтобы справиться с проблемой. Эта Высшая Сила может восприниматься верующими в образе Бога, атеистами – в образе Природы. В программе АА имеется также утверждение о необходимости духовного прогресса в процессе к выздоровлению.

Чем раньше после начала развития аддикции человеку будет оказана помощь, тем вероятнее возможность остановки этого опасного болезненного процесса. Если же процесс не остановлен, то происходит формирование следующего этапа.

Узел второй – аддиктивный ритм. Второй этап аддиктивного поведения характеризуется формированием определенной последовательности прибегания к средствам аддикции. Устанавливается определенная частота реализации аддиктивного поведения. Она зависит от многих факторов: особенностей личности до возникновения аддикции, предшествующих аддикции установок, особенностей воспитания, культурного уровня, окружающей социальной среды, значимых событий в жизни, изменений привычного стереотипа в связи с переездом в другой регион, сменой работы, изменением состава семьи, заболеванием, утратой трудоспособности, выходом на пенсию и др. Ритм аддикции на этом этапе коррелирует с жизненными затруднениями, фрустрациями и определяется порогом переносимости этих затруднений: чем порог ниже, тем ритм быстрее. В промежутках между прибеганием к аддикции такие люди продолжают находиться в сфере прежних межличностных отношений. Они как бы пробуют два пути – естественный и искусственный (аддиктивный). Постепен-

но аддитивный ритм становится более частым, естественные отношения с людьми отступают на второй план. Ситуации, вызывающие аддитивную реализацию, становятся все более разнообразными: все, что вызывает душевное беспокойство, тревогу, чувство психологического дискомфорта, провоцирует аддитивное поведение.

Узел третий – формирование аддитивного поведения как интегральной части личности. Учащение аддитивного ритма приводит к тому, что он становится стереотипным, привычным типом реагирования, методом выбора при встрече с требованиями реальной жизни. У таких людей под влиянием различных обстоятельств могут возникать периоды, когда какая-то форма аддитивного поведения временно прекращает проявляться. Так, например, лица с алкогольным аддитивным поведением при правильно сформированных личностных подходах до возникновения аддикции могут самостоятельно прекращать употребление алкоголя, столкнувшись с серьезными неприятностями на производстве или в семье. Такие периоды возникают в ситуациях повышенного контроля, особой ответственности и др. Однако, если произошло формирование аддитивного поведения как интегральной части личности, этот блок остается в психике и всегда возможно возвращение на рельсы аддитивного ритма. Следует учитывать и возможность другого варианта – перехода на новую форму аддитивной активности, чего большинство окружающих долгое время не замечают. В литературе часто пользуются термином "сухой алкоголик" по отношению к алкогольным аддиктам, которые прекратили употребление алкоголя, но сохранили аддитивные подходы. В общей форме это выражается в явном дефекте в области естественных межличностных отношений, т.е. здесь имеет место в лучшем случае аддикция без аддикции – исключение одной развившейся формы аддикции не сопровождается восстановлением пострадавших личностных подходов в области отношений с людьми. Таким образом, "сухой алкоголик" представляет собой человека, малопривлекательного для окружающих. Особенно трудные ситуации создаются для членов его семьи – здесь проявляется отсутствие эмоционального контакта, сопереживания, маскируемое демагогическими резонерскими рассуждениями. Аддитивные механизмы находят выражение в болезненной приверженности к накопительству, строжайшему соблюдению им же созданного нового жизненного распорядка, соблюдать который он требует и от других членов семьи. Характерны постоянные нравоучения, использование для оправдания своего нелепого даже с точки зрения здравого смысла поведения различных лозунгов (как в не-

давнем прошлом — "экономика должна быть экономной") для прикрытия своей скупости, заимствованных из разных популярных источников формул типа: "в здоровом теле здоровый дух", "чистота — залог здоровья" и т.д. В поведении выражены нетерпимость, агрессивность, максимализм. Увлечение определенными формами деятельности может носить объективно полезный характер, например участие в трезвенническом движении. Однако всегда наблюдаются отсутствие тонких дифференцировок, эмпатии, взаимопонимания на человеческом уровне, страх перед обычными человеческими отношениями. Всегда имеет место угроза возвращения к алкогольной аддикции.

Nakken /1988/ считает, что лица с сформировавшимся аддиктивным подходом, которых он называет "аддиктивными личностями", пользуются в повседневной жизни несколькими формулами: "по существу я не нуждаюсь в людях; мне не нужно что-то решать, если я этого не хочу; я боюсь думать о своих жизненных проблемах; вещи для меня важнее, чем люди; я могу поступать так, как мне нравится, не обращая внимания на то, страдают ли от этого другие люди"

Согласно нашим наблюдениям, лица с различными формами аддиктивного поведения в той или иной степени объективно используют названные подходы, однако у них сильно представлены защитные механизмы, выражающиеся в упорном отрицании наличия серьезных психологических проблем. В своей изолированности они обвиняют окружающих, проецируя на них собственные проблемы: "меня окружают плохие люди, они думают только о себе, они никем кроме себя не интересуются, им все безразлично, лишь бы не расстраиваться и получать удовольствие". Другая форма защиты заключается в отрицании самого факта социальной изоляции: "у меня много друзей, мы часто встречаемся и обсуждаем разные там... дела. Среди моих знакомых много уважаемых людей. Вот, например, хоккеист из нашей заводской команды или продавец из винного отдела магазина. Если я в беде, они всегда помогут. Дома у меня, как у всех, все в порядке, все на месте, живем не бедно, зарабатываю хорошо". Такого рода защитные механизмы имеют для людей с аддиктивным поведением большое значение, они способствуют сохранению иллюзорного чувства психического комфорта. Их грубое разрушение может оказаться опасным: в случаях алкогольной аддикции, например, привести к усилению последней, отчаянию и даже самоубийству.

Формирование аддиктивного звена как интегральной части личности сопровождается внутренней борьбой. Несмотря на наличие защитных механизмов, в основном на подсознательном

уровне возникает чувство тревоги, неблагополучия (отсюда и появление защитных реакций). Анализируя такие состояния, мы пришли к заключению, что в них большое значение имеет ощущение "инакости", отличия от других, т.е. в жизни появляется тайна, формируется какая-то другая личность со своими особыми привычками, реакциями, интересами. Эта вторая личность во многом противоположна прежней, она не просто сосуществует с ней, но вытесняет и разрушает ее. Приведем несколько высказываний лиц с аддиктивным поведением на этом этапе его развития: "я чувствую, что во мне развивается другой человек, с другими чувствами и интересами"; "находясь наедине с собой, я стала рассматривать себя в зеркале, всматриваться в свое лицо, в выражение глаз. Раньше я это делала, когда красила ресницы, брови, губы, употребляла другую косметику, а сейчас я проверяю, не изменилась ли я, т.е. не могут ли обнаружить мое внутреннее изменение мои родные и знакомые"; "мне бывает неловко и даже стыдно перед моими близкими, которые не видят, не понимают, что я уже не тот человек, которым был раньше. Какая-то часть меня остается прежней, но в целом я стал другим, отчужденным и безразличным к чувствам и страданиям даже моих близких" Нужно еще раз отметить, что такие признания можно получить только после длительной психотерапевтической работы в связи с защитной реакцией отрицания всех психологических проблем. Внутренняя борьба, происходящая в психике человека с развитым аддиктивным поведением, является, таким образом, борьбой между аддиктивным поведением как новой интегральной частью личности и прежней личностью. В зависимости от конкретной формы аддикции возникает то или иное своеобразие. Например, при аддикциях, связанных с употреблением алкоголя и тем более наркотиков, т.е. при фармакологических аддикциях, на определенном этапе приема веществ, изменяющих психическое состояние, в связи с обменными нарушениями могут появиться симптомы физической зависимости в виде явлений абстиненции (тяжелых нарушений на выходе из интоксикации, алкогольного или наркотического "голода"). Эти симптомы, сами по себе достаточно тяжелые, часто субъективно воспринимаются как "наказание", как расплата за свое поведение. Возникают чувство стыда, мысли о собственной неполноценности, самообвинение. Все это не приводит обычно к стремлению вырваться из аддиктивных отношений, а вызывает желание действовать по привычному механизму — не думать ни о чем неприятном, делать только то, что доставляет удовольствие, провоцирует усиление аддиктивного поведения. Любое дискомфортное состояние, воз-

никновение эмоционального напряжения, колебание настроения в сторону снижения оказываются стимулами, провоцирующими реализацию аддиктивного поведения. Приведем еще несколько примеров. Если человек с аддиктивным поведением, выражающимся в участии в азартных играх, почувствует себя плохо в психологическом плане, ему станет скучно или грустно, он воспримет это состояние как сигнал к действию – участию в азартной игре. Если человек с алкогольным аддиктивным поведением обидится на кого-нибудь по ничтожному поводу или поссорится со случайным прохожим и у него возникнет состояние злости или досады, он не будет сколько-нибудь долго переживать эти чувства, а, возможно, скорее прибегнет к алкоголю для того, чтобы от них избавиться. У многих аддиктов таким образом создается иллюзия полного контроля над своими эмоциями и правильности своего поведения.

Каким еще образом аддиктивное поведение вытесняет прежнее “я”, прежнюю личность? Как мы уже указывали, процесс характеризуется определенным раздвоением личности и внутренней борьбой. Выступает отчетливо защитная реакция отрицания существующих проблем. Это внешнее отрицание (отрицание для других) может сочетаться с внутренним осознанием опасности. И тогда вступает в действие защитная реакция “для себя”, она заключается в использовании формальной логики. Применительно к аддиктивному процессу это выглядит как объяснение своего поведения ссылками на различные внешние факторы и ситуации и рассматриванием его как случайного или в худшем случае временного явления.

Так, например, лица с серьезными алкогольными проблемами, отрицая их наличие, нередко склонны объяснять свои неудачи плохими семейными взаимоотношениями или неудачным выбором профессии и невозможностью самовыражения. Лица с аддиктивным перееданием утверждают в ряде случаев, что у них вообще отсутствует эта проблема, что сейчас они обратят на это внимание и завтра же перейдут на строгую диету.

Формирование аддиктивного поведения как интегральной части личности делает аддиктов невосприимчивыми к попыткам их критики, разубеждению на уровне здравого смысла. Сразу же подчеркнем, что аддикцию нельзя понять, исходя из здравого смысла. Формально-логические умозаключения аддикта подчинены его эмоциональному состоянию и являются по сути дела оформлением в логической форме “мышления по желанию”, направленного в данном случае на вытеснение из сознания реальной ситуации, на блокирование возможности критического отношения к себе. Мотивация искусственного изменения своего психического состояния становится настолько интенсивной, что

мом алкоголизма" Идеи ревности наблюдаются у лиц с алкогольным аддитивным поведением значительно чаще, чем устанавливаются врачами. Это связано со стремлением скрывать свои переживания, что удается, в особенности на первых этапах развития идей ревности. Мысли о супружеской неверности возникают сначала обычно во время опьянения, а при протрезвлении исчезают, к ним появляется критическое отношение. В дальнейшем, по мере развития процесса, идеи ревности проявляются и в состоянии опьянения, и в трезвом состоянии. Алкогольные аддикты подозревают своих жен в неверности, постоянно следят за ними, пытаясь уличить в измене. Они проверяют личные вещи жены, белье, часто расспрашивают соседей и знакомых. Характерны попытки повсюду найти доказательства неверности. Незаправленная или смятая постель, пятна на одежде, несколько слов, которыми жена обменялась с посторонним мужчиной, — все это воспринимается в качестве несомненных доказательств неверности. На высоте развития идей ревности эти лица становятся демонстративно откровенными насчет "распушенности" своих жен, причем бросается в глаза несоизмеримость этой деятельности с элементарными вопросами семейной чести. Они становятся крайне навязчивыми с разговорами об изменах жены, расспросы изобилуют прямолинейными вопросами и носят, скорее, характер старательного оповещения о "непорядочности" жены в интимных вопросах. Возвращаясь с работы домой (часто в состоянии алкогольного опьянения), пытаются добиться "признания" в неверности, прибегая к угрозам расправы. Такого рода состояния опасны, и это следует знать, так как в ряде случаев лица с алкогольными идеями ревности могут наносить тяжелые физические травмы и даже совершать убийства подозреваемых.

Причина возникновения алкогольного бреда ревности окончательно не выяснена. Ряд авторов придают значение гормональным расстройствам, связанным с употреблением алкоголя. Подчеркивается значение сочетания усиленного полового влечения с частичной или полной импотенцией /Llopis, 1960/. Мы в свое время также занимались этой проблемой и пришли к заключению, что эти объяснения отражают лишь часть истины и не выявляют всех механизмов этого состояния /Банщиков, Короленко, 1968/. В настоящее время мы возвратились к анализу механизмов алкогольных идей ревности в плане концепции аддитивного поведения. Психологический анализ семи случаев идей ревности у лиц с алкогольным аддитивным поведением был построен таким образом, что тематика ревности в беседах с этими лицами вообще не затрагивалась, выяснялось в то же

время эмоциональное состояние. В результате было установлено, что в эмоциональном состоянии отчетливо выступала реакция страха, сочетаемая с комплексом неполноценности. Последний не сводился к исключительно сексуальной сфере. У шести из обследованных явления половой слабости не обнаруживались, они вступали в эротические связи с женщинами. Основная проблема заключалась в низкой самооценке, внешне тщательно скрываемой. Они считали, например, что проигрывают по сравнению с другими мужчинами, которые интереснее их, имеют большие возможности, в том числе экономические. Таким же образом они оценивали своих жен. На этом фоне легко могла фиксироваться мысль о том, что "жена найдет более подходящего и ей с ним будет лучше". А это приводило к отчаянию, сочетаемому не только с ревностью, но и с завистью в более широком смысле.

Узел пятый, заключительный – катастрофа. Доминирующее аддиктивное поведение, в какой конкретной форме оно бы ни проявлялось, разрушает не только психику, но и биологические процессы, происходящие в организме. Особенно тяжелые изменения развиваются у лиц с наркотическим аддиктивным поведением, когда хронические интоксикации приводят к поражению органов и систем, возникновению истощения. Нефармакологические аддикции также нарушают физическое состояние в связи с вызыванием постоянного стресса. Стрессовые состояния небезразличны для организма и прежде всего для сердечно-сосудистой системы. Так, у азартных игроков часто возникают сосудистые спазмы, головокружения, боли в области сердца, приступы стенокардии. Различные формы аддикции на заключительном этапе поражают преимущественно те или иные органы и системы: при аддиктивном переедании развиваются ожирение, нарастание массы тела, что в свою очередь приводит к сердечно-сосудистым расстройствам; алкогольное аддиктивное поведение часто приводит к серьезным заболеваниям печени, развитию цирроза. Общий стиль жизни лиц с аддиктивным поведением характеризуется, как мы уже указывали, пренебрежением правилами гигиены, отсутствием внимания к состоянию своего здоровья, что на заключительном этапе находит выражение в возникновении различных тяжелых заболеваний.

Психологическое состояние аддиктов на заключительном этапе определяется в основном подавленностью или апатией. Это обусловлено, в частности, тем, что само аддиктивное поведение, процесс непосредственной реализации аддиктивных мотиваций уже не приносит прежнего удовлетворения, не вызывает столь желаемых выраженных изменений настроения. Возвра-

тяться к прежним, доаддиктивным ценностям оказывается невозможным, так как здоровая часть личности, прежнее "я", разрушена. Положение усугубляется разрывом с семьей, близкими, потерей работы, квалификации, серьезными экономическими проблемами: большинство аддиктов на заключительном этапе функционируют ниже черты бедности. Они часто нарушают общественный порядок, законы, появляясь, например, в состоянии опьянения или наркотической интоксикации в общественных местах, создают аварийные ситуации на дорогах, попрошайничают, вымогают деньги у прохожих, совершают квартирные и другие кражи. Преобладающее плохое настроение может провоцировать у части аддиктов попытки совершить самоубийство. Такие попытки обычно не являются результатом длительных раздумий, а возникают импульсивно, внезапно, часто на фоне алкогольного опьянения. Спасенные после таких попыток аддикты на словах сожалеют о случившемся, однако глубоко не переживают, и всегда существует риск повторения попытки покончить с собой. Основные мотивы попыток совершить самоубийство на этой стадии: отчаяние, невозможность найти выход, чувство безысходности, изоляции и отчуждения от мира, одиночество.

Психотерапевтическая работа с аддиктами в заключительной стадии процесса очень трудна, так как с этими людьми почти невозможно установить эмоциональный контакт. Аддикты разучились эмоционально контактировать с людьми, исключают возможность взаимопонимания, избегают всего того, что носит интимный, доверительный характер.

Накопившиеся, неотреагированные стрессы, масса неразрешенных проблем приводят в последней стадии к общему кризису, проявляющемуся в психических, эмоциональных нарушениях. Среди этих нарушений мы называли чувство подавленности, отчаяние, апатию. Кроме того, возможны эмоциональные срывы, приступы ярости, обвинения близких и друзей в своих несчастьях. Такие вспышки обычно кратковременны и снова сменяются подавленностью. В определенном смысле эмоциональное состояние аддиктов в заключительной стадии можно охарактеризовать как духовное омертвение, опустошенность, т.е. исчезновение основных человеческих качеств.

Что вызывает возникновение аддиктивного поведения? Ответ на этот вопрос имеет большое значение для превенции (предупреждения) аддиктивного поведения в популяции, так как знания в этой области позволяют разработать соответствующие антиаддиктивные программы с включением необходимых организаций, заинтересованных лиц, широких кругов населения. Что

же известно сейчас на этот счет? Не вызывает сомнений, что аддиктивное поведение отражает неблагополучие в обществе, имеет социальную, психологическую, педагогическую, юридическую, медицинскую, культуральную стороны. Каждая из этих сторон требует профессионального подхода, знаний в этой области.

Результаты наших исследований в области аддиктивного поведения позволяют высказать некоторые положения о значении семейного воспитания в развитии предрасположенности к возникновению аддиктивного поведения. Выявление этих особенностей не снимает вопроса о значении биологических факторов в виде генетической предрасположенности к развитию разных, особенно фармакологических, аддикций.

Влияние семьи

На наш взгляд, правильнее говорить не о том, что то или иное воспитание может вызвать аддикцию, а о том, что существуют типы воспитания, которые создают более высокий риск возникновения аддиктивного поведения. Влияние семьи на психологическое состояние ребенка проявляется уже в самом раннем периоде его жизни. Согласно американскому специалисту в области психологии и психиатрии Sullivan, мать оказывает психологическое влияние на ребенка на невербальном (бессловесном) уровне сразу же после его рождения. Тревожность ("напряжение тревожности", по Sullivan) матери передается ребенку. Каким образом это происходит – автор не способен объяснить, он опирается на непосредственные наблюдения. Sullivan ограничивается предположением, что это связано с межличностным общением на эмпатическом уровне. Эмпатия – психологический термин, обозначающий схватывание, опознание эмоционального состояния человека без словесного описания на интуитивном уровне. Эмоциональное напряжение, тревожность матери, если она постоянна или часто возникает, таким образом, передается ребенку, лишает его чувства безопасности в непосредственном окружении. Ребенок в грудном возрасте, очевидно, лишен возможности освободиться от этой ранней тревоги, облегчить ее. Вместе с тем необходимость чувствовать себя в безопасности чрезвычайно важна для него, так как тревога приводит к формированию различных нарушений психического развития и физического здоровья. Единственный способ снять тревогу у ребенка заключается в устранении эмоционального напряжения у самой матери и проявлении нежности по отноше-

нию к ребенку. Мы познакомили читателя с одним из положений межличностной теории Sullivan с целью подчеркнуть значение семейных влияний, которые, по-видимому, могут проявляться не только на сознательном, но и на внешне скрытом подсознательном уровне. На ребенка оказывают воздействие не только слова, но и общая обстановка, психологический климат семьи, определяемый во многом отношениями между родителями, проблемами социального, экономического, этического характера. Напряженная ситуация в семье может создаваться, естественно, не только супругами, но и другими членами семьи: родителями мужа или жены, родственниками. Эти влияния могут быть достаточно сложными, положительными и отрицательными, не всегда легко опознаваемыми и поддающимися однозначной оценке.

Исходя, таким образом, из положения о семейных влияниях, логично предположить, что риск развития различных форм деструктивного поведения каким-то образом связан с факторами семейного уровня. Наши исследования в этой области позволяют высказать утверждение, что имеется определенное соответствие между некоторыми типами воспитания и видами деструктивного поведения. Поскольку в настоящей главе мы анализируем аддиктивное поведение, остановимся на типах воспитания, которые содержат в себе больший риск развития именно этой формы отклоняющегося поведения.

Гиперопека. Этот тип воспитания характеризуется преувеличенной, мелочной заботой о детях. Дети окружены вниманием, занимают главное место в семье. Родители стараются выполнять их желания, идут навстречу капризам, оказывают помощь и содействие. Одна из важных особенностей воспитания по типу гиперопеки заключается в том, что детям не предоставляется возможности самостоятельно принимать решения, самостоятельно действовать, справляться с трудностями, преодолевать препятствия. За что бы ни взялся ребенок, его или сразу останавливают, или через некоторое время начинают оказывать ему помощь. При этом очень типичны такие комментарии, как "ты еще маленький, не справишься", "дай я тебе помогу", "подожди, я сделаю это потом сама, ты все испортишь". Способность детей к самовыражению при таком типе воспитания оказывается резко ограниченной, у них подавляются любознательность, интерес к новому. Родители и родственники выполняют для ребенка "протезную" функцию, у него постепенно формируется уверенность в "защитной стене", в том, что не нужно предпринимать усилий, так как все будет за него сделано. Иногда такое воспитание, согласно нашим наблюдениям, связа-

но со скрытым желанием кого-то из родителей (как правило, матери) привязать к себе ребенка, сделать его полностью зависимым. Этот вопрос требует специального анализа, однако его рассмотрение выходит за пределы настоящей книги. Дети, воспитывающиеся в условиях гиперопеки, как иногда говорят — "в оранжерейных условиях" или "под стеклянным колпаком", не обучаются преодолению трудностей, они зависимы, несамостоятельны. Встречаясь с трудностями реальной жизни, не имея необходимых навыков их преодоления, они терпят неудачи, поражения. Это происходит частично уже в школе, хотя здесь также родители оказывают помощь, способствуя сглаживанию острых углов. Неудачи, неспособность самостоятельно справиться с той или иной проблемой приводят к появлению чувства неуверенности в себе, развитию стойкого состояния, которое в психологии называется комплексом неполноценности. Комплекс неполноценности выражается в заниженной самооценке, недоверии к своим способностям, страхе перед любыми трудностями в жизни. Этот комплекс тщательно скрывается не только от окружающих — о нем не хочется думать самому. Поэтому он вытесняется из сознания в подсознание, что не уменьшает, а, наоборот, усиливает его воздействие на настроение и определяет выбор психологической защиты, способствующей его еще большему вытеснению. Одним из способов такой защиты являются "мышление по желанию", эмоциональная логика, заменяющие реальность окружающего мира. Такие люди часто склонны к фантазированию на приятные для них темы, они живут в мире воображения, где все проблемы решаются магическим образом, "как по мановению волшебной палочки". Возникают мысли о собственной исключительности, человек представляет себя в образе популярного героя из просмотренного кино- или видеофильма: совершает необычные поступки, вызывает восхищение своих знакомых и побеждает своих врагов. Фантазии могут быть более "утилитарными", касаться конкретных ситуаций и людей, но во всех случаях для них типично содержание "реактивной грандиозности". Слово "реактивный" здесь обозначает "связанный с психической травмой", т.е. мысли о собственной грандиозности, обусловленные разочарованиями, поражениями в реальной жизни. Состояния фантазирования, "реактивной грандиозности" сменяются сниженным настроением и подавленностью. Таким образом создается благоприятная почва для возникновения аддиктивного поведения — стремление искусственным образом изменить свое психическое состояние для того, чтобы уйти от неприятных размышлений, забыться. Различные вещества с наркотическим эффектом,

включая алкоголь, облегчают уход от реальности, а в ряде случаев непосредственно стимулируют сферу воображения, приводят к исчезновению критического отношения к событиям и к самому себе, облегчают устранение комплекса неполноценности и его замену противоположным состоянием – комплексом реактивной грандиозности.

Предъявление непомерных требований. Этот тип воспитания во многом противоположен воспитанию по типу гиперопеки. От детей требуют очень многого: порядка, дисциплины, четкого выполнения своих обязанностей. Ребенок ставится в основном в позицию взрослого и с него точно так же спрашивают. Казалось бы, что в этом плохого? У детей с ранних лет воспитываются самостоятельность, чувство ответственности, умение справляться с трудностями. Дети растут закаленными, подготовленными к жизни. Отрицательные стороны такого воспитания связаны с несколькими существенными его особенностями: требования, предъявляемые к ребенку, чрезмерно высоки, их выполнение связано с максимальной мобилизацией всех его возможностей, умственных или физических; от ребенка требуется достижение успеха в различных сферах; достижение успеха становится самоцелью, страдают духовное развитие, формирование гуманистических ценностей.

Воспитание по типу предъявления непомерных требований может иметь различные оттенки: на первый план в ряде случаев выступают амбициозные подходы, желание родителей путем успехов ребенка демонстрировать в обществе свою значимость и повышать свой "престиж", т.е. ребенок рассматривается родителями как один из атрибутов социального благосостояния, как символ успеха. В других случаях основной целью является просто освобождение себя от ряда обязанностей и передача их ребенку, как, например, присмотр за младшими детьми, уборка квартиры, покупки и др. Согласно нашим данным, этот тип воспитания создает повышенный риск развития аддиктивного поведения главным образом в тех случаях, когда основной нажим делается на "ставку на лидера": ребенок должен получать отличные оценки в школе, выигрывать соревнования, олимпиады. Любимые занятия сами по себе не признаются; если дети посещают какой-нибудь кружок, начинают заниматься, например, музыкой или спортом, от них сразу же требуют достижений. При таком подходе извращается смысл многих ценностей. Обесценивается хобби, нарушаются интимные механизмы человеческих отношений. Люди рассматриваются с точки зрения их "нужности", отношения определяются социальным статусом. Родители в таких семьях придерживаются поверхно-

стных систем ценностей, часто заимствованных из средств массовой информации. Наиболее существенный недостаток родителей заключается в неспособности выразить чувство любви к своим детям и друг к другу. Таким образом, здесь также создаются благоприятные условия для возникновения аддиктивного поведения, что обусловлено, с одной стороны, отсутствием достаточных навыков общения, основанного на взаимопонимании, с другой – постоянным страхом неудачи, поражения, страхом оказаться "не на высоте". Отсутствие навыков эмоционального общения толкает человека на замену естественных форм общения "общением" с предметами или явлениями. Постоянное напряжение, страх оказаться несостоятельным вызывают стремление избавиться от этих субъективно неприятных состояний, что может достигаться с помощью различных аддиктивных веществ, например алкоголя.

Одним из вариантов воспитания по типу предъявления непомерных требований, создающих повышенный риск развития аддиктивного поведения, является сочетание повышенных требований с неудовлетворенностью родителей любыми результатами, отсутствием поощрения. Näkken /1988/ называет такие семьи "стыдящими". Автор указывает, что существуют семьи, постоянно недовольные успехами своих детей. Если ребенок в такой семье приходит из школы с отличными оценками, его не хвалят, а читают лекцию на тему, как нужно упорно работать, чтобы достичь чего-то в жизни. В такого рода семьях царствует постоянное напряжение, люди смотрят осуждающе, иногда подолгу не разговаривают друг с другом. Наказание детей молчанием следует за совсем незначительным проступком. Возможны постоянная ирония, высмеивание. Дети в таких семьях не чувствуют себя в эмоциональной безопасности. У них теряются стимулы к полезной деятельности, возникает общее недоверие к людям, стремление избегать общения с ними. Дети ищут замены общения с родителями общением со сверстниками, иногда с животными, например, настаивают на приобретении собаки, с которой разговаривают "по секрету": рассказывают ей о своих сокровенных делах, изливают свои чувства. Все это толкает детей к развитию аддиктивного поведения. Считаем необходимым добавить, что родители, часто стыдящие своих детей, нередко наносят им большой вред, который не исчерпывается возможностью развития аддиктивного поведения. Это способствует задержке развития личности, формирует у детей экстремистские, полярно противоположные, подходы: таким образом может развиваться, например, психология раба или психология стремления к неограниченной власти над дру-

гими. Эти противоположные тенденции обычно сочетаются у одного и того же человека. По отношению к людям, обладающим властью, они проявляют рабское подчинение, пресмыкаются и угождают им, по отношению к подчиненным проявляют деспотизм, жестокость, игнорируют их человеческое достоинство. В других случаях возможно возникновение жизненной позиции, характеризующейся комплексом вины перед родителями, знакомыми, школой, обществом в целом. Такие дети обвиняют себя во всех неприятностях и несчастьях, происходящих с их родными и близкими. Во взрослом возрасте они продолжают считать себя внутри плохими людьми и боятся быть "разоблаченными" их знакомыми. Такая жизненная позиция также создает благоприятную почву для развития аддиктивного поведения.

Воспитание в семьях с непрогнозируемыми эмоциональными реакциями. В данном случае речь идет о родителях, склонных к неожиданным изменениям настроения и отношения к детям. Изменение отношения непосредственно не связано с поведением детей, а обусловлено внутренним состоянием родителей, особенностями их личности. Так, например, экзальтированные люди с истерическими чертами характера бывают склонны к внезапным изменениям настроения и отношения к людям. Невозможность прогнозировать такие изменения имеет отрицательное влияние на детей, которые не знают, чего следует ожидать от родителей после ночного сна, после прихода из школы, прогулки. За одно и то же можно быть наказанным и обласканным. Бывают дни, когда мать окружает ребенка любовью, ласкает, не замечает серьезные проступки и вдруг безо всякого видимого повода становится злой, придирчивой, может оскорбить, выругать, ударить. Отсутствие постоянства приводит к тому, что дети чувствуют себя неуверенно, у них отсутствует чувство эмоциональной уверенности в родительской любви. Постепенно эта неуверенность становится чертой характера и в дальнейшем проецируется на отношения со всеми людьми, которые воспринимаются на основе привычной родительской модели. В результате эти люди оказываются чрезвычайно нестабильными в межличностных отношениях. В них постоянно дремлет ожидание разрыва, они не уверены в стабильности дружбы, брака и т.д. Чувство нестабильности приводит к неожиданным решениям; например, на фоне полного благополучия отношений с любимым человеком они идут на конфликты, ссоры, объективно стремясь к разрыву контактов. Такое поведение носит своеобразный защитный характер. В качестве иллюстрации приведем одно из наших наблюдений.

Женщина Н. в возрасте 30 лет обратилась за помощью в связи со сниженным настроением, раздражительностью,

общей неудовлетворенностью жизнью. Выяснилось, что в течение последних 5 лет она упорно стремилась выйти замуж, за это время у нее было несколько женихов, однако она со всеми порвала отношения, в двух случаях непосредственно перед оформлением брака. Эти последние случаи вызвали у нее усиление внутреннего беспокойства, тревоги, появились бессонница, мысли о том, что с ней "не все в порядке, поскольку она не может приспособиться к жизни, как ее знакомые и подруги" Анализ причин разрывов показал, что в ряде случаев ухаживающие за ней мужчины ей просто не нравились, она считала их недалекими и скучными. Разрывы отношений с ними она воспринимала без каких-либо переживаний, наоборот, возникало чувство облегчения: "удалось развязаться" Однако в двух случаях все выглядело по-другому. К одному из женихов у нее возникло чувство привязанности, уважения и зависимости. Эти состояния вызвали, в свою очередь, страх "окончательно привязаться" и переживать, если она ему потом надоест. Такой пессимистичный прогноз представлялся ей единственно возможным и неизбежным. И поэтому она накануне регистрации, воспользовавшись вызванной ею же ссорой, прервала всякие контакты.

Во втором случае имела место "страстная влюбленность" Она обо всем забыла, строила планы переезда вместе с любимым человеком в другой город, где у него была квартира и ответственная работа. Когда же нужно было принять окончательное решение, она неожиданно поехала к жениху в гости не одна, а с подругой, вела себя подчеркнуто развязно, упрекала жениха в консерватизме, скупоности (не имея на это достаточных оснований), провоцировала подругу, чтобы та попыталась соблазнить ее жениха. В результате отношения оказались окончательно нарушенными. Анализ этой истории показал, что поведение Н. определялось страхом (частично подсознательным) попасть в зависимость от человека, которому она внутренне также не доверяла. ("Ведь он уже был женат и разошелся, то же произойдет и со мной".) Поездка с подругой имела целью катализировать, ускорить прогнозируемое после брака развитие ситуации, убедиться в правильности своих прогнозов. Интересно, что Н. воспитывалась в семье с выраженной непрогнозируемостью эмоциональных реакций, особенно со стороны отца, который развелся с матерью и очень по-разному относился к дочери: иногда осыпал ее подарками, после чего проявлял полное безразличие и относился как к чужой.

Таким образом, как мы уже говорили, деструктивное поведение, развившееся в результате воспитания в семьях с выраженными непрогнозируемыми эмоциональными реакциями, эмоциональной нестабильностью может носить различный характер, однако во многих случаях эти разные формы легко сочетаются с аддиктивным поведением.

В качестве примера можно привести историю женщины И., которая испытывала чувство неуверенности и страха в ситуациях, когда ее близкий знакомый находился даже в кратковременном отъезде, командировке, туристском походе и т.д. Даже кратковременная разлука воспринималась ею как прекращение отношений. "Я могу любить человека только когда он здесь, рядом со мной, когда я его вижу и не нужно ничего вспоминать, воображать, придумывать". И. панически боялась "уходить в мир воображения", так как это означало для нее оторваться от жизни, потерять почву под ногами, она не могла хорошо думать о любимом человеке в период его отсутствия потому, что сразу возникал страх, что ее мысли не соответствуют действительности, а в это время он ее бросил и уже никогда к ней не вернется. Для того чтобы не переживать и "отомстить", И. начинала употреблять алкоголь и встречаться с другим мужчиной, что в конце концов привело к действительному разрыву отношений с любимым человеком. Разрыв вызвал серьезное потрясение и привел к развитию алкогольного аддиктивного поведения.

Гипоопека. Здесь характерно недостаточное внимание к детям. Возможны разные варианты, в том числе и скрытая гипоопека. Для развития аддиктивного поведения имеет значение воспитание в неблагополучных, неполных семьях. Особое значение имеет наличие алкогольного или наркотического аддиктивного поведения в семье, когда, например, отец, мать или оба родителя страдают алкоголизмом. Дети в таких семьях предоставлены сами себе, нередко они не обеспечены даже необходимым материальным минимумом. Недостаточная опека может сочетаться со скандалами, драками между родителями, избиением детей. Дети боятся находиться дома, предпочитают проводить время в уличных компаниях. Характерно раннее знакомство с алкоголем или другими легкодоступными веществами, изменяющими психическое состояние (летучие вещества — бензин, ацетон и др.). Недостаточная опека в выраженной форме задерживает развитие личности, не формируется духовная сфера, интересы оказываются крайне ограниченными. Уже в

подростковом возрасте появляется чувство внутренней пустоты, слабо развита воля. На этом фоне аддиктивное поведение воспринимается как привлекательное, манящее необычными возможностями, оно бывает связано со встречами с новыми знакомыми, которые воспринимаются как сильные и интересные личности, "умеющие жить". Часто ими оказываются лица с аддиктивным поведением. Контакты с ними осуществляются на поверхностном, отражающем аддиктивные особенности уровне и сводятся к стремлению "хорошо провести время, получить кратковременное удовольствие, уйти от реальности".

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что возникновение аддиктивного поведения становится более вероятным, если родители сами являются аддиктами. В этих случаях часто имеет место воспитание по типу гипопеки (иногда скрытой), так как родители с аддиктивным поведением не способны к проявлению настоящих чувств к детям. Остановимся подробнее на факторах, ведущих к риску развития аддиктивного поведения в аддиктивных семьях.

Прежде всего этот риск увеличивается, если не один, а оба родителя вовлечены в сферу аддиктивного поведения. Эта "простая" истина вроде бы не может вызвать возражений, так как укладывается в рамки рационального логического вывода. Однако в действительности процесс носит более сложный характер. Аддиктивные родители не только усиливают риск развития аддикции у детей, но в определенной части случаев вызывают возникновение "со-зависимого" поведения. Что представляет собой "со-зависимое" поведение? Это поведение, выражающееся в проявлении заботы о родителях-аддиктах. Таким образом, возможны прямо противоположные явления – аддикция и "со-зависимость". Этим фактором объясняется то, что нередко активные трезвенники, лица, бескомпромиссно выступающие за полный запрет алкоголя, происходят из семей с серьезными алкогольными аддиктивными проблемами. Механизмы связей, взаимозависимостей между аддиктами и лицами с "со-зависимостью" нуждаются в дальнейшем изучении. Внешне все выглядит как борьба противоположностей, но, очевидно, существует и определенная зависимость друг от друга. Наличие такой зависимости находит свое совершенно неожиданное выражение на последующем этапе, когда дети аддиктов становятся взрослыми и устраивают свою семейную жизнь. Оказывается, что они часто женятся или выходят замуж за лиц с аддиктивным поведением. Об этом свидетельствуют данные статистики в различных европейских странах, США и Канаде. Более того, специалисты в области эпидемиологии алкоголизма хорошо знают,

что непьющие женщины из алкогольных семей, вышедшие замуж за лиц, страдающих алкоголизмом, после развода, связанного с алкогольными проблемами в семье, во многих случаях повторно выходят замуж за алкогольных аддиктов /Bradshaw, 1988; и др./ Каким образом можно объяснить этот роковой круг? Высказывается обоснованное предположение, что члены аддиктивных семей усваивают особый стиль поведения, специфическую манеру в общении. N kken подчеркивает, например, значение особого языка, свойственного всем аддиктам. На основании всех этих признаков аддикты на подсознательном уровне опознают друг друга и между ними сразу же налаживается контакт. Нам приходилось много раз беседовать с женщинами, повторно выходившими замуж за алкоголиков, несмотря на их заявления об отрицательном отношении к пьянству. Свой повторный неудачный выбор они не могли объяснить. Находясь в ситуации выбора альтернативных кандидатур мужчин без алкогольных проблем, они отвергали их, пытаясь находить в них различные недостатки. Предпочтение, отдаваемое лицам с алкогольным поведением, нельзя было также объяснить неинформированностью о них (хотя на это иногда они пытались сослаться), так как до вступления в брак их предупреждали знакомые или родственники, а порою сами женщины оказывались свидетельницами алкогольных эксцессов будущих мужей. Симпатия к ним была, очевидно, связана с приобретенной ролью "со-зависимости" по отношению к аддиктивному поведению. Такая жизнь была для них привычной, понятной, они знали, как вести себя в ней, другие же, неизвестные модели поведения их пугали.

Отметим также, что термин "со-зависимость" появился в связи с алкоголизмом и применялся для характеристики отношений в алкогольных семьях, только по отношению к женам алкоголиков. В дальнейшем применение термина расширилось, так как стало очевидно, что вся алкогольная семья является "со-зависимой". В связи с появлением концепции аддиктивного поведения, включающего, как мы уже неоднократно указывали, не только алкогольные проблемы, но и различные виды аддиктивной активности, целесообразно учитывать явление "со-зависимости" в семьях с различными (не только алкогольными) формами аддиктивного поведения. Можно утверждать, что любая аддиктивная семья содержит в себе структуру "со-зависимости". В упрощенном виде это выглядит следующим образом: если отец аддикт, мать проявляет "со-зависимость" с отцом. В такой структуре мать не в состоянии проявлять необходимую заботу о детях, так как она целиком фиксирована на аддиктив-

ных проблемах отца. Дети или становятся аддиктами, или проявляют "со-зависимость" с отцом, наряду с матерью.

Мы рассмотрели основные типы воспитания, семейные условия, влияющие на возникновение аддиктивного поведения. Однако анализ ситуации на семейном уровне не является достаточным для полного понимания проблемы аддиктивного поведения в современном мире. Необходимо учитывать не только микросоциальные семейные условия, но и влияние, отражающее социальную ситуацию в обществе в целом. До недавнего времени такой анализ был в наших условиях чрезвычайно затрудненным, а на публикацию полученных данных можно было рассчитывать в лучшем случае в рамках литературы "для служебного пользования", что делало невозможным не только контакты с зарубежными специалистами, имеющими значительно больший опыт в этой области, но и широкое обсуждение проблемы внутри страны. Все это объективно способствовало нарастанию отставания, в частности, в этом разделе социально-психологических исследований. Приведем некоторые данные о роли социальных факторов.

Аддикты и общество

Каждый человек живет и функционирует в обществе. Ребенок воспитывается в семье, его родители работают на том или ином предприятии, участвуют в общественных делах. Школа, институт, завод, больница, редакция, армия, предприятия общественного питания и т.д. – организации, с которыми приходится сталкиваться и принимать активное участие в их деятельности в разные периоды жизни. Стиль жизни общества, принятые нормы поведения, системы ценностей, этико-моральные принципы, ориентация на те или иные имиджи, на образцы поведения, заслуживающие подражания или вызывающие зависть, понятия справедливости, престижа – все это оказывает большое влияние на всю популяцию, каждую конкретную семью, каждого конкретного человека. Существуют ли в обществе ситуации, подходы, системы взглядов и отношений, которые могут способствовать развитию аддикции, аналогично тому, с чем мы уже встречались на уровне семьи?

Известно, что общее напряжение в популяции сопровождается ростом деструктивного, в том числе аддиктивного, поведения, т.е. рост последнего отражает неблагополучие в обществе. Однако эта формулировка носит крайне обобщенный характер и не продвигает нас далеко в понимании более глубо-

ких механизмов проблемы. Чтобы разобраться в проблеме глубже, попробуем задать кажущиеся парадоксальными вопросы: имеются ли в нашей социальной жизни стимулы для возникновения аддиктивного поведения? Если да, то что они собой представляют, как их можно опознать?

Отрицательный ответ на первый из этих вопросов можно, очевидно, исключить, хотя бы на основании распространенности аддиктивного поведения в его различных формах. Трудно себе представить, что при отсутствии внешних социальных стимулов аддиктивное поведение захватывало бы столь большие популяционные группы. Однако вряд ли можно в настоящее время представить себе страну, в которой население прямо призывалось бы к аддиктивному поведению. Такого рода призывы противоречили бы основам морали в различных общественных системах. Напротив, широко известны усилия многих стран по борьбе с алкоголизмом, распространением наркотиков, курением и т.д. Так, создаются различные профилактические антиалкогольные, антитабачные программы (США), проводятся антиалкогольные мероприятия в рамках всей страны (СССР), организуются добровольные общества помощи наркоманам (Польша, Венгрия, Скандинавские страны), общества помощи участникам азартных игр (США) и др. Таким образом, казалось бы, можно говорить, скорее, об антиаддиктивных подходах и имиджах. В чем здесь противоречие? С нашей точки зрения, оно заключается прежде всего в том общем для различных социальных систем явлении, что антиаддиктивные подходы направлены на конкретные (главным образом вызванные приемом веществ, изменяющих психическое состояние) формы аддикций при одновременном игнорировании общего для всех этих форм аддиктивного звена, которое на наиболее глубоком уровне мы предлагаем называть аддиктивным подходом к жизни. Аддиктивный подход к жизни может выражаться, как мы уже знаем, в многообразных проявлениях, в том числе и в особенностях мышления, эмоционального реагирования. Аддиктивный подход может проявляться по отношению ко всему, что окружает человека, к разным формам его деятельности. До сих пор мы в основном говорили о целях аддикции (стремление к искусственному изменению своего психического состояния) и способах ее реализации (замена человеческого эмоционального общения фиксацией на предметах и явлениях). Сейчас обратим внимание на одно последствие аддиктивного подхода к действительности: в результате этого подхода образуется промежуточная, буферная зона между "я" человека и его чувствами, его осознанием действительности. Аддиктивный подход лишает человека насто-

ящих эмоций. Для наглядности можно себе представить человека, который рассматривает природу через стекло или, еще ближе к существу, находясь на природе, например в горах на прогулке, рассматривает фотографии этих же видов в слайд-камере. Происходит отдаление от непосредственного контакта, бегство от нормальных, основанных на взаимности человеческих эмоций, фиксация на суррогатах и получение от этого аддиктивного и одновременно суженного удовольствия. Общество может стимулировать как раз такие глубинные механизмы аддикции, не прогнозируя последствий процесса. Один из способов подобного скрытого стимулирования – прагматическая ориентация на достижение успеха любой ценой с использованием принципа "цель оправдывает средства". Важно достижение цели, не важны способы достижения, процесс как таковой. Таким образом стимулируется пренебрежение к гуманной природе человека. Не интересуют переживания, страдания его и окружающих, их лишения, жертвы, главное – добиться "поставленной задачи". Сама по себе изложенная конструкция, несмотря на кажущийся рационализм, даже с прагматической точки зрения иррациональна. Достижение цели зачастую оказывается никому не нужной фикцией, приносящей больше вреда, чем пользы. Существует хорошая антитеза формуле "цель оправдывает средства" – "каковы средства, такова и цель". Преступные средства не могут привести к гуманной цели, по мере их применения происходит незаметное вначале изменение самой цели, а далее ее замена или исчезновение. Стимулирование достижения успеха может оказаться свойственным разным социальным формациям – демократическим и авторитарным. Так, например, в США получил в свое время распространение идеальный имидж, называемый "американской мечтой" (american dream), представляющий как раз достижение успеха. Человеку мыслящему (Homo sapiens) свойственны раздумья о смысле жизни. В американском варианте членам общества предлагался имидж успеха как эквивалент смысла жизни. Люди, реализующие этот идеал последовательно, в стремлении к успеху духовно обедняли себя посредством фиксации энергии и эмоций на узком спектре деятельности, полностью отдаваясь ей и испытывая в рамках своей активности интенсивные эмоции. В случаях неудачи, разочарования, невезения наконец они очень легко переключались на более легкие, не требующие больших усилий формы аддикции, как, например, азартные игры, употребление алкоголя, марихуаны, иногда – переедание и др.

В условиях авторитарных диктаторских режимов в качестве "смысла жизни" предлагался имидж "светлого будущего",

для достижения которого требовались большая жертвенность, лишения, пренебрежение ко всему "личному", "интимному". Таким путем стимулировалось у определенной части общества фанатическое поведение. Конкретизация абстрактного термина "светлое будущее" и определенных этапов его становления, формы реализации соответствовали взглядам и эстетическим вкусам диктаторов или в лучшем случае их близкого окружения и становились директивой. Ситуации были типичными для большинства отраслей: культуры, педагогики, здравоохранения, науки, техники и др. Чем в большей степени та или иная отрасль отражала систему общечеловеческих ценностей и была обращена к личности, тем жестче был идеологический контроль. Лица творческие, не индоктринируемые официальной пропагандой оказывались перед необходимостью адаптироваться, в частности путем ухода в области, наиболее трудно контролируемые идеологическим аппаратом: точные науки, математику, геологию и др. Такой уход далеко не всегда оказывается успешным. В целом такие структуры приводят к подавлению творческого потенциала популяции, резко ограничивают возможности самовыражения, что способствует нарастанию аддиктивного поведения в различных, в том числе в большинстве случаев в наиболее грубых, формах (алкоголизм, токсико- и наркомании).

Аддиктивное поведение нередко возникает и у лиц, добившихся успеха, в особенности, если они добивались его "любой ценой". В психиатрической литературе описано состояние, получившее название "депрессия успеха". В мягкой форме оно известно на опыте многим из нас. Так, например, после сдачи трудных экзаменов, окончания школы, института, завершения какой-нибудь серьезной работы нередко возникает ощущение легкой грусти и психологического вакуума. Состояние это носит обычно кратковременный характер и быстро проходит, так как появляются новые цели и снова становится интересно жить, поскольку возникают новые положительные мотивации. В то же время, если человек добился поставленной цели, пренебрегая на пути к ней всем или очень многим, "взобрался на вершину", растеряв по пути свои человеческие качества, способность к духовному развитию, к сочувствию, любви, эмоциональному общению, ощущению радости самой жизни, депрессия успеха становится тяжелой и долгой. "Вершина" оказывается голой, и на ней дуют холодные ветры. Взбираться на другую не хватает уже сил и энергии, да и приобретенный опыт не очень обнадеживает, возникает вопрос, а стоит ли выкладываться. Взаимоотношения с людьми оказываются формальными, "друзья" занимаются деланием карьеры, и контакт с ними ограничен рамка-

ми деловых взаимоотношений. Семья есть, конечно, жена... дети... но каждый из них живет своей жизнью, общие интересы сугубо материальные. На него смотрят как на источник финансирования, получения других материальных благ, создающего престижный образ для семьи в обществе. Не махнуть ли рукой на все это и отвлечься? Когда выпьешь, становится веселее, не думается обо всех этих вещах. Да и со знакомыми общаться лучше, возникает хотя бы временное взаимопонимание. Мы привели здесь один из конкретных случаев, который вместе с тем является типичным. Это тоже один из вариантов развития аддиктивного поведения на фоне социальных условий сегодняшнего дня. Современное общество, стимулируя конечное достижение и не обращая внимания на сам процесс, ведущий к нему, объективно способствует созданию благоприятных условий для развития аддиктивного поведения в популяции. Эта потеря интереса к процессу как самой жизни находит свое отражение, по мнению N  kken, в отношении к старым людям в современном западном обществе. Между тем во многих восточных культурах старые люди находятся в привилегированном положении. К ним относятся как к хранителям опыта, знаний, как к людям, которые могут рассказать о том, как они поступали в разных ситуациях, что чувствовали и понимали. Используемые в их рассказах метафоры имеют значение для развития воображения. Пожилые люди на основании своего опыта знают, что "достижения" бывают иллюзорными – значительно важнее, как они жили, что чувствовали и переживали.

Анализируя влияние социальных условий, необходимо также иметь в виду, что семья и внутрисемейные отношения в большой мере отражают общие системы ценностей, социально санкционированные модели поведения. Приведем еще некоторые социально-акцептируемые модели поведения, способствующие возникновению аддиктивного поведения. К ним относится противопоставление логики эмоциям, что приобретает нередко утрированный характер и приводит к принижению роли эмоций в развитии личности. Определенное значение может иметь также внушаемое средствами массовой информации стремление "быть совершенным" любой ценой. В результате у многих людей возникают такие формы аддиктивного поведения, как, например, голодание. Мы наблюдали в течение нескольких последних лет ряд пациенток, которые испытывали интенсивные субъективно приятные эмоциональные состояния, занимаясь длительным голоданием. Целью голодания было вовсе не улучшение здоровья, а стремление иметь "совершенное тело", соответствующее представлениям, заимствованным из рекламы. Результаты го-

лодания оказались опасными для жизни, появились серьезные нарушения, требующие экстренного терапевтического вмешательства. Имидж "совершенства", конечно, может быть очень разным, однако узко направленное стремление к нему приобретает аддитивный характер: оно делает человека "зауженным", подобным роботу с единственной программой. Поведение таких людей вызывает соответствующую реакцию у окружающих — они также перестают воспринимать их как живых людей, а видят в них символы стремления к совершенству, объекты, с которыми невозможны человеческие взаимоотношения. Такой процесс изолирует человека от общества, от друзей и близких и приводит к одиночеству. А одиночество повышает риск развития аддитивного поведения. Кроме того, внешнее совершенство, как правило, само по себе недостижимо, упорное стремление к нему приводит к неуспеху, разочарованию.

Развитию аддитивного поведения способствуют культ материальных благ, преклонение перед модными, престижными вещами, когда люди с внутренней опустошенностью стремятся найти смысл жизни в приобретательстве. Приобретательство вообще представляет собой одну из характерных черт аддиктов. Для аддиктов характерна установка на то, что им "чего-то не хватает" (наркотика, алкоголя, денег, вещей и т.д.). Этот процесс не имеет конца, его глубинный психологический механизм заключается в попытке "наполнить себя извне", что фактически в психологическом смысле невозможно, так как духовная недостаточность вещами не восполняется. Отсюда чувство неудовлетворенности, разочарования, иллюзорная надежда, что "будет лучше, если приобретешь больше вещей". Как мы видим, представления эти достаточно примитивны. Более того, у многих аддиктов они не только распространяются на предметы, вещи, но и начинают включать и такие понятия, как секс, знакомства, коллекционирование "друзей" по престижному признаку.

Наконец, вероятность возникновения аддитивного поведения возрастает в обществе, где преобладает "инструментальное" отношение к людям, где люди воспринимаются не как таковые, а как объекты, винтики машины, которыми можно манипулировать. Достаточно известное циничное выражение "незаменимых людей нет" отражает этот негуманный, по сути дела античеловеческий, подход. Фоновый эффект инструментального отношения к людям на производстве распространяется на семьи и в ряде случаев влияет на семейный психологический климат, на взаимоотношения между членами семьи, создавая многочисленные теплицы для выращивания аддиктов.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать следующее заключение: методы борьбы с аддитивным поведением, приме-

няемые в современном мире, носят в целом односторонний характер. Они направлены на конкретные формы аддикции, главным образом на фармакологические или субстанционные. Системы предлагаемых мер, в том числе и профилактических, имеют в основном ту же ориентацию. Корни аддиктивного поведения остаются при этом незатронутыми, из поля зрения выпадают условия, способствующие возникновению аддиктивных жизненных подходов. В современном обществе существуют факторы, стимулирующие развитие аддиктивного поведения в популяции: определенные стереотипы мышления, система популярных социальных имиджей, подавление естественных эмоций.

Эффективная профилактика аддиктивного поведения должна осуществляться с учетом установленных закономерностей. Мы остановимся на этой стороне вопроса в заключительной части данного раздела книги.

Что происходит в экстремальных условиях?

Возможно ли возникновение аддиктивного поведения в экстремальных, угрожающих жизни условиях? Поверхностное рассмотрение вопроса приводит к отрицательному и, казалось бы, достаточно убедительному ответу. В самом деле, о каком аддиктивном поведении может идти речь, когда человеку угрожает опасность и для того, чтобы справиться с ней, ему необходимо мобилизовать все силы, умение, использовать все возможности овладения опасной ситуацией. Известно, что в кризисных ситуациях, являющихся сильным психическим стрессором, вначале может произойти снижение уровня активности ("застывание от страха"), но затем возможна все большая мобилизация и повышение результативности действий. Более того, человек, переживший экстремальную ситуацию, приобретает опыт и лучше справляется с различными трудностями жизни. Эти данные не являются гипотезой, они получили подтверждение в специальных исследованиях Caplan – профессора Гарвардского университета (США) и его коллектива /Caplan, 1964/. Нами наблюдались пациенты с выраженными невротическими расстройствами, которые после перенесения кризисных, опасных для жизни ситуаций (чудом спаслись от пожара, пережили железнодорожную катастрофу, перенесли тяжелую хирургическую операцию) полностью избавились от прежних невротических симптомов, как бы обрели новый смысл жизни. Мобилизация усилий с преодолением явлений невроза наблюдается и при длительных экстремальных ситуациях. Об этом свидетельствуют дан-

ные наблюдений над поведением во время второй мировой войны непосредственных ее участников и гражданского населения. Американский психолог Janis /1951/ в монографии о воздушной войне и эмоциональном стрессе описывает даже улучшение психического состояния у некоторых больных, подверженных стрессу в связи с постоянными бомбежками.

Приведенные случаи характеризуются наличием мотивации преодоления ситуации, эмоциональным подъемом, уверенностью в правоте своего дела, мобилизацией всех своих ресурсов для осуществления цели.

Однако бывает и другое, когда человек, группа населения, большая часть популяции оказываются в длительной экстремальной ситуации, которая сопровождается безысходностью, непониманием происходящего, хроническим состоянием страха за себя и своих близких. Такие экстремальные ситуации могут приводить к развитию аддиктивного поведения как реакции компенсации, защиты перед реальностью, которая стала невыносимой. Лица, перенесшие в молодости годы большого террора, рассказывают о себе и других людях, которые, для того чтобы не думать об арестованных родственниках и о завтрашнем дне, полностью погружались в работу, придумывали занятия для отвлечения внимания, привязывались к животным, заучивали наизусть литературные тексты. Все это заменяло слишком опасное межличностное общение и являлось по существу аддиктивным подходом, который был в это время одной из немногих возможностей, помогающих пережить нечеловеческие условия жизни. Однако вместе с тем в этом компенсаторном аддиктивном подходе имелось существенное отличие; оно заключалось в том, что иногда на общем фоне безысходности участливое слово, улыбка, знак искреннего внимания доставляли радость, возвращали веру в себя — человечность. Это свидетельствовало о неестественной вынужденности аддиктивных подходов, их чуждости основному ядру личности. Аддиктивные способы реагирования на хроническую, угрожающую жизни ситуацию в условиях концентрационных лагерей давали людям шанс на сохранение жизни. Об этом писал, естественно не используя отсутствующий в то время термин, известный польский психиатр-гуманист А. Кемпинский в своей книге "Ритм жизни" Гибельной альтернативой использованию аддиктивных методов защиты были развитие апатии, угнетения, прогрессирующая слабость, потеря воли к жизни (синдром концентрационного лагеря).

В одном из предшествующих разделов проводился анализ влияния аддиктов на внутрисемейные отношения. Ограничивается ли сфера их воздействия только семьей или распространяется также на производство, где они работают?

Значение проблемы трудно переоценить. Мы не знаем, как много лиц с аддиктивным поведением имеется в СССР. Такой статистики сегодня не существует. Регистрация аддикции ограничивается не только у нас, но и в других странах фармакологическими или субстанционными формами, т.е. алкоголизмом, токсико-наркоманиями. В последнее время изменилось положение в отношении азартных игр. Так, по сообщению МВД СССР, за пять месяцев 1989 г. было выявлено 10 263 участника азартных игр: картежников 5283, игроков в рулетку 316, играющих в наперсток 3844, в иные игры 820. Указывается на случаи, когда ставки при игре в карты составляли десятки тысяч рублей, „когда за вечер проигрывались сотни тысяч и человеческие жизни”². Статистика других видов аддиктивной активности практически невозможна, так как нельзя установить количество аддиктивного переедания, накопительства, аддиктивного отношения к работе, сексуального аддиктивного поведения. Вместе с тем эти люди находятся среди нас, большинство из них работает в промышленности, сельском хозяйстве, науке, культуре, системах здравоохранения, образования, т.е. во всех отраслях материального и нематериального производства. Что в настоящее время известно об их влиянии на людей, с которыми они вместе работают, на взаимоотношения в коллективе, на вопросы организационного характера, производительность труда и др.?

Остановимся на известных данных. Сравнительно лучше вопрос изучен в отношении алкогольного аддиктивного поведения. Имеется большое количество публикаций, показывающих отрицательное влияние злоупотребления алкоголем на производство: снижение производительности труда, увеличение количества ошибок, аварий, опозданий, невыходов на работу, числа несчастных случаев, возрастание заболеваемости. Не все даже экономические потери, наносимые алкоголизмом промышленности, легко установить. По данным противоалкогольной лаборатории (первой в стране хоздоговорной лаборатории этого типа, организованной в 1969 г.) Новосибирского мединститута, на крупном промышленном предприятии — заводе „Сибсельмаш” замаскированные экономические потери

² Известия. — 1989. — 12 июля.

складываются из ряда факторов. Это снижение производительности труда в день после очередной выпивки, увеличение числа бракованных изделий, заболеваний, косвенно связанных с алкоголизацией, нарушения взаимоотношений в семье, отрицательно влияющие на трудоспособность как человека с алкогольным поведением, так и членов его семей, и др. Эти скрытые потери могут превосходить прямые, видимые потери /Баншиков, Короленко, 1973/.

В последние годы понимание отрицательного влияния лиц с алкогольным аддиктивным поведением на производство существенно углубилось. В этой связи обратим внимание на следующие, ранее не учитывавшиеся явления. Лица с аддиктивным алкогольным поведением повторяют на производстве те же особенности поведения, что и в домашних условиях: они обманывают сотрудников по работе, прибегают к шантажу, не сдерживают своих обещаний, уходят от ответственности, стараются обвинить других в своих собственных недостатках, проявляют общую некомпетентность. В обстановке антиалкогольной кампании лица с алкогольным аддиктивным поведением привлекают к себе повышенное внимание на производстве, что приводит к большим затратам энергии и времени без достаточного положительного результата, поскольку вмешательства производятся без каких-либо профессиональных знаний. Оказываясь таким образом в центре внимания, алкогольные аддикты дестабилизируют обстановку на производстве.

В настоящее время внимание исследователей привлекает новая проблема в области алкогольного аддиктивного поведения – проблема взрослых детей алкоголиков, особенностей их функционирования на производстве. Goldberg /1986/ обращает внимание на то, что взрослые дети алкоголиков (ВДА) обнаруживают специфические затруднения при выполнении служебных обязанностей на многих рабочих местах. Автор установил, что ВДА проявляют повышенную самокритику, стремление к совершенству. Они исходят из положения, что каждая работа должна быть выполнена без малейших отклонений, причем у них отсутствует уверенность в том, что они выполнили работу хорошо. В связи с этим они постоянно и многократно контролируют себя в поисках возможных ошибок. Так, например, до введения в учреждениях США пишущих машинок с системой памяти машинистки (ВДА) бесконечно перепечатывали одни и те же страницы текста, даже если обнаруживали всего лишь одну ошибку, которую можно было легко устранить корректирующей жидкостью без перепечатки /Schaeff, Fassel, 1988/. Schaeff (консультант по вопросам психического здо-

ровья, США) и Fassel (консультант по вопросам социопсихологии национальных и международных корпораций, религиозных обществ и больниц, США) приводят также в пример профессора юриспруденции (ВДА), который настаивал на том, чтобы студенты на письменных экзаменах излагали свои ответы в объеме 1 тыс. слов. Не более и не менее! Приведенные примеры проливают свет на своеобразие такого стремления к совершенству и на то, как оно может сказываться на производстве и на интересах других людей.

В США получили распространение термины workaholism (работоголизм) и workaholic (работоголик) по созвучию с терминами "алкоголизм" и "алкоголик". Работоголиками называют людей, не видящих вокруг себя ничего, кроме работы, забывающих об интересах своей семьи, детей, не интересующихся вопросами политики, культуры, социальными, психологическими, экономическими проблемами общества. Эти люди находят в работе единственный источник удовлетворения, с ней у них связаны интенсивные эмоциональные переживания. Таким образом, речь идет об особом типе аддиктивного поведения.

В исследовании Goldberg показано, что ВДА часто являются работоголиками: они перерабатывают, болезненно стремятся к совершенству, что связано с чувством тревоги, комплексом неполноценности, неуверенностью в своих способностях. Работоголики (ВДА) привязаны к работе и потому, с точки зрения автора, что у них затруднены межличностные отношения. Они боятся контактов с людьми. Объективно работоголики приносят пользу предприятию, на котором работают. Они устраивают администрацию. В наших условиях к ним возникает нередко отрицательное отношение в коллективе — их считают карьеристами, стремящимися "выслужиться". В любых условиях вместе с тем следует иметь в виду, что работоголики всегда страдают как личности, они становятся внутренне опустошенными, эмоционально скудными. Их близкие от этого страдают больше всего. Эта сторона реальности до последнего времени не находила отражения в отечественных публикациях, все перекрывалось лозунгами типа "труд облагораживает человека", "производительность труда — это главное..." и т.д. Правильные по сути дела лозунги не в состоянии отразить всей сложности того или иного явления. Жизнь всегда богаче и сложнее любой формулы и схемы. Однако узко демагогически понимаемая формула в итоге может создавать обстановку, способствующую, как это ни кажется парадоксальным, противоположным результатам. Так, производственные успехи работоголиков, выгодные для конкретного производства, перекрываются отрицательными

факторами: нарушениями личности рабочего и их влиянием на других людей, прежде всего членов их семей.

ВДА в связи с затруднением контактов с людьми плохо интегрируются в производственных коллективах. В детстве они не научились нормальному межличностному общению в своих семьях, будучи изолированными или проявляя "со-зависимость". В одиночестве они чувствуют себя увереннее, безопаснее. Среди основных межличностных проблем, возникающих на рабочем месте, можно указать следующие: непонимание общих интересов коллектива и конкретных людей, неадекватное отношение к критическим замечаниям, наряду со стремлением к совершенству, непрогнозируемость поведения, выражающаяся в непоследовательности, зависимости от минутного настроения, недоверие к людям. По наблюдениям Goldberg, ВДА на руководящей работе характеризуются также непоследовательностью в решениях, недоверием к подчиненным (одно и то же задание поручается нескольким людям), проявлением жестких, несправедливых подходов, вызывающих напряжение в коллективе, конфликты, рост враждебности. Автор подчеркивает, что основная проблема ВДА заключается не в непосредственном выполнении той или иной работы, а в затруднениях в межличностных отношениях, что связано с переносом привычных, воспитанных в алкогольных семьях образцов поведения на производственные отношения. Примером такого переноса являются, например: а) отношение к начальству, администрации как к суррогатным "справедливым" родителям, ожидание от них того, чего они не получили от родителей (внимания, одобрения, положительной оценки не только их работы, но и их самих); когда подобного рода ожидания не оправдываются, что чаще всего и бывает, возникают раздражение, злость, враждебность, т.е. происходит проекция прежних состояний, сформировавшихся по отношению к алкоголику отцу или матери; б) сравнительно хорошая переносимость кризисных ситуаций, что связано с предшествующей "домашней подготовкой", частыми кризисами в аддиктивной семье, непрогнозируемостью поведения родителей. Такая особенность может быть полезной в определенных экстремальных ситуациях, однако в обычных условиях постоянная "кризисная ориентация" вызывает у ВДА дополнительное эмоциональное напряжение, в результате которого они сами провоцируют конфликтные ситуации на производстве.

Таким образом, анализ функционирования ВДА на производстве показывает, что здесь возникают проблемы, обусловленные наличием у ВДА аддиктивных механизмов, сформировавшихся в аддиктивных семьях. Знание сущности этой проблемы име

ет большое значение, так как ВДА нуждаются в советах, квалифицированной психологической помощи в преодолении аддитивных подходов к жизни. Опыта такого у нас пока нет, но он имеется в других странах, например в США, его изучение и освоение должны способствовать общей антиаддитивной профилактике общества.

Анализируя особенности влияния лиц с аддитивным поведением на производственные отношения, необходимо указать еще на один аспект, также рассматривавшийся нами в разделе внутрисемейных отношений. Мы имеем в виду явление "со-зависимости". Отношения "со-зависимости" нередко возникают на производстве, они выражаются в появлении лиц, которые стремятся опекать алкогольных аддиктов и защищать их от администрации, общественности, предъявляемых обвинений. Кардинальной чертой лиц, выступающих как "со-зависимые", является стремление любой ценой избегать открытых ссор и предупреждать возможные конфликты. "Со-зависимые" лица не появляются случайно, они происходят из аддитивных семей, где у них воспитались черты "со-зависимости". Они привыкли сглаживать противоречия дома, смягчать проблемы, возникающие в аддитивных семьях. У "со-зависимых" лиц, как и у ВДА, имеется хорошая адаптация к кризисным ситуациям. В процессе работы противоалкогольной лаборатории нам неоднократно приходилось встречаться с "со-зависимыми" людьми, активно защищающими лиц с алкогольными проблемами. Такая защита имела место, например, когда приходилось разбирать случаи попадания в медвытрезвитель, прогулов, хулиганских действий в состоянии алкогольного опьянения. "Со-зависимые" лица появлялись в роли адвокатов на суде, они давали положительные характеристики аддиктам, говорили, что попадание в медвытрезвитель было случайным (даже если оно повторялось неоднократно), поскольку "он еще глупый, стоит ему немного выпить, и он сразу у всех на виду, как ребенок, а вообще он очень хороший, отзывчивый человек, не какой-нибудь алкоголик" или "он просто невезучий у нас", "у него дома неприятности, нужно войти в его положение" и т.д. "Со-зависимость" — распространенное явление, оно имеет большое значение как социальная поддержка аддиктов и объективно способствует их адаптации в производственных коллективах, создавая своеобразную атмосферу взаимоподдержки. "Со-зависимые" лица не видят и не хотят видеть болезненную природу алкогольной аддикции, так как она воспринимается ими как что-то привычное, хорошо знакомое с детства. Их забота не помогает фактически аддикту, а толкает его на продолжение аддитивного поведения. Нередко

ситуации соответствуют описанной Berne /1964/ игре "алкоголик", в которой "со-зависимые" лица играют роль "спасителей" алкоголика от "преследователей" – жены, администрации и т.д. Согласно нашим наблюдениям, "со-зависимые" лица, не злоупотребляя алкоголем сами, вместе с тем в ряде случаев провоцируют употребление алкоголя аддиктами, например находящимися на амбулаторном лечении в условиях лаборатории. Трудно ответить на вопрос, почему они это делают. Возможно, имеет значение страх "со-зависимых" остаться "без дела" после излечения алкогольного аддикта, с которым они привыкли общаться на "со-зависимом" уровне. А может быть, они подсознательно понимают наличие у себя сложных психологических проблем и у них не хватает энергии и смелости их окончательно идентифицировать и попытаться справиться с ними, поэтому они находят выход в проецировании своих проблем на алкогольных аддиктов (у которых они действительно существуют) и окружении их заботой и защитой.

Таким образом, лица с алкогольным аддиктивным поведением, ВДА и "со-зависимые" могут образовывать определенные структуры, существенным образом влияющие на производственные отношения. Мы остановились на этом вопросе, проанализировав алкогольное аддиктивное поведение. Однако в жизни приходится встречаться также и с другими, более скрытыми формами аддиктивного поведения, например заменой одной формы аддиктивного поведения другой, когда сохраняется основное содержание аддиктивного подхода к жизни. Остановимся более подробно на этом вопросе.

"Сладкая" жизнь, или Угодить в самое пекло

Проведенные нами наблюдения над лицами с различными развитыми формами аддиктивного поведения, анализ современной литературы по проблеме, обсуждения, проводимые в рамках совместных исследований с профессором Bernard Segal – директором центра исследования аддикции в Энкориджском университете (Аляска, США, 1988–1989 гг.), позволяют выделить несколько основных общих особенностей, определяющих их поведение в межличностных отношениях.

К ним относятся следующие характеристики:

- 1) сниженная переносимость трудностей повседневной жизни, наряду с хорошей переносимостью кризисных ситуаций;
- 2) скрытый комплекс неполноценности, сочетающийся с внешне проявляемым превосходством;

- 3) внешняя социабельность, сочетаемая со страхом перед стойкими эмоциональными контактами;
- 4) стремление говорить неправду;
- 5) стремление обвинять других, зная, что они невиновны;
- 6) стремление уходить от ответственности в принятии решений;
- 7) стереотипность, повторяемость поведения;
- 8) зависимость;
- 9) тревожность.

Рассмотрим приведенные характеристики.

Сниженная переносимость трудностей. Выражается в том, что аддикты стремятся к немедленному удовлетворению своих просьб, требований, желаний. В тех случаях, когда желания аддиктов не удовлетворяются, они в зависимости от конкретной ситуации проявляют два основных типа реагирования: реакцию раздражения, злости, эмоциональные вспышки; немедленный уход от возникшего затруднения. Аддиктам несвойственно откладывать реализацию желаний, терпение не для них. С этим связано обнаруживаемое в жизни и при специальных психологических исследованиях затруднение ожидания. Сниженная переносимость затруднений сочетается у аддиктов с повышенной обидчивостью. Объективные препятствия, возникшие на пути реализации своих желаний, они считают специально сделанными для них, чтобы их как-то унизить. С этим связаны частые конфликты, возникающие во время стояния в очередях за алкоголем, конфликты в отделениях для лечения аддиктивных состояний. Например, задержка в обслуживании в магазине воспринимается в лично-оскорбляющем смысле, отказ в необоснованной просьбе в отделении вызывает реакцию ярости, сопровождаемую оскорблениями персонала, и др.

Скрытый комплекс неполноценности проявляется в частых сменах настроения, неуверенности, избегании ситуаций, в которых их способности могут быть объективно проверенными. Так, например, алкогольные аддикты нередко остерегаются беседовать на темы по своей профессии с компетентными людьми, боясь проявить некомпетентность. В то же время для них в ряде случаев бывает типичным развязное, наглое поведение, они ставят себя в позицию превосходства перед другими, требуя всяческих привилегий или поблажек. Они любят рассказывать о себе таким образом, чтобы у слушателей возникал имидж их значимости, больших возможностей, связей с людьми, занимающими высокое положение в обществе. Так, например, один из наблюдаемых нами пациентов с фармакологической формой аддиктивного поведения (злоупотребление препаратами, изменяющими

психическое состояние), находясь на лечении в условиях больницы, собирал вокруг себя больных отделения и читал им лекции о борьбе с преступностью, рассказывая о своих достижениях в этой области, хотя никогда в системе МВД не работал. Желая немедленно выписаться из больницы, он мотивировал это необходимостью срочно помочь в решении вопроса о строительстве одного из крупных транспортных объектов, так как "без него не справятся, все напутают"

Мы обратили внимание на то, что комплекс неполноценности у аддиктов может неожиданно проявиться в процессе психологических обследований, когда пациентам предъявляются специальные тесты на сообразительность, объем внимания, логичность мышления, память и др. Затруднение при решении психологической задачи, невозможность найти правильный ответ приводят иногда к бурным эмоциональным реакциям с идеями самообвинения. Реакции эти кратковременны, и в дальнейшем о них стараются не вспоминать.

Комплекс неполноценности резко выступает при фармакологических формах аддикции в периодах окончания действия вещества, если к нему развились явления физической зависимости, на фоне абстиненции, когда аддикты чувствуют себя физически больными, испытывают тревогу, подавленность. Наши наблюдения /Баншиков, Короленко, 1968; Короленко, 1978/, а также данные других авторов /Chafetz, 1970/ показывают, что лица, страдающие алкоголизмом, могут испытывать во время абстиненции тревогу, страх, воспринимать искаженно реальную обстановку. Им нередко кажется, что окружающие их люди – родственники, прохожие, медицинские работники – оскорбляют их. При этом иногда имеют место обманы восприятия – слуховые иллюзии, когда пациент искаженно воспринимает произнесенное слово или фразу. Например, больной алкоголизмом в состоянии абстиненции утверждает, что его сын оскорбил его назвав пьяницей, когда на самом деле сын попросил его подать блюдо. Здесь слуховая иллюзия возникла на основе созвучия: "пьяница" – "подай блюдо" и отражает ту особенность, что больной воспринимает слова так, как сам о себе думает, заранее приготовившись к оскорблениям.

Социальность лиц аддиктивным поведением имеет поверхностный характер и ограничена во времени. Эти люди любят произвести, как мы уже говорили, положительное впечатление на окружающих. Это особенно представлено у алкогольных аддиктов и у участников азартных игр. Алкогольные аддикты особенно активны в алкогольных компаниях, ситуациях выпивки. У них имеется своеобразное чувство юмора (юмор как

зармы, алкогольный юмор), они хорошо рассказывают придуманные истории о своих достижениях, успехах, связях с женщинами. Вспоминая об отдельных неудачах, они используют их для обвинения других людей, много говорят о несправедливости, невезении, иногда о заговоре против них в связи с завистью, неблагодарностью. В то же время общение "на длительную дистанцию" с ними затруднено, неинтересно. Аддикты – скучные, однообразные люди в повседневной жизни. Отношения с ними поверхностны, к глубоким положительным эмоциональным отношениям они не способны и избегают ситуаций, связанных с ними.

Аддиктам, прежде всего фармакологическим, нельзя доверять, они часто говорят неправду, много обещают и не выполняют своих обещаний. Это касается прежде всего обещаний прекратить аддиктивное поведение. Обычные заявления: "это последний раз", "больше это никогда не повторится", "я уже все понял, осознал", "могу поклясться своей жизнью" и т.д. – повторяются бесконечно, но поведение в основном остается прежним. Необязательность представлена и в других вопросах: аддикты обещают выполнить какую-то работу, например сделать ремонт квартиры, они приступают к делу, работают несколько часов, уходят и на другой день не приходят, ссылаясь на "неожиданные обстоятельства", и так длится очень долго, нарушаются все договорные сроки. Вообще следует подчеркнуть, что с алкогольными, наркотическими аддиктами нельзя о чем-либо серьезно договариваться, если речь идет о длительных прогнозах. Краткосрочные, одномоментные работы они еще выполняют, но на более длительные сроки их уже не хватает. Вышеизложенная особенность не относится к "работоголикам", а также к некоторым другим лицам с "мягкими" формами аддиктивного поведения.

Лица с аддиктивным поведением стараются не брать на себя ответственность в принятии серьезных решений. Эта особенность проявляется в различных условиях, дома и на производстве. В домашней обстановке аддикты стараются, чтобы ответственные решения принимал другой член семьи. Так, алкогольные аддикты мужчины часто женятся на женщинах старше себя по возрасту, воспринимая их как замену матери. Они взваливают на жен бремя принятия решений по жизненно важным вопросам, чтобы в случае неуспеха обвинить их в некомпетентности и глупости. Во многих случаях накануне какого-либо ответственного события алкогольные аддикты исчезают из поля зрения, "заболевают". У них появляются разные объективные обстоятельства, оправдывающие их отсутствие в наиболее нужный момент. Мы знали одного начальника производства, который обнаружи-

вал явные признаки алкогольного аддиктивного поведения, хотя употребление алкоголя тщательно скрывал. Можно было заранее прогнозировать ситуации, перед наступлением которых он выходил (зачастую во вред своему статусу) на больничный лист: необходимость выступления на совещании в присутствии высшего начальства, участие в комиссии по разбору серьезной жалобы, отстаивание интересов своего учреждения на совещании и др.

Особенности поведения лиц с аддиктивным поведением характеризуются стереотипностью, т.е. одни и те же образцы поведения повторяются, становятся как бы болезненным ритуалом. Поэтому, установив общие черты схемы, поведение аддиктов сравнительно легко предсказать. Значительно труднее, к сожалению, этот стереотип изменить, так как защитные реакции отрицания, рационализации являются серьезной помехой.

У лиц с аддиктивным поведением иногда обнаруживается такая черта, как зависимость. Зависимость проявляется нередко в виде субмиссивной (подчиняемой) мотивации приема алкоголя или других веществ, т.е. подчинения аддиктивного поведения давлению со стороны знакомых с аддиктивным поведением. Характерны также пассивность, отсутствие самостоятельности. Такого рода аддикты обычно стремятся к получению поддержки, помощи со стороны членов семьи, медицинского персонала. Они охотно соглашались начать лечение и выполняют необходимые предписания, однако, вернувшись в неблагоприятную социальную обстановку, попадают так же легко под влияние "авторитетных" для них фигур среди тех же алкогольных аддиктов и восстанавливают аддиктивное поведение.

Нужно иметь в виду, что явления зависимости не всегда выступают в открытой форме, лежат на поверхности. Возможны и такие случаи, когда лица с алкогольным аддиктивным поведением стараются внешне всячески подчеркнуть свою независимость, силу и мужественность. В обществе в течение длительного времени создавался имидж "сильного человека", к атрибутам которого относились курение, умение выпить с хорошей переносимостью алкоголя. Для ряда подростков употребление алкоголя и сейчас ассоциируется с мужественностью, причислением к "взрослым". Более глубокое изучение механизмов, лежащих в основе явления, показывает, что все эти лица крайне чувствительны к мнению о них в группе, членами которой они являются. Очень важно выглядеть сильным, соответствующим принятому имиджу самостоятельного, ничего не боящегося человека. Страшно "потерять лицо" в группе, оказаться аутсайдером, "маменькиным сынком", "малолеткой" и т.д. Таким об-

разом, здесь явления зависимости выступают в замаскированном виде, определяя во многом поведение в неформальной группе.

Тревожность как черта лиц с аддиктивным поведением наблюдается во многих случаях при различных формах аддикции. Она тесно связана с описанными ранее комплексом неполноценности, а также явлениями зависимости, однако имеет особенности, требующие самостоятельного рассмотрения. Прежде всего следует подчеркнуть, что в кризисных, экстремальных ситуациях тревожность у аддиктов может отступать на второй план, и в то же время тревожность может проявляться в обычной жизни. Очевидно, имеются специфические ситуации, которые вызывают тревожность у аддиктов. Это ситуации межличностного общения, ситуации, которые требуют от аддикта проявления глубокой эмоциональной привязанности, на которую он не способен. Приходилось неоднократно наблюдать аддиктов мужчин и женщин, которые не шли навстречу серьезному чувству со стороны другого человека и предпочитали вступать в кратковременные мимолетные сексуальные связи со случайными партнерами. Они боялись "втягиваться" в ситуации серьезной дружбы, взаимоподдержки, любви, так как подсознательно чувствовали, что "на длинную дистанцию их не хватит". Это одна из причин на первый взгляд парадоксальной ситуации, когда аддикты, познакомившись с человеком, пытающимся им помочь и проявляющим к ним добрые чувства, в ответ не только не выходят из аддиктивного поведения, но даже усиливают его. При этом они следуют формуле: "чем хуже, тем лучше" – с целью как можно быстрее покончить с появившейся эмоциональной проблемой. В таких случаях обычно происходит борьба мотивов: аддиктивная часть личности боится глубокой эмоциональной привязанности к человеку, оставшееся здоровое "я" стремится покончить с аддикцией. В зависимости от выраженности аддикции, от предшествующего аддикции воспитания, влияния среды, наличия или отсутствия поддержки, квалифицированной помощи исход этой борьбы может быть различным.

Фармакологические и субстанционные формы аддикции

Алкоголь. Злоупотребление спиртными напитками и связанные с ним проблемы оказались чрезвычайно серьезными для современного человечества. По данным Всемирной организации здравоохранения, алкогольная проблема, рассматриваемая только в медицинском аспекте, занимает третье место после сер-

дечно-сосудистых и опухолевых заболеваний. Роль злоупотребления алкоголем в современном обществе особенно возрастает с учетом связанных с этим явлением психологических и социально-экономических последствий.

Как развивается алкогольное аддиктивное поведение? Когда появляется непосредственная опасность его возникновения? При ответе на эти вопросы необходимо учитывать, что в настоящее время в большинстве регионов мира взрослые люди, как правило, знакомы с алкоголем, испытывали более или менее выраженное состояние опьянения. Мы уже обращали внимание на то, что первая встреча с алкоголем может оказаться пусковым механизмом развития алкогольной аддикции в тех случаях, когда развившееся опьянение сопровождается выраженными эмоциональными изменениями. Эти интенсивные эмоциональные переживания остаются в памяти и провоцируют стремление к повторному употреблению алкоголя. Проведенные нами исследования /Короленко, Бочкарева, 1982/ показали, что при формировании алкогольного аддиктивного поведения появляется новое отношение к алкоголю. Оно заключается в ощущении нужности его приема для достижения определенного желаемого эмоционального состояния. Употребление алкоголя перестает носить чисто символический характер. Возникает четкое осознание особых "возможностей", связанных с алкоголем, открывающих дверь в мир измененных интенсивных эмоций. Постепенно содержание мышления становится все более сконцентрированным на этих состояниях и, следовательно, на алкоголе как на веществе, прием которого позволит вызвать снова эти состояния. Эффект ожидания приобретает здесь большое значение, так как во многом предопределяет содержание переживаний во время опьянения. Ожидание определенного эффекта того или иного вещества в психологии называется аперцепцией. Аперцепция при употреблении алкоголя значительно влияет на картину опьянения, делает более вероятным проявление определенного эффекта алкоголя. В связи с вышеизложенным необходимы некоторые дополнительные разъяснения. В литературе обычно обращают внимание на то, что алкоголь даже в небольших дозах оказывает угнетающее действие на мозговую деятельность, нарушает не только точность движений, но и зрение, слух и т.д. В проводимых нами исследованиях показано, что следует учитывать возможность также изменения эффекта алкоголя, заключающегося в том, что на определенном этапе употребления алкоголя происходит общая стимуляция, повышается активность и признаки опьянения как бы отступают на второй план. Характерно кратковременное ощущение повышения творческих способ-

ностей, работоспособности, своеобразный "допинг-эффект" Это состояние в дальнейшем сменяется чувством апатии, психического дискомфорта, снижением настроения или сонливостью. Появление такого состояния является одним из вариантов развития алкогольного аддиктивного поведения, так как человек начинает стремиться к его "воспроизведению", для чего усиленно прибегает к алкоголю. Мы обращали внимание на то, что особенно опасно возникновение механизмов аддиктивного поведения, связанное с допинг-эффектом в случаях, если последний выражается в возникновении психического состояния, субъективно облегчающего творческий процесс у лиц, занимающихся живописью, писателей, поэтов и т.д.

Нередко аддиктивное стремление такого содержания не ограничивается одним человеком, испытывающим его, но прослеживается тенденция навязывать такой стиль поведения своим знакомым и друзьям. При этом совершенно отсутствуют осторожность, чувство опасности формирования алкогольной зависимости, развития аддиктивного поведения. Традиционная антиалкогольная пропаганда не только не оказывает в данных случаях сколько-нибудь положительного эффекта, но объективно даже способствует убежденности в "нормальном" характере употребления алкоголя, так как то, о чем говорится в лекциях или пишется в книгах, противоречит собственному опыту.

Один из часто встречающихся эффектов алкоголя, входящий в структуру алкогольного аддиктивного поведения (кэф-эффект), заключается в чувстве психологического и физического комфорта, своеобразной релаксации, созерцательном отношении к происходящему. Такое состояние обычно сопровождается усилением актуальности сиюминутных стимулов, что выражается в том, что разговор с участниками выпивки приобретает заостренный эмоциональный характер. Несколько усиливается воображение, сокращается дистанция общения, преобладает психическая пассивность. Состояние сопровождается отчетливым желанием удержать его как можно дольше, что оказывается возможным при употреблении последующих доз алкоголя.

Следующим эффектом, с которым связано развитие аддиктивного поведения, является транквилизирующий эффект, заключающийся в способности алкоголя временно смягчать явления эмоционального напряжения, психологического дискомфорта. Необходимо, наконец, учитывать и способность алкоголя вызывать повышение настроения (эйфоризирующий эффект), чувство "взлета", беззаботности, повышенную самооценку, "розовоочковый" оптимизм.

Таким образом, все вышеуказанные эффекты могут приводить к развитию психологической зависимости от алкоголя,

способствовать формированию алкогольного аддиктивного поведения. В формировании алкогольного аддиктивного поведения имеют значение факторы, облегчающие развитие алкогольной зависимости. К ним относятся биологические, психологические и социальные факторы. Говоря о значении биологических факторов, мы имеем в виду значение отягощенной наследственности. Из работ Goodwin /1981/ следует, что наличие алкоголизма в семье увеличивает шанс стать алкоголиком в четыре-пять раз. Goodwin проводил исследования на приемных детях, чьи родители страдали алкоголизмом, но не принимали участия в воспитании – дети воспитывались у приемных родителей с первых недель жизни. Оказалось, что 18% из них стали алкоголиками в молодом возрасте (до 30 лет), что в четыре раза превышало число случаев алкоголизма в контрольной группе приемных детей, чьи биологические родители алкоголизмом не страдали. За исключением алкогольных проблем, приемные дети от биологических родителей, страдающих алкоголизмом, не наследовали других нервно-психических расстройств. Были обследованы также дети алкоголиков, которые воспитывались биологическими родителями. Показатели алкоголизма у них были примерно такими же, как в группе приемных. Подводя итоги этим и другим работам по изучению влияния генетических факторов на возникновение алкоголизма, Goodwin делает следующие выводы: дети алкоголиков обладают повышенной готовностью к алкоголизму (более предрасположены), независимо от того, воспитывают их родители-алкоголики или здоровые приемные родители; дети алкоголиков восприимчивы только к алкоголизму, а не к другим психическим заболеваниям.

Выводы Goodwin можно критиковать. Средовые факторы, несомненно, имеют значение, но нужно помнить, что они реализуются на определенном генетическом фоне. Не каждый человек одинаково предрасположен к алкоголизму генетически. В то же время под влиянием семейных условий необязательно должен развиваться алкоголизм, может сформироваться другая форма аддиктивного поведения. Приведем пример такого развития.

Нами наблюдался 38-летний мужчина /Короленко, Завьялов, 1987/, у которого 16 родственников мужского пола в трех поколениях по линии отца страдали алкоголизмом. Генетическая предрасположенность к алкоголизму у него не реализовалась ко времени наблюдения. Он был полностью поглощен работой, которая требовала от него постоянного самообладания, выдержки, больших затрат времени и энергии. Фактически он жил работой. Контакты с

людьми были затрудненными, круг интересов ограничен. К потреблению алкоголя он с детства относился резко отрицательно, учитывая печальный опыт. С 30 лет у него появилось своеобразное увлечение – он начал коллекционировать коньяки различных марок. Дома у него хранились около сотни нераспечатанных бутылок коньяка отечественного и зарубежного производства. Он был большим специалистом по части сортов коньяка, его качества, цен в различных странах. Объяснить, почему у него было стремление к такому коллекционированию, он не мог, хотя было видно, что процесс доставляет ему большое удовольствие. Таким образом, генетически запрограммированное предрасположение к алкоголизму проявилось под влиянием семейных психологических факторов в развитии других форм аддиктивного подхода – “работоголизма” и коллекционирования. Предмет коллекционирования – коньяки – отражал непосредственно актуальную семейную алкогольную проблему.

К социально-психологическим факторам формирования алкогольного аддиктивного поведения (психологическая зависимость от алкоголя является одним из этапов этого процесса) мы причисляем “алкогольную атмосферу”, “питейные традиции”, царящие во многих социальных группах, в том числе и в семьях, алкогольных компаниях. К ним относится влияние людей, вовлеченных в злоупотребление алкоголем, способствующих усилению интереса к алкоголю у подростков и лиц молодого возраста. Лица, страдающие алкоголизмом, оказываются “центрами кристаллизации” алкогольных подходов, распространения на окружающих алкогольных привычек, мнений о пользе спиртных напитков, “правил” и “норм” их потребления.

Формирование алкогольного аддиктивного поведения идет параллельно с изменением личности и ее связей с окружающим миром. Стираются индивидуальные различия в образе жизни, запросах, привычках, интересах, мотивах деятельности. Лица с алкогольным аддиктивным поведением по мере его прогрессирования становятся похожими друг на друга. Аддиктивная алкогольная мотивация становится главной в жизни, она временно объединяет алкогольных аддиктов в быстро формирующиеся с целью выпивки и также быстро распадающиеся группы. Транскультуральные исследования, в которых сравниваются алкогольные аддикты, принадлежащие к разным этническим, религиозным, социальным группам населения в разных странах, показывают, что привычки и стиль жизни этих людей начинают приближаться к определенному состоянию – “синдрому”, который называют синдромом алкогольных проблем – САП. Наиболее

характерные признаки этого синдрома следующие: потребление алкоголя становится смыслом существования; поскольку общество препятствует реализации аддиктивного стремления к алкоголю, алкогольные аддикты изолируют себя от общества; у людей с САП нельзя прогнозировать соблюдение норм поведения в связи с частыми алкоголизациями; другие люди вызывают интерес для этих лиц только в случае, если они способствуют приобретению алкоголя и не мешают пьянству. Происходит замена прежних друзей и знакомых лицами, злоупотребляющими алкоголем.

Лица с САП легко опознают друг друга, "помогают" реализации стремления к алкоголю. Они оказывают обычно сильное сопротивление антиалкогольной работе, уничтожают веру в освобождение от алкогольных проблем тех, кто еще проявляет волю к сопротивлению, они соблазняют вернуться к алкогольным "радостям" тех, кто пробует жить без алкоголя.

Поскольку такие люди имеются во всех регионах, странах, где распространено употребление алкоголя, иногда говорят об "алкогольной субкультуре". Ядро "алкогольной субкультуры" составляют лица с выраженным алкогольным аддиктивным поведением с явлениями не только психологической, но и физической зависимости от алкоголя. Вокруг этого центра размещаются зоны, где находятся лица с менее выраженными аддиктивными нарушениями. Чем дальше от ядра субкультуры, тем алкогольные проблемы представлены менее интенсивно — здесь начинающие аддикты еще сохраняют связи с обществом, семьей, друзьями.

Атмосфера пьющих компаний создает благоприятный фон для формирования алкогольного аддиктивного поведения. Как мы уже указывали, эффект алкоголя во многом зависит от аперцепции — ожидания того или иного психического состояния. Имеется также большая зависимость эффекта алкоголя от общей обстановки, компании, взаимного влияния, индукции. В компании таких же опьяненных людей человек, принявший спиртное, ощущает более выраженную эйфорию, "жажду общения", испытывает "прилив сил" и т.д. Культ особого общения, "облегченного" действием алкоголя и принятыми нормами поведения в опьяневшей компании, притягивает к себе людей, уже испытывающих проблемы затруднения обычных контактов с людьми в связи с развивающимся аддиктивным поведением.

Таким образом, личность движется по пути все большего нарастания нарушений взаимоотношений с другими людьми, прежними знакомыми, друзьями, с одновременным принятием норм и правил "алкогольной субкультуры", что ускоряет развитие алкогольного аддиктивного поведения.

В процессе развития алкогольного аддиктивного поведения представляется возможным выделить аддиктивные мотивации, ведущие часто к развитию определенной формы алкоголизма.

Приведем описание основных аддиктивных мотиваций, наблюдающихся при развитии алкогольного аддиктивного поведения.

1. Атарактическая мотивация. Содержание атарактической мотивации заключается в стремлении к приему алкоголя с целью смягчить или устранить явления эмоционального дискомфорта, тревожности, сниженного настроения.

2. Субмиссивная мотивация. Содержанием мотивации является неспособность отказаться от предлагаемого кем-нибудь приема алкоголя. При этом выдвигаются различные оправдательные причины, как, например, "неудобно", "не хочу обидеть хороших людей", "посчитают не мужчиной" и т.д. Мотивация отражает выраженную тенденцию к подчинению, зависимости от мнения окружающих.

3. Гедонистическая мотивация. Алкоголь употребляется для повышения настроения, кэф-эффекта, получения удовольствия в широком смысле этого слова.

4. Мотивация с гиперактивацией поведения. Алкоголь употребляется для того, чтобы вызвать состояние возбуждения, активизировать себя. Притягательным свойством алкоголя является возникновение субъективного состояния повышенного тонуса, сочетающееся с повышенной самооценкой.

5. Псевдокультурная мотивация. В случаях псевдокультурной мотивации, как правило, большое значение придается атрибутивным свойствам алкоголя. Характерны стремление к демонстративности, желание показать "изысканный вкус", произвести впечатление на окружающих редкими заграничными алкогольными напитками. Эта мотивация обычно сочетается с другими аддиктивными мотивациями и связана со стремлением компенсировать комплекс неполноценности.

Длительный прием алкоголя в рамках алкогольного аддиктивного поведения приводит к развитию физической зависимости от алкоголя. Физическая зависимость от алкоголя характеризуется рядом признаков: повышение толерантности к алкоголю, невозможность воздержаться от приема алкоголя, потеря контроля, явления алкогольной абстиненции.

Повышение толерантности выражается в том, что для достижения прежнего эффекта необходим прием большей дозы алкоголя.

Алкоголь употребляется уже неоднократно в течение дня. При этом принимают сравнительно небольшие дозы (в зависимости от толерантности), не вызывающие явлений выражен-

ного алкогольного опьянения. Вместе с тем прекращение регулярного приема алкоголя оказывается чрезвычайно трудным, так как является составной частью сформировавшегося аддиктивного поведения, а также в связи с развитием во многих случаях явлений алкогольной абстиненции.

Потеря контроля представляет собой невозможность остановиться, прекратить прием алкоголя после начальной дозы. Достаточно выпить рюмку алкоголя, чтобы сразу же возникло непреодолимое стремление к приему дальнейших доз, так как возникает вскоре чувство, что чего-то не хватает, становится "не по себе" и кажется, что достаточно еще немного выпить, чтобы "все стало на свое место", т.е. был достигнут желаемый эффект. Однако прием следующей дозы алкоголя снова только на короткое время изменяет состояние, и нужно снова пить. Таким образом, при сформировавшемся симптоме потери контроля алкогольный аддикт не в состоянии ограничиться приемом доз алкоголя, соответствующих его толерантности, постоянно превышает их и напивается до состояния "полного бесчувствия", т.е. до развития очень тяжелого опьянения. Stewart определяет потерю контроля как "потерю свободы", делающую невозможным выбор поведения после начала выпивки. Наблюдение алкогольных аддиктов с потерей контроля показывает, что по мере того, как продолжается злоупотребление алкоголем, в состояниях опьянения все более выступают явления тревоги. Одновременно с усилением тревоги укорачиваются интервалы облегчения, которые приносит употребление следующей дозы алкоголя. Поведение во время выпивки при потере контроля типично, прием алкоголя носит насильственный характер, человек не в состоянии ждать, он не соизмеряет прием алкоголя с тем, как пьют другие, для него исчезают морально-этические ограничения. Нужно подчеркнуть, что в этих состояниях проявляется не непреодолимое стремление к алкоголю как таковому, а стремление получить связываемый с алкоголем эффект облегчения.

Абстиненция развивается на выходе из опьянения. Она выражается в плохом физическом состоянии. Характерны общая слабость, изжога, тошнота, боли в области желудка, груди, сердцебиение, дрожание всего тела. Беспокоит чувство тяжести в голове, все окружающее раздражает, особенно громкие звуки, шум, яркий свет, запахи. Характерны отвращение к еде, неприятный вкус во рту, жажда. Настроение снижено, иногда с оттенком тревожности или злобности.

На фоне расстройств, свойственных алкогольной абстиненции, имеется отчетливое стремление к приему алкоголя, что

связано с желанием избавиться от неприятного состояния. Это оказывается возможным после приема небольшой дозы алкоголя, однако не во всех случаях: при наличии симптома "потери контроля" прием алкоголя даже в небольшой дозе приводит к дальнейшей алкоголизации.

Как мы уже ранее указывали, содержание аддиктивных мотиваций может определять развитие разных форм алкоголизма. Предложенная нами /Короленко, Диковский, 1972/ классификация выделяет формы алкоголизма на основании особенностей психической и физической зависимости от алкоголя. В этой классификации алкоголизм рассматривается как одна из форм аддиктивного поведения. Классификация является дальнейшим развитием классификации Jellinek /1962/ и нашей /Короленко, 1966/, включая установление новых форм и стадий. Принципиально важным отличием от классификации Jellinek является также исключение бета-формы алкоголизма, которую автор выделял на основе поражений алкоголем различных органов и систем. Это уже другой подход, так как поражение алкоголем организма может иметь место при разных формах алкоголизма или даже при случайных отравлениях алкоголем и имеет отношение, с нашей точки зрения, не к форме, а к стадии алкоголизма.

Приведем краткое описание форм алкоголизма с психологической зависимостью от алкоголя.

1. Альфа-алкоголизм. Алкоголь употребляется с целью смягчить эмоциональное напряжение, избавиться от неприятных переживаний, чувства стеснения, повысить сниженное настроение, отвлечься от конфликтных ситуаций, не думать о решении трудной проблемы. Алкоголь употребляется в одиночку или со случайными людьми. Лица с альфа-алкоголизмом уже с самого начала употребления алкоголя отмечают ряд "положительных" эффектов алкогольного опьянения: успокоение, "прилив бодрости", облегчение общения, которое ни к чему не обязывает, и др. Психологические эффекты опьянения зависят от личностных особенностей, от их установок и ожиданий на получение "нужных" изменений в психическом состоянии. Эти ожидания формируются на основе предшествующего "алкогольного опыта", отношения к алкоголю как к своеобразному лекарству. Потребление алкоголя для этих людей означает что-то похожее на психологический "тайм-аут", передышку от самого себя и от требований жизни.

Важной особенностью алкогольного опьянения в плане субъективно желаемых эффектов является усиление воображения, уход в мир фантазий и грез, очень приятных по содержанию.

Подчеркивается желание помечтать, пофантазировать во время опьянения. Для этого лучше находиться в одиночестве. В содержании фантазий неосуществленные желания и притязания. Это бегство от реального мира в мир инфантильных представлений, иллюзий. В воображении все удастся, исчезают препятствия, все задуманное реализуется. Реальной программы поведения эти фантазии не создают, и никаких попыток осуществления их не возникает. Возвращение к реальности сопровождается еще более болезненным и обостренным восприятием окружающего мира и себя в нем. Прибавляется чувство вины в связи с выпивкой. Возникает все более выраженное аддиктивное стремление уйти из реальности в алкогольное опьянение, которое начинает становиться основным смыслом жизни. При этой форме обычно наблюдается тенденция к учащению выпивок, которые становятся все более привычными. Нарушаются межличностные отношения, возникают конфликты в семье и на производстве, формируется измененный стереотип жизни, снижаются адаптационные способности, повышается порог преодоления трудностей.

2. Эта-алкоголизм. Характерно употребление алкоголя только в компании, в ситуации социального общения. Повышение настроения после приема алкоголя возникает в условиях общения, в "своей компании". Может создаться впечатление, что межличностные отношения не страдают и эмоциональные контакты не нарушаются. На самом деле это не так. Общение в компаниях носит поверхностный характер, обсуждаются сенсационные темы, сплетни об общих знакомых, возникающее ощущение всеобщего взаимопонимания исчезает после окончания встречи. Темы разговоров обычно касаются также прежних выпивок, "размышлений" по поводу "пользы" спиртных напитков. Участники, словно сговариваясь, одобряют желание каждого из них выпить. Общая алкогольная обстановка и тематика делает всех равными. Малопонятные темы не одобряются, игнорируются. Очень популярны анекдоты, непристойности, "алкогольный юмор". Атмосфера согласия и общности строится по принципу "все мы здесь пьяны и непристойны, но не осуждаем друг друга". Они также следят друг за другом, чтобы все пили в равной степени: "пьяные все одинаковы", "пусть все мы напиваемся, но мы все равны друг перед другом". Изучая специально ситуации, складывающиеся в алкогольных компаниях, мы установили, что у разных по своим особенностям людей поведение при приеме алкоголя стандартизируется, стирается индивидуальность. Возникает подсознательное стремление получить компенсацию за ломающиеся отношения с прежними знакомыми, близ-

кими, снижение профессиональных и личностных интересов. Компенсацию ищут в алкогольных компаниях, где легко получить ничего не стоящие социальное одобрение, поддержку, похвалу. Событьишники охотно "подтверждают" правоту их взглядов, дают им высокие оценки. Все воспринимается некритично, в розовом свете. В результате неудач кажутся малозначимыми, возникает "философское", созерцательное отношение к жизни. Появляются надежды на чудесное изменение собственной судьбы, создаются фантастические проекты переустройства жизни. В значительной степени восприятие психологической атмосферы в пьяной компании, как мы уже говорили, – результат ожиданий, настраивающий сознание на особый лад.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что исследования группового потребления алкоголя в США показывают, что в мужских барах для рабочих специально поддерживается особый дух мужского охотничьего братства. Бар символизирует охотничий домик, где собираются мужчины для отдыха после трудной охоты, обсуждают свои "мужские" проблемы, рассказывают истории. Бармен организует знакомство с новыми посетителями, активно участвует в беседах, заботится о поддержании непринужденной дружественной психологической атмосферы.

3. Иота-алкоголизм. Характеризуется частым приемом алкогольных напитков для снятия нарушений, достигших уровня невроза: навязчивых страхов, явлений невротической импотенции. Содержание зависимости от алкоголя постепенно расширяется, поведение становится аддиктивным.

Развитие алкогольного аддиктивного поведения сопровождается формированием психологической зависимости от алкоголя, к которой в дальнейшем в связи с обменными нарушениями присоединяются явления физической зависимости от алкоголя. Вместе с тем следует всегда помнить, что алкоголь не только обладает аддиктивными свойствами, но в связи с его токсическими свойствами приводит к поражению различных органов и систем организма. Риск возникновения этих повреждений зависит от доз принимаемого алкоголя, длительности употребления, вида алкоголя, степени его очищенности. Так, особенно опасно употребление суррогатов алкоголя домашнего производства (самогон), которые в связи с плохой очисткой содержат большие количества токсических веществ, в частности сивушного масла.

Алкоголь поражает прежде всего периферическую и центральную нервную систему, желудочно-кишечный тракт, печень, эндокринную систему, вызывая развитие таких заболеваний, как

полиневриты, гастриты, цирроз печени, органическое повреждение головного мозга. Эти нарушения могут возникать при передозировках алкоголя и у лиц без явлений психологической и физической зависимости от алкоголя. Остановимся коротко на некоторых изменениях в организме, вызываемых алкоголем. Употребление алкоголя может вести к развитию психоорганического синдрома, обусловленного деструкцией мозговой ткани. Синдром проявляется в диффузных нарушениях психических функций. Страдают прежде всего память, внимание, сообразительность, творческие способности, эмоциональная сфера. Степень выраженности алкогольного психоорганического синдрома может быть различной. Начальные проявления включают повышенную утомляемость, нарушение внимания, снижение круга интересов, частые колебания настроения. При прогрессировании процесса появляются головные боли, раздражительность, беспокойство, агрессивность, нарушения памяти на текущие события, забывчивость, рассеянность. В дальнейшем изменения памяти становятся более выраженными, нарушается чувство такта, критики к своему поведению, резко снижается усвоение нового, практически исчезают творческие способности. Характерны вспышки гнева, ригидность мышления. Теряется интерес к соблюдению правил личной гигиены.

Растормаживающий эффект алкоголя может приводить к повышению сексуальности. В то же время алкоголь нарушает половую функцию, вызывая снижение потенции у мужчин и сексуальные затруднения у женщин. Импотенция у мужчин – частое явление при злоупотреблении алкоголем. Половая функция у мужчин может восстанавливаться в периоды трезвости, однако по мере продолжения злоупотребления алкоголем становится все более выраженной. Для злоупотребляющих алкоголем женщин характерно снижение сексуальных желаний, исчезновение чувства удовлетворения. Это приводит к нарушениям в семейных отношениях. Для алкогольных семей типичны взаимные обвинения. Мужья-алкоголики обвиняют в своей импотенции жен, женщины с алкогольными проблемами считают, что их сексуальные нарушения связаны не с алкоголизмом, а с отсутствием понимания и чуткого отношения со стороны мужей. Ситуации могут быть очень сложными, чреватými опасными конфликтами, в особенности при возникновении идей ревности у мужчин-алкоголиков, и требуют срочной консультативной и лечебной помощи.

В 1970 г. исследователи из Вашингтонского университета Ulleland, Wennberg, Smith сообщили о психическом недоразвитии новорожденных, матери которых страдали алкоголиз-

мом. В дальнейшем Jones, Smith /1975/, продолжив исследования, выделили и описали алкогольный синдром плода, обозначив этим термином различные специфические аномалии развития у потомства матерей, злоупотребляющих алкоголем. Для таких детей характерны лица с маленькими глазными щелями, неправильным строением век, недоразвитием верхней челюсти, низким расположением ушных раковин. Часто у этих детей отмечаются пороки сердца, дефекты половых органов, суставов, "волчья пасть", микроцефалия (уменьшенный размер головы), малый вес и рост. Наблюдаются задержки умственного развития и развития движений.

По данным Rosett с сотр., частота возникновения алкогольного синдрома плода среди женщин, идентифицированных как "проблемные пьяницы" или "злоупотребляющие алкоголем", колеблется от 23 до 29 на 1 тыс., что значительно выше, чем случаи недоразвития у детей женщин, не злоупотребляющих алкоголем. По данным NIAAA (Национальный институт исследования алкоголизма и злоупотребления алкоголем) США /1983/, возникновение АСП в США составляет 1-3 на 1 тыс. общего населения. Streissguth, La Duc /1985/ обращают внимание на то, что во многих случаях у детей матерей, страдающих алкоголизмом, наблюдаются значительные нарушения развития и поведения при отсутствии дефектов строения тела. Все эти данные свидетельствовали о связи между злоупотреблением алкоголем и нарушениями развития плода. В связи с установленными данными NIAAA в 1977 г. опубликовал официальное предупреждение об опасности употребления алкоголя во время беременности. Исследования, проводимые в последующие годы, позволили получить новые данные, подтверждающие достоверную корреляцию между употреблением алкоголя во время беременности и нарушениями развития плода /Sokol, 1981; Podolsky, 1985/. Так, Podolsky /1985/ считает, что у плода, подвергающегося интенсивному воздействию алкоголя, происходят структурные и функциональные изменения головного мозга, приводящие в случаях выживания к различным нарушениям со стороны центральной нервной системы.

Механизм возникновения АСП изучен недостаточно. Определенную роль в его развитии играет, очевидно, тяжесть алкоголизма, а также различные соматические нарушения у матери. Расстройства, характерные для АСП, могут зависеть как от количества потребляемого алкоголя, срока и продолжительности его воздействия, так и от наследственных факторов, до некоторой степени влияющих на обмен алкоголя.

Все вышеизложенное подчеркивает особую актуальность ранней профилактики алкоголизма у молодых женщин.

Вещества, изменяющие психическое состояние. Аддитивное поведение, реализуемое с помощью различных веществ, изменяющих психическое состояние, получило широкое распространение в современном мире. Круг употребляемых веществ включает препараты, зарегистрированные ВОЗ в качестве наркотиков, различные не являющиеся наркотиками лекарства, применяемые в дозах, превышающих терапевтические, препараты бытовой химии, органические растворители и др. Многие из применяемых с аддитивной целью веществ чрезвычайно токсичны, вызывают необратимые тяжелые поражения внутренних органов, головного мозга, приводят к смертельным исходам. Что заставляет людей прибегать к употреблению всех этих веществ? Вначале любопытство, подражание лицам, уже имеющим опыт в употреблении этих веществ, затем происходит постепенное, порой очень быстрое формирование аддитивного поведения, когда основными в жизни становятся аддитивные мотивации. Остановимся подробнее на некоторых формах аддитивного поведения, связанного с употреблением веществ, изменяющих психическое состояние.

Курение. Опасность этого явления, его вред для здоровья до недавнего времени недооценивались. Как известно, в Европу табак проник из Америки в XVI в. На американском континенте табак использовался аборигенами и начало его употребления уходит в глубокое прошлое. Жан Нико, французский посол в Португалии, заинтересовался табачным растением и привез его в Европу. Он высказал предположение о том, что табак обладает лечебными свойствами. Кстати, латинское название табака курительного – *Nicotiana tobacum*, как и термин „никотин“, связано с именем Нико. Однако уже вскоре возникли серьезные сомнения в отношении пользы табака для здоровья. Так, в 1859 г. французский врач Boisson обратил внимание на то, что у курильщиков часто развивается рак губы, обычно как раз на тех местах, где они держат трубку или сигару. Возможно, с этим было связано уменьшение популярности курения трубок и сигар в конце XIX в. Сигареты вначале использовались в Южной Америке (Бразилии), затем получили широкое распространение в Англии и других европейских странах, а также в США. Большое значение имели сравнительная дешевизна сигарет, их „мягкость“ и в то же время обусловленный быстрой ингаляцией никотина более выраженный эффект. Однако уже в начале XX в., в 1927 г., в Англии появилось сообщение о том, что почти каждый случай рака легких возникал у постоянных курильщиков сигарет. По данным Segal /1988/, в 1930 г. не менее 3 тыс. жителей США

умерли от рака легких, в 1950 г. количество умерших выросло до 18 тыс. в год, а в 1980 г. составляло 100 тыс. В настоящее время сигареты считаются прямой причиной не только рака легких, но и ряда других заболеваний, в том числе болезней сердечно-сосудистой системы. По данным Segal, в США в течение каждого года свыше 22 тыс. чел. умирают от других онкологических заболеваний и свыше 225 тыс. чел. — от заболеваний сердечно-сосудистой системы.

Аддиктивное курение обычно формируется в результате начального экспериментирования с сигаретами из интереса, любопытства, под влиянием друзей, сверстников. У подростков и детей стремление "попробовать" бывает также связанным со стремлением казаться взрослым. Для девочек-подростков важно выглядеть "раскрепощенными", "независимыми", произвести впечатление на лиц противоположного пола. Развитию стремления к курению у детей и подростков могут способствовать курящие родители или другие взрослые члены семьи. Дети могут подражать взрослым. Постепенно появляется то ощущение, с которым в дальнейшем связывается желание курить. В чем заключаются особенности изменения психического состояния, которые стараются достичь путем курения? В литературе эта сторона вопроса освещена менее других. Наши наблюдения и исследования с помощью специальной анкеты, а также данные литературы /McKennell, 1973/ позволяют прийти к выводу, что обычно курильщики испытывают затруднения в описании тех состояний, к которым они стремятся. Иногда они утверждают, что курят "чисто автоматически, не осознавая этого", однако чаще следуют ответы, говорящие в пользу аддиктивного поведения: «Я не могу долго воздерживаться, у меня возникает такое состояние, что только сигарета может меня удовлетворить; когда я чувствую себя угнетенным или раздраженным, когда что-то не клеится, грусть какая-то одолевает, я сразу же начинаю курить; когда меня что-то беспокоит, предстоит неприятность или вообще становится "трудно в жизни" — сигареты выручают». В ряде случаев с курением связывают состояние приятного расслабления, психической релаксации. В то же время курение расценивается нередко как обязательный ингредиент совместного проведения времени со знакомыми и друзьями. Курение включается в постоянный ритуал общения при различного рода встречах, оно может сопровождать употребление алкоголя. Сочетание курения и употребления алкоголя — достаточно частый вариант. В связи с этим следует также обратить внимание на то, что курение может быть обусловлено различными по содержанию аддиктивными мотивациями, т.е.

мы здесь обнаруживаем подобие с мотивациями употребления алкоголя. Так, например, мотивация к курению бывает атарактической, т.е. имеет место стремление к снятию эмоционального дискомфорта, напряжения; в других случаях отчетливо выступает мотивация активации поведения, мышления, социального общения: "легче думается; становлюсь общительнее, естественнее, активнее" Часто наблюдается гедонистическая мотивация – стремление повысить настроение, улучшить самочувствие. В целом курильщики употребляют больше алкоголя, пьют больше кофе, чаще курят марихуану и принимают больше аспирина, чем некурящие /Abelson, Fishburne, 1976/. В последние годы появились сообщения о связи курения с аддикцией к героину (наиболее сильно действующему наркотику из группы опиатов, производному морфия). По сообщению Haney /1986/, табак обнаруживает поражающее сходство с опиумом по своей силе вызывать аддиктивное поведение и трудности прекратить аддикцию. Табак и опиум вызывают аддиктивное поведение с явлениями физической зависимости, абстинентные симптомы при прекращении употребления как опиума, так и курения табака достаточно тяжелые. Абстиненция при употреблении препаратов опиума выражается в ускоренном сердцебиении, выделениях из носа ("опийный насморк"), потливости, ознобе, явлениях "гусиной кожи", повышении температуры, бессоннице, желудочно-кишечных расстройствах в виде поноса. Резко представлено стремление к приему опийного препарата с целью смягчить или устранить эти симптомы. Абстиненция при курении табака также включает желудочно-кишечные расстройства, наблюдаются раздражительность, сердцебиение, беспокойство. Как в случаях курения табака, так и в случаях злоупотребления препаратами опиума развивается повышение толерантности. Далее Haney обращает внимание на то, что подобно героиновым наркоманам 70% курильщиков, сумевших прекратить курение, возобновляют его в течение первых 3 мес и 75% – в течение первого года. Как курение табака, так и употребление героина повышает настроение.

Стремление к курению бывает столь сильно выраженным, что оказывается сильнее осознания возможных негативных последствий для здоровья и жизни. Никотин, очевидно, является тем ингредиентом в табаке, который определяет главным образом аддиктивный эффект /Jarvik, 1973/. Oldendorf /1977/ показал, что никотин легко проникает из крови в головной мозг, оказывая на него непосредственное действие. Никотин действует также опосредованно, вызывая повышение в крови норадреналина, адреналина и ацетилхолина. Известны экс-

перименты по изучению роли никотина на самом себе. Так, Johnston /1942/ вводил себе и добровольцам никотин и получил четкое впечатление о действии этого яда на психическое состояние. Яд был впервые выделен в 1928 г. Смертельная концентрация в крови составляет около 40 мг (60 мг вызывают смерть в течение нескольких минут). В среднем в сигарете содержится от 0,5 до 2,0 мг никотина, из которых около 10–12%, т.е. 0,06–0,20 мг, попадают в кровообращение курильщика через легкие и быстро распространяются по всему организму, достигая головного мозга /Segal, 1988/. Однако токсические ингредиенты, содержащиеся в табачном дыме, не исчерпываются одним никотином. К ним относятся также углеводородная смола, в виде мелких частиц оседающая в легочной ткани, вызывающие рак радиоактивный полоний-210, нитрозамины, бета-нафтиламин; кадмий, свинец, диоксид азота, формальдегид, гидразин, угарный газ и др.

Мы уже указывали, что курение может приводить к серьезным последствиям для здоровья, увеличивая опасность развития рака легких, пищевода, губы, стимулируя развитие сердечно-сосудистых заболеваний. К этому следует добавить, что риск возникновения раковых процессов в ротовой полости (рак слизистых щек и десен) резко возрастает не только при курении, но и при жевании табака. Об этом свидетельствуют данные Koop, Luoto, обнаруживших развитие рака слизистых полости рта у 50% лиц молодого возраста, длительно жующих табак.

Никотин и другие токсические соединения, содержащиеся в табаке, представляют большую опасность при беременности. Курение во время беременности может приводить к спонтанному выкидышу, преждевременным родам. В ряде случаев ребенок может умереть непосредственно после родов. Дети, родившиеся от матерей, куривших во время беременности, имеют обычно меньший вес, более предрасположены к развитию различных заболеваний. Опасность для плода возникает и в тех случаях, когда сама мать не курит, но курит отец. Мать оказывается пассивной курильщицей и отравляет себя и ребенка, причем поражение может быть даже более серьезным, так как при пассивном курении часть токсических веществ не поглощается фильтрами. Jones-Witters, Witters /1983/ пишут, что более высокая смертность наблюдается у новорожденных, отцы которых выкуривали более 10 сигарет в день. У детей интенсивно курящих отцов случаи тяжелых послеродовых дефектов в два раза чаще ожидаемых.

Таким образом, курение представляет собой опасную форму аддиктивного поведения с чрезвычайно серьезными последствиями для здоровья не только самого курильщика, но и ближайшего его окружения. Завялые курильщики характеризуются, как и другие аддикты, выраженной эгоцентричностью. Они совершенно не учитывают интересов других людей, не считаются с отрицательными последствиями их курения для сотрудников по работе, членов собственных семей. Чем дольше и интенсивнее человек курит, тем более представлены его некритичность и безразличное, по сути дела, отношение к окружающим. В исследованиях Russell обращается внимание, что курящие лица при психологическом исследовании обнаруживают большую импульсивность, несдержанность, более склонны к риску. Они чаще меняют работу и разводятся, чаще вступают в сексуальные связи. Для них характерно большее стремление к употреблению чая, кофе и алкоголя.

Ряд авторов высказывает точку зрения, что к развитию аддиктивного курения более предрасположены люди с экстравертивными чертами личности. Для экстравертов типично стремление к многочисленным, хотя и поверхностным знакомствам, они любят ходить в гости, развлекаться, ищут приключений, не любят "осложнять себе жизнь", могут быть агрессивными. Для интровертов, наоборот, характерны замкнутость, погруженность в себя, эмоциональная сдержанность, контроль над чувствами, предпочтение книги общению с малознакомыми людьми, шепотливость, надежность /Eysenck, 1965/. Eysenck предложил теорию, объясняющую, почему курение более привлекательно для экстравертов, чем для интровертов. Она сводится к тому, что экстраверты более податливы к внешним социальным влияниям и поэтому легче поддаются давлению со стороны окружающих — курящих знакомых, друзей, родственников. Интроверты в большей степени противопоставляют давлению со стороны собственную точку зрения. Это предположение требует дальнейшего уточнения. По нашим наблюдениям, в результате нарастания аддиктивного курения происходит заострение как экстра-, так и интровертивных черт личности. Эти черты становятся более утрированными: при экстраверсии усиливается поверхностность в общении, снижается способность к сопереживанию; при интроверсии происходит дальнейшее ограничение контактов с людьми, обостряется стремление к уединению, суживается круг интересов.

В литературе имеются также отдельные работы, показывающие связь курения с антисоциальными тенденциями в поведении. Так, Smith /1970/ приводит данные о том, что куриль-

щики проявляют чаще такие антисоциальные черты, как агрессивность, выраженная конфликтность, вызывающее поведение. В этой связи следует обратить внимание на то обстоятельство, что в некоторых случаях курение у подростков выступает как форма вызова, "восстания" против авторитета родителей или преподавателей. Такого рода данные показывают наличие связи между различными формами отклоняющегося поведения.

Органические растворители (ингалянты). Органические растворители представляют собой испаряющиеся вещества, вдыхание которых приводит к интоксикации (отравлению), сопровождающейся изменением психического состояния. К органическим растворителям, употребляемым с аддиктивной целью, относятся бензин, аэрозоли, растворители красок, эфир, хлороформ и др. Эти вещества высокотоксичны, их вдыхание опасно для жизни и здоровья. Стремление к приему органических растворителей возникает обычно в подростковом возрасте, нередко употребляются ингалянты и дети. Первичная причина — любопытство, стремление испытать необычные ощущения. Как правило, употребление ингалянтов начинается под влиянием лиц, уже имеющих опыт в этом отношении, и может быстро распространиться среди учащихся, например, школ или ПТУ. Употребление носит обычно коллективный характер — в группе, состоящей из 3–5 чел., среди которых неформальный лидер имеет больший опыт и инструктирует других в отношении техники употребления и ожидаемого эффекта. Эффект этих соединений заключается в развитии состояния, напоминающего опьянение, головокружения, иногда ощущения "взлета", повышенного настроения, беспечности. Могут возникать видения (галлюцинации) типа быстро движущихся кадров мультипликаций. Основной эффект удерживается от 5 до 15 мин, хотя в некоторых случаях затягивается и на более поздние сроки (более 1 ч). В настоящее время употребление ингалянтов распространилось во многих странах (США, СССР, Япония, Скандинавские страны, Польша, страны Центральной и Латинской Америки и др.). Опасность усугубляется сравнительно легкой доступностью и дешевизной органических растворителей. В результате злоупотребления ингалянтами развиваются тяжелые отравления, с повреждением многих органов. Могут возникнуть необратимые поражения печени, почек, костного мозга. Наблюдаются случаи смерти непосредственно во время вдыхания в результате паралича дыхательного центра, асфиксии. Повторные употребления приводят также к появлению стойких психических нарушений: страдает память, особенно кратковременная, эмоционально-волевая сфера, снижается сообразительность. Интересы замы-

каются на употреблении ингалянтов. Задерживается развитие умственных способностей.

Остановимся более детально на социально-психологических факторах, создающих повышенный риск развития этой формы аддиктивного поведения.

Мы уже указывали, что употребление ингалянтов может быть обусловлено влиянием сверстников. На нашем опыте это положение находит достаточное подтверждение. В литературе, пожалуй, одним из наиболее поражающих примеров влияния сверстников на употребление ингалянтов является описание Leal с сотр. /1978/, исследовавших жизнь уличных детей в Мехико. Большинство из этих детей были из бедных семей, многие приехали с периферии и поселились в сламсах (трущобах) на окраине города. Дети практически оставили свои семьи, образовали ганги и жили совместно на улицах города небольшими группами. В этих группах, заменяющих прежнюю семью, процветало употребление ингалянтов как наиболее дешевых средств, изменяющих психическое состояние. Члены групп или образовывали своеобразную "семью" с системой подчинения лидеру, заменяющему отца. Vetting и др. /1988/ указывают, что употребление ингалянтов подростками всегда отражает влияние социально-психологических факторов, среди которых особое значение имеют контакты со знакомыми приблизительно того же возраста. В дальнейшем происходит выбор общения по принципу употребления ингалянтов. Образующиеся группы имеют общие интересы, проявляют антисоциальные подходы к жизни.

Социальная среда имеет большое значение для возникновения данной формы аддиктивного поведения. В городах имеются "хорошие" и "плохие" районы, в некоторых районах ингалянты могут не употребляться, в других – быть широко распространенными. Чем больше распространение, тем более вероятно развитие аддиктивного поведения у конкретного подростка или молодого человека. Если в каком-то месте подростки употребляют ингалянты, создается риск приобщения к ним следующего поколения подрастающих детей. Распространение употребления ингалянтов в учебных заведениях отражает незнание проблемы преподавателями, непонимание ее серьезности.

Злоупотребление ингалянтами характерно для неблагополучных семей. Это могут быть конфликтные семьи; семьи, в которых один или оба родителя страдают алкоголизмом; семьи с криминалитетом родителей; неполные семьи. Исследования Vetting с соавт. /1988/ показывают, что для группы лиц молодого возраста, злоупотребляющих ингалянтами, было более ти-

пично (по сравнению со здоровыми, а также с другими аддиктами) отсутствие семейной заботы. В то же время авторы подчеркивают наибольшую выраженность семейных нарушений у взрослых, употребляющих ингалянты, и у лиц со смешанными формами аддиктивного поведения (употребление ингалянтов, алкоголя и других веществ).

Адаптация к школе. Подростки, употребляющие ингалянты, нарушают правила поведения в школе и имеют низкую успеваемость. Они опаздывают на уроки или пропускают их, плохо готовят домашние задания. У них возникают частые конфликты с учителями. Хроническое употребление ингалянтов снижает умственные способности, теряется интерес к школьным занятиям, изменяются мотивации, происходит замена прежних конструктивных мотиваций аддиктивными. Такие подростки могут быть очень агрессивными, склонными к дракам, они часто унижают других детей, шантажируют их.

Сексуальное аддиктивное поведение

Известный психолог Fromm /1956/ утверждал, что любовь – это единственная страсть, которая удовлетворяет потребность человека в единении с миром и получении одновременно чувства интегральности и индивидуальности. Секс, связанный с любовью, высвобождает творческие задатки личности, способствуя реализации этой программы. Любовь – многогранное понятие. Леонардо да Винчи принадлежит выражение: "Чем больше человек, тем сильнее его любовь". Любовь захватывает всю личность, включает в себя альтруистическое отношение к любимому человеку, понимание и уважение его достоинств, стремление "не только брать, но и, прежде всего, отдавать", понимание интересов другого человека как самостоятельной личности.

Сексуальный контакт, интегрально связанный с любовью, удовлетворяет не только биологическую, но и различные психологические потребности, как, например, потребность во взаимопонимании, защите, близком контакте, безопасности, чувстве неразрывного сообщества и единения. Сексуальный контакт в этом случае облегчает выход за пределы своего "я" и создает в сознании партнеров новое качество (мы), т.е. расширяет границы экзистенции, видения мира /Lew-Starowicz, 1987/

Таким образом, нормальная половая жизнь человека не является изолированной областью, самое важное в ней то, что

она захватывает обоих людей, т.е. представляет социальное явление. Люди могут сохранять личностное равновесие только тогда, когда к ним относятся как к личностям, а не как к предметам, когда воспринимается индивидуальное личностное своеобразие, а не изолированная сексуальная сфера.

Сексуальное аддиктивное поведение характеризуется тем, что лица, к которым возникают сексуальные чувства, воспринимаются не как люди с их разнообразными человеческими качествами, личностными особенностями, интеллектом, точками зрения, взглядами, а как сексуальные объекты. В литературе для обозначения этих понятий существует специальный термин — донжуанизм. Донжуанизм представляет собой как раз аддиктивный стиль поведения, основанный на стремлении к сексуальным связям с как можно большим числом женщин. Причем этому "количественному" фактору придается доминирующее и, зачастую, единственное значение, что становится главной целью в жизни. Как правило, после достижения "эротической цели" женщина не представляет дальнейшего интереса. В настоящее время известны случаи женского донжуанизма, когда сексуальным аддиктом является женщина, соблазняющая и тут же покидающая многочисленных мужчин. Чем труднее "задача", тем больше усилий и эмоций вкладывается в ее реализацию. В женском варианте донжуанизма особое значение придается интенсивным эмоциям, связанным не столько с элементом физического "совращения" мужчины, сколько со стремлением добиться максимальной зависимости, влюбленности в себя и на высоте этих чувств прекратить всякие отношения. Эта форма аддиктивного поведения показана французским кинорежиссером Роже Вадимом в фильме "Если бы Дон Жуан был женщиной", в котором главную роль исполняла Брижит Бардо. Брижит Бардо, или Дон Жуан в юбке, преследовала заинтересовавших ее мужчин, ломала их личную и семейную жизнь, разрушала карьеру, приводила к трагедиям. Ей принадлежит следующая фраза, хорошо отражающая содержание аддиктивного поведения: "Соблазнить — это не трудно, покорить — это искусство. Покоряешь, чтобы уничтожить". Руководствуясь этими мотивами, героиня разрушила карьеру крупного политического деятеля, соблазнила друга детства, довела до самоубийства влюбившегося в нее гитариста, занималась также лесбийской любовью, испытывая возбуждение от опасности и риска разоблачения мужем своей партнерши. Особое удовольствие героиня фильма испытывала, рассказывая о своих "успехах" кузену, целомудренному ксендзу Полю. Исповедь эта также закончилась его соблазнением.

Аддиктивное сексуальное поведение может выступать в различных формах. Оно не ограничивается только донжуанизмом.

Так, например, оно может выражаться в стремлении к коллекционированию порнографических снимков, открыток, чтению порнографической литературы, просматриванию видеофильмов порнографического содержания. В ряде случаев такое просматривание становится необходимой преамбулой для последующей сексуальной связи с малознакомыми или незнакомыми людьми. Здесь мы также встречаемся с особенностью, характерной для других форм аддикции: интенсивность чувств ошибочно воспринимается как интимность, происходит суррогатная подмена, нарушение настоящих эмоциональных отношений с людьми. Развивается страх перед возможностью истинного чувства, человеческой привязанностью.

Аддиктивное сексуальное поведение может тщательно скрываться от окружающих за ширмой подчеркнутой строгости, скромности, добропорядочности, "правильности", граничащей с аскетизмом. В таких случаях оно является как бы второй, тайной, стороной жизни, которая постепенно становится все более значимой, разрушающей личность и прежде всего ее эмоциональную сферу. В "открытой" для сослуживцев, знакомых, родственников жизни сексуальный аддикт демонстрирует только фасадную ролевую сторону, по сути дела маску, за которой находится тщательно скрываемая настоящая аддиктивная личность. Пример такого развития описан в художественной литературе, в частности А.И. Куприным в рассказе "Наталья Давыдовна":

"Она шестнадцать лет была классной дамой в N-ском институте благородных девиц и пользовалась исключительным, беспримерным уважением со стороны как директрисы, так и всего высшего начальства... службе она посвящала двадцать часов в сутки...

Раз в два или три месяца, в субботу, после Всенощной Наталья Давыдовна скромно спрашивала директрису:

-Вы разрешите мне, княгиня, провести мою тетюшку?..

Отойдя довольно далеко от ограды, она вынимала из кармана густую черную вуаль, окутывала ею лицо и вдруг вся мгновенно изменялась. Это уже была кокетка, искательница приключений... Она шла свободной, развратной, слегка развинченной походкой женщины, привыкшей принадлежать сотням мужчин...

Давний опыт и безошибочный инстинкт тайной развратницы указывали ей среди сотен обращенных на нее с вожделением лиц то, которое ей было нужно...

Она везла своего избранника куда-нибудь на край города, в грязную гостиницу с самой скверной репутацией,

и целую ночь напролет, без отдыха, предавалась тем наслаждениям, какие только могло изобрести ее необузданное воображение”.

Аддитивное сексуальное поведение может заключаться в различных видах извращенной сексуальной активности, например в болезненно интенсивной фиксации на каких-то предметах, разглядывание которых, прикосновение к ним вызывает интенсивное эмоциональное состояние – сексуальное возбуждение. Такая фиксация обозначается термином фетишизм. Слово “фетишизм” происходит от португальского слова *feitiçi* – идол, талисман, обладающий магической, колдовской привлекательностью. В средневековье португальские мореплаватели называли так наблюдаемое ими поклонение различным фигурам туземцами. Во многих культурах фетишами становились различные амулеты, наделяемые силой защиты, способствующие счастью, везению. Французский психиатр Binet ввел этот термин в конце XIX в. в медицину, ограничив его исключительно сексуальным содержанием.

Чаще всего предметами фиксации являются одежда, белье, чулки, колготки, ботинки, носовые платки, предметы, которые в определенном смысле символизируют сексуального партнера. Поэтому существует термин, эквивалентный фетишизму, – “сексуальный символизм”. Требования в отношении фетиша могут быть иногда очень специфичными – он должен иметь определенные размер, цвет, форму. Лица с аддитивным фетишистским поведением обычно тщательно скрывают свою особенность. Они стараются любой ценой получить желаемые предметы, принадлежащие человеку, который им “понравился”. Для этого фетишисты нередко совершают кражи, отбирают интересующие их предметы, прибегая к насилию. Нами наблюдался мужчина с аддитивным фетишистским поведением, который был фиксирован на женских пальто. Увидев женщину, которая ему чем-то понравилась, он долго преследовал ее, старался найти место, где она оставляет пальто, и затем похищал его. В дальнейшем он стал нападать на женщин и заставлял их отдать ему пальто. У этого человека была обнаружена в подвале “коллекция” красивых женских пальто. Находясь наедине, он извлекал похищенные вещи, раскладывал на полу, ложился на них, вдыхал запах, испытывая при этом интенсивные эмоциональные состояния. Таким образом, аддитивное фетишистское поведение приводит в ряде случаев к совершению правонарушений.

Существенной особенностью фетишизма является бегство от партнера, который становится ненужным, – общение с символами вытесняет нормальные человеческие взаимоотношения.

Одной из форм фетишизма является пигмалионизм. Здесь объектами аддиктивной фиксации становятся фотографии (не порнографического содержания), скульптуры, картины. Название происходит от имени кипрского царя Пигмалиона. Согласно греческому мифу, Пигмалион влюбился в созданную им скульптуру женщины, названную Галатеей. Афродита вняла мольбе Пигмалиона и оживила статую, после чего он женился на ней. Легкой формой пигмалионизма является коллекционирование фотографий киноактеров (киноактрис). При рассматривании фотографий возникают интенсивные эмоциональные состояния с появлением эротических картин в воображении.

Другой вид аддиктивного сексуального поведения – трансвестизм. Трансвестизм обозначает стремление к переодеванию в одежду противоположного пола, он может быть связан с желанием изменить свой пол и тогда называется транссексуализмом. Транссексуализм имеет иные механизмы и обычно не является исключительно аддиктивным поведением. Трансвестизм может выступать в форме аддикции. Мы встречаемся с трансвестизмом в мифе об Аталанте, дочери героя Иаса из Аркадии. Иас хотел иметь только сына, поэтому родившуюся дочь унесли в горы и бросили. Однако медведица выкормила ее, и Аталанта выросла, стала смелой и физически сильной. Она одевалась, причесывалась, как мужчина, стреляла из лука, первая ранила калидонского вепря и получила его шкуру. В "Истории" Геродота (V в. до н.э.) имеется описание широко распространенного на северном побережье Черного моря обычая, когда мужчины переодевались в женское платье и перенимали женские способы занятий.

Трансвестизм описывается и другими авторами. Так, например, греческий поэт Партений (I в. до н.э.), автор "Любвных страданий", пишет, что сын царя Пизы Лейкиппос переодевался девушкой, чтобы находиться рядом с любимой им нимфой Дафнэ. Дафнэ ненавидела мужчин.

В Библии, в Ветхом завете, имеется прямое осуждение трансвестизма: "На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий сие" /Второзаконие 22,5/. В средневековом Христианстве отрицательное отношение к трансвестизму можно видеть на примере Жанны д'Арк. На ее процессе одним из важных обвинений было то, что она переодевалась в мужское платье.

Как культурный феномен трансвестизм в настоящее время встречается у индейцев племени Пуэбло в Северной Америке. После достижения совершеннолетия мужчины в некоторых слу-

чаях надевают женскую одежду и выполняют женские виды работы, например занимаются рукоделием, вышивкой.

В связи с вышеизложенным следует подчеркнуть, что трансвестизм считается аддикцией в тех случаях, когда он не носит ритуального культурально-обусловленного характера, а становится индивидуальным, доминирующим в сознании способом удовлетворения сексуальных желаний, заменяя, как и при фетишизме, естественное общение с партнером. Аддиктивное поведение с такого рода фиксацией скрывается от окружающих (исключение могут составлять лишь самые близкие люди). Одежда противоположного пола надевается только в благоприятных для этого ситуациях или прячется под верхней одеждой.

К одному из видов аддиктивной сексуальной активности мы относим эксгибиционизм. Основной чертой этого расстройства является повторяющееся в воображении интенсивное сексуальное желание показать свои половые органы незнакомому лицу противоположного пола. Эксгибиционист реализует это желание и стремится в дальнейшем ко все более частому его повторению. В более легких случаях стремление к обнажению остается в фантазиях. Реакция женщины в виде страха, стеснения вызывает у эксгибиционистов интенсивную эмоциональную реакцию, безразличное реагирование — чувство досады. Во время обнажения перед жертвой или при фантазиях на эту тему эксгибиционисты иногда онанируют. Попытки проявления каких-либо дальнейших сексуальных действий по отношению к женщине отсутствуют, и поэтому эксгибиционисты обычно не представляют физической опасности.

Остановимся еще на одной из возможных форм выражения сексуального аддиктивного поведения, которая носит название вуареизм (от французского слова voir — видеть). Основной чертой вуареизма является интенсивное, постоянно возвращающееся желание к подглядыванию не подозревающих об этом незнакомых обнаженных, раздевающихся или вступающих в сексуальную связь людей. Подсматривание имеет целью испытать состояние сексуального возбуждения без стремления к сексуальному контакту с рассматриваемым. Оргазм достигается во время подглядывания или позже, при воспоминаниях о нем. В случаях аддикции происходит полная потеря интереса к естественной половой жизни.

С чем связано возникновение и развитие сексуального аддиктивного поведения?

При попытках найти ответ на этот вопрос нам нужно снова иметь в виду, что корни аддиктивных механизмов, к какой бы форме аддикции они ни приводили, находятся в детстве, в

особенностях воспитания. Дома, в родительской среде ребенок учится языку межличностных контактов и эмоциональных отношений. Если ребенок не находит у родителей поддержки, более того, боится их, это отношение недоверия и страха переносится на большой окружающий его мир, на людей, с которыми ему приходится встречаться в жизни. Воспитанное в детстве недоверие заставляет его искать суррогаты в виде объектов, предметов, символов, необычных форм активности, на которые он и переносит свои чувства, что, в свою очередь, способствует его дальнейшему отчуждению от общества. На развитие такой специфической формы аддиктивного поведения, как сексуальное, большое значение оказывают и социопсихологические факторы, находящиеся вне семьи, в "большом социуме". К этим факторам относится феномен, получивший название массовой культуры.

Массовая культура в нашем веке, особенно во второй его половине, охватила большинство регионов мира. Она стала влиять на структуру мотиваций в населении, формировать стиль жизни, систему ценностей. В сравнительно недавнем прошлом предшествующее поколение формировало свое отношение к сексуальной стороне жизни на основании образцов поведения, свойственных конкретному региону; народным и культуральным традициям. При этом обычно копировались стандарты поведения, которых придерживались родители, старшие родственники. Эти традиционные подходы в той или иной степени оказались несоответствующими предлагаемому и внедряемому в сознание стандартам массовой культуры. Стандарты массовой культуры отличаются от прежних традиционных тем, что они носят наднациональный, надрегиональный, униформный характер. Люди в различных странах, различных частях света смотрят одни и те же фильмы и видеопрограммы, слушают одну и ту же модную музыку, нередко пьют одни и те же напитки, играют в одни и те же компьютерные игры и т.д.

Существуют различные точки зрения на оценку влияния массовой культуры на современного человека. Некоторые авторы ее горячо поддерживают, как, например, канадский социолог Mc Luhan, говорящий о "конце галактики Гутенберга", связанной с чтением типографских текстов, и замене ее "телевизионной галактикой", делающей возможным отход от "линейного мышления" в сторону образного. В литературе также подчеркивается положительное влияние массовой культуры как наиболее сильного средства преодоления консерватизма, стереотипов поведения, заимствованных в очень отдаленных эпохах. В то же время ряд авторов считают, что массовая культура

популяризирует пансексуализм /Кон, 1970/, способствует внедрению конформизма, мыслительных стереотипов, тормозит проявления творчества.

При любом отношении к массовой культуре, нам представляется, следует видеть и учитывать ее положительные и отрицательные стороны. Массовая культура существует, усиливает свое влияние, внедряется в сознание популяций, создает условия для возникновения целого ряда явлений, в том числе и относимых нами к категории аддиктивного, в частности сексуально-аддиктивного, поведения. Дело в том, что одной из особенностей массовой культуры является то, что можно назвать эротизацией /Lew-Starowicz, 1987/. Сексуальная тематика разносторонне представлена в изданиях, средствах массовой информации, пропагандирующих массовую культуру. Во многих современных еженедельных журналах, не говоря уже об узкоспециализированных в этой области, типа "Penthouse" или "Mayfair", секс занимает значительное место: публикуются фотографии обнаженных женщин в сексапильных позах, печатаются рассказы об эротической жизни известных кинозвезд, советы врача по наиболее интимным вопросам (последние разделы содержат информацию о сексуальных отклонениях).

В сексуальной тематике массовая культура практически все обнажила, лишила тайны, сделала общедоступными темы, ранее закрытые в большинстве традиционных культур. Эротика в массовой культуре выражается также в пропагандировании значения секса, которому придается символ успеха, благополучия, здоровья, наконец смысла жизни. При этом предлагаются новые формы сексуального поведения, критикуется умеренность. Нужно отметить, что сексуальные подходы, предлагаемые средствами массовой информации, периодически меняются; это связано с необходимостью "не потерять аудиторию". В связи с этим, последовательно становятся модными стиль ретро, мистический акцент, восточные формы — приспособление к современным условиям "Камасутры" или сексуальной культуры Тао. К чему приводит воздействие сексуального аспекта массовой культуры? На этот счет можно привести мнение польских исследований /Lew-Starowicz, 1987/: популяризация секса в массовой культуре изменяет отношение к нему у 25% ее потребителей; фильмы с сексуальным содержанием формируют сексуальное поведение у ~50% молодежи, не имеющей сексуального опыта или только начинающей приобретать его; соединение сексуальных содержаний с актами насилия, агрессии увеличивает сексуальную преступность. Таким образом, массовая культура является одним из факторов, формирующих отношение к сексуаль-

ному поведению. Однако ее влияние не безгранично и далеко не все определяет; большое значение имеет взаимодействие массовой культуры с семейными условиями, родительским авторитетом, взаимоотношениями между родителями. Нельзя не принимать во внимание, что, придавая искусственно слишком большое значение сексу в его упрощенном механическом понимании, массовая культура создает тем самым благоприятный фон для возникновения сексуального аддиктивного поведения, для подмены действительных ценностей суррогатными.

Секс становится дегуманизированным, сексуальные партнеры рассматриваются как объекты – секс-машины для удовлетворения сексуальных желаний. Сексуальное поведение в его аддиктивной форме представляется изолированным, оторванным от личности явлением, символом, обладающим большой притягательной и одновременно разрушительной силой. Сексуальный аддикт находит в эротизированной массовой культуре поддержку своим аддиктивным сексуальным установкам; средства массовой информации постоянно убеждают его в правоте, секс становится единственной целью, "лекарством от всех болезней", однако это средство не делает счастливым, а приводит к аддиктивному разрушению личности. Сексуальные аддикты широко используют различные мифы и стереотипы в отношении сексуальной жизни, заимствованные из массовой культуры, как, например, миф сексуальной потенции, основывающийся на убеждении, что мужчина должен в своей жизни вступать в сексуальные отношения как можно с большим количеством женщин или что сексуальный темперамент у мужчины больше, чем у женщины, что мужчина "существо полигамное" и т.д. У женщин существует миф о необходимости оргазма при каждом сексуальном контакте, при аддиктивном сексуальном поведении это становится навязчивой, нереализующейся идеей. Миф был использован в конце 70-х годов в сенсационном для того времени фильме "Эмануэль", главная героиня которого вступала в многочисленные сексуальные связи в самых необычных ситуациях, с людьми, которых она видела впервые и в течение короткого времени: бродягами и т.д. Фантазия режиссера пошла здесь достаточно далеко, однако фильм можно рассматривать как иллюстрацию заверщенного аддиктивного поведения с доминирующей идеей о достижении оргазма. "Хэппи энд" фильма с его шоковым "излечением" представляется надуманным.

Сексуальные аддикты оказываются также перед опасностью возникновения сексуальных расстройств, которые у мужчин могут проявляться в виде импотенции, у женщин – в сексуальной холодности, отсутствии оргазма. В случаях неуспеха в совер-

шении полового акта сексуальный аддикт все более теряет уверенность в своих силах, он концентрирует все свое внимание на половой функции, и его способность воспринимать партнершу даже как сексуальный объект резко снижается. В результате попытка к сексуальному акту кончается очередной неудачей. Эти нарушения вызывают у сексуальных аддиктов тяжелые невротические реакции отчаяния, страха, чувство потери смысла жизни, что, в свою очередь, усиливает половые расстройства.

В связи с вышеизложенным следует всегда учитывать то обстоятельство, что сексуальная потенция в значительной мере связана с чувством уверенности в себе, положительной самооценкой. Комплекс неполноценности, неуверенность в себе, чувство тревоги могут быть хорошо скрываемыми от окружающих за маской развязности, надменной холодности, разного рода рисовки, однако в интимной сфере жизни маскировка оказывается невозможной. Сексуальная потенция очень чутко реагирует на эмоциональное состояние, поведение со стороны противоположного пола в плане подтверждения или сомнения в сексуальных возможностях партнера. Наблюдения психологов показывают, что импотенция является серьезной проблемой для многих кинозвезд, являющихся для всех символами мужественности, сексуальной силы. Американский психолог Crenshaw в книге "Bedside manners" указывает, что символы секса из Голливуда имеют многочисленные сексуальные проблемы. Она пишет, что актеры, являющиеся сексуальными имиджами для миллионов женщин, живут в постоянном страхе "компрометации". У многих актеров это приводит к развитию импотенции. У киноактрис часто возникают проблемы с получением полного сексуального удовлетворения. Автор считает, что эти проблемы приводят нередко к употреблению наркотиков. Это также показывает наличие связи и общих механизмов между сексуальным и наркотическим аддиктивным поведением, возможность замены одной формы аддикции другой при изменяющихся условиях реализации конкретных аддиктивных содержаний.

В заключение мы считаем необходимым подчеркнуть, что сексуальное аддиктивное поведение следует ограничивать от других видов сексуальных отклонений, развивающихся по иным механизмам. Такое ограничение должно проводиться на основе наличия или отсутствия описанных нами ранее основных аддиктивных механизмов.

Большое значение в провоцировании сексуального аддиктивного поведения приобрела, начиная с 70-х годов, в ряде стран "индустрия секса" с широко поставленной рекламой и сетью

специальных секс-магазинов (sex-shops), в которых, в частности, предлагаются различного рода сексуальные стимуляторы, заменители, в том числе и разнообразные искусственные женщины и мужчины со сложной системой электронного управления (издавание звуков, шевеление пальцами, движения и др.). Эти фантомные манекены нашли покупателей, число которых достаточно быстро увеличивалось. Часть из них являлись, несомненно, лицами с сексуальным аддитивным поведением, которые предпочитали "общение" с манекеном общению с живым человеком. Нужно отметить, что, очевидно, корни приведенного явления уходят в описанный нами в рамках фетишизма пигмалионизм. Идея искусственных заменителей сексуальных партнеров находила выражение у некоторых писателей начала XX в. (Д'Аннунцио, Даррел). Так, например в первой книге "Александрийского квартета" — "Джастин" [Durrell, 1961] имеется следующее описание (один из героев — Каподистрия рассказывает о своем отце):

«... Он сделал модель совершенной женщины из каучука — реальных размеров. Ее можно было наполнять горячей водой в зимнее время. Она была потрясающе красивой. Он назвал ее Сабиной в память о своей матери и брал везде с собой... У Сабины был большой гардероб... Он путешествовал со своим слугой по имени Келли... Между ними, поддерживаемая с обеих сторон как пьяная красотка, шествовала Сабина в ее замечательных вечерних платьях. В ночь своей смерти он сказал Келли: "Пошли Деметрию телеграмму и сообщи, что Сабина умерла в моих объятиях сегодня ночью" Она была похоронена с ним в Неаполе»

Каподистрия относился к поведению отца как к признаку патологии ("у всех моих предков было неладно с психикой"). Таким образом, явление казуистическое, расцениваемое как болезнь еще в начале и середине XX в., во второй его половине благодаря секс-индустрии стало распространенным и приемлемым в определенной части популяции.

Отметим, что сексуальное аддитивное поведение может принимать необычные, не укладывающиеся в определенную классификацию формы, как, например, сочетание эксгибиционизма и фетишизма со стремлением к сексуальному контакту на фоне алкогольного опьянения. Так, нами наблюдалась молодая замужняя женщина, испытывавшая чрезвычайно сильное стремление к сексуальному контакту с совершенно незнакомым мужчиной, причем неотъемлемым атрибутом, которому она придавала основное значение, была демонстрация себя полураздетой, в чер-

ных колготках с последующим медленным их снятием. Пациентка длительно боролась с возникающим в воображении желанием, понимая его деструктивность. Реализация желания приносила временное облегчение, после чего желание появлялось снова, сопровождаясь растущим эмоциональным напряжением. В дальнейшем имело место усиление алкоголизации, так как прием алкоголя смягчал напряжение, давал возможность "отвлечься", не думать о случившемся. Таким образом, имело место сочетание сексуального и алкогольного аддиктивного поведения, с тенденцией к усилению последнего за счет ослабления первого. Успешное лечение, таким образом, не могло заключаться в изолированном воздействии на алкогольное звено, так как в этом случае усилилась бы сексуальная аддикция. Было необходимо воздействовать на более глубокие, общие для двух форм аддиктивные механизмы. Приведенный пример показывает несостоятельность изолированных, "ведомственных" подходов к аддиктивным проблемам: в современной структуре медицинской службы в СССР алкогольную "часть" проблемы должны лечить наркологи, а сексуальную – сексопатологи. Такое разделение неестественно и находится в противоречии с требованиями современных интегральных подходов, оно отражает искусственность выделения наркологии как отдельной специализации, ее отрыва от "малой" психиатрии с ее значительно большим опытом и арсеналом психотерапевтических методик.

Азартные игры

Азартные игры (гэмблинг) относятся к аддикции, не связанной с приемом каких-то веществ, изменяющих психическое состояние. Имеется точка зрения / Giese, 1962/, что аддиктивные расстройства лучше изучать на примерах аддикций, не связанных с приемом химических веществ, которые оказывают токсическое воздействие на организм человека и тем самым осложняют понимание основных механизмов аддикции в чистом виде.

Согласно американскому диагностическому и статистическому руководству по классификации психических расстройств /DSM-III-R, 1987/ основной чертой патологического гэмблинга является "хроническая и прогрессирующая неспособность сопротивляться желанию участвовать в азартных играх и участие в азартных играх, которое компрометирует, разрушает или повреждает личные, семейные или профессиональные интересы. Участие в азартных играх, стремление к нему и активность в

этом направлении усиливаются в периоды стресса. Проблемы, возникающие как результат гэмблинга, ведут к интенсификации участия в азартных играх". В справочнике обращается внимание на наиболее частые проблемы, связанные с участием в азартных играх. К ним относятся прежде всего хронические долги, невыполнение долговых обязательств и другие виды финансовой безответственности. Характерны нарушенные семейные отношения, недобросовестное отношение к работе, различного рода противозаконные действия с целью получить деньги для расчета с долгами.

В последнее время проблема азартных игр приобрела значительно большее значение в связи с включением в ее сферу все более распространяющихся денежных игровых автоматов. Разнообразные, привлекающие внимание своим красивым видом, мелькающими огоньками, приятными акустическими эффектами игровые автоматы оказывают сильное суггестивное влияние на многих людей. Имеет немаловажное значение также кажущаяся легкой возможность выиграть значительную сумму денег в течение очень короткого времени. Игровые автоматы чрезвычайно широко распространились во многих странах, успешно вытесняя другие виды развлечений. Так, например, уже в конце 70-х годов в Великобритании, особенно в небольших городах, возникла проблема низкой посещаемости кинотеатров, вплоть до необходимости их закрытия, за счет возрастающей популярности залов игровых автоматов. В США, по данным Conrad /1978/, количество "проблемных гэмблеров" (аддиктивных игроков, настолько зависимых от игровых автоматов, что их жизнь оказывалась полностью подчиненной этой страсти) колебалось от 4 до 10 млн. В связи с этим многие американские исследователи считают азартные игры серьезной социальной проблемой, представляющей угрозу для части населения. Meyer /1984/ приводит данные о том, что уже в 17 городах организованы группы "самозащиты" от азартных игр, образованные по принципу Общества Анонимных Алкоголиков. Проблема усугубляется тем, что в процессе игры с игральными автоматами в ряде случаев возникают расслабление, снятие эмоционального напряжения, отвлечение от неприятных проблем и игра рассматривается как приятное проведение времени. По этому механизму постепенно наступает втягивание и развивается зависимость.

Представляется возможным выделить ряд признаков, характерных для азартных игр как одного из видов аддиктивного поведения. К ним относятся следующие.

1. Постоянная вовлеченность, увеличение времени, проводимого в ситуации игры.

2. Изменение круга интересов, вытеснение прежних мотиваций игровой, постоянные мысли об игре, преобладание в воображении ситуаций, связанных с игровыми комбинациями.

3. "Потеря контроля", выражающаяся в неспособности прекратить игру как после большого выигрыша, так и после постоянных проигрышей.

4. Состояния психологического дискомфорта, раздражения, беспокойства, развивающиеся через сравнительно короткие промежутки времени после очередного участия в игре, с труднопреодолимым желанием снова приступить к игре. Такие состояния по ряду признаков напоминают состояния абстиненции у наркоманов, они сопровождаются головной болью, нарушением сна, беспокойством, сниженным настроением, нарушением концентрации внимания.

5. Характерно постепенное увеличение частоты участия в игре, стремление ко все более высокому риску.

6. Периодически возникают состояния напряжения, сопровождающиеся игровым "драйвом", т.е. порывом, все преодолевающим стремлением найти возможность участия в азартной игре.

7. Быстро нарастающее снижение способности сопротивляться соблазну, что выражается в том, что лица, решившие раз и навсегда покончить с играми, при малейшей провокации (встреча со старыми знакомыми по игре, разговор на эту тему, участие в обычной, не азартной, игре и др.), как правило, возобновляют участие в азартных играх.

Следует также подчеркнуть, что лица, участвующие в азартных играх, сравнительно часто злоупотребляют алкоголем, а также прибегают к употреблению наркотических препаратов, т.е. включаются в комбинированные формы аддиктивного поведения. Для них достаточно типичны также резкое нарушение межличностных отношений, семейные конфликты, разводы, безответственность, нарушение трудовой и производственной дисциплины, частая смена работы, совершение прямых нарушений закона.

Психологический анализ личностных особенностей женщин с преимущественно аддиктивным поведением (без выраженных антисоциальных проявлений), активно участвующих в азартных играх, позволил установить некоторые общие закономерности, свойственные данной группе (10 чел.). В детском возрасте у них проявилась выраженная экстравертированность (открытость, стремление к общению, отсутствие чувства стеснения в непривычной обстановке и при встрече с незнакомыми людьми, активный интерес к окружающему, непосредственность). У детей было развито воображение, имела место склонность к фантази-

рованию на темы о своей необычности, превосходстве над другими, "избранности". Они очень рано начинали верить, что в жизни им должно повезти, должен выручить случай, который поможет выйти из любого положения, все изменит к лучшему.

Уже в детском возрасте проявилось отчетливое стремление к участию в играх типа домино, лото, карты, в ряде случаев — "монополии", в которые они играли с другими детьми и иногда со взрослыми; зачастую игры затягивались на несколько часов. В дальнейшем к вышеупомянутым присоединялись игры, требующие достаточных интеллектуальных усилий (более сложные карточные игры, "мастермайнд" и др.).

После окончания учебных заведений у большинства из них (8 чел.) наступало разочарование в выборе профессии, карьеры. Они были недовольны и своей личной жизнью, жаловались на скуку, отсутствие интереса к жизни. Семейная жизнь не складывалась, они или не выходили замуж, или разводились, что было связано с несоответствием избранников идеальному образу и отрицательным отношением ко всяким домашним занятиям: ведению хозяйства, приготовлению еды, стирке, уборке и т.д. Участие в азартных играх начиналось в компании подруг, знакомых по учебе, которые имели подобные же проблемы. Преобладали игры в карты в вечернее время. Игра часто сопровождалась употреблением алкоголя в сравнительно небольших дозах (чтобы опьянение не достигло степени, мешающей участию в ней). Вначале играли "для интереса", "не на деньги", потом — на небольшие суммы, в дальнейшем ставки могли становиться более высокими, однако не доходили до размеров, угрожающих материальному благополучию. Постепенно этот стиль жизни становился привычным, вечерняя игра была интереснее просмотра фильма, театральной постановки. Без игры возникало ощущение психологического вакуума, пустоты, чего-то не хватало. Трудно было заставить себя чем-нибудь заняться. Возникало раздражение, могло появиться стремление к алкоголю с целью "расслабиться". Зависимость от игры оказывалась настолько выраженной, что влияла на многие жизненно важные решения: например, мешала переезду в другой город в связи со страхом "потерять свою компанию", приводила к разрыву отношений с мужчинами, если они мешали участию в игре. Нами наблюдалась женщина, мать пятилетней дочери, которую она брала с собой, уходя к подругам играть в карты до поздней ночи. Девочка засыпала в накуренном помещении, затем мать будила ее и забирала домой. И это происходило несколько раз в неделю, становилось привычным повседневным стилем поведения. Исследованные женщины все большее время затрачивали

на игру, их мысли и чувства все интенсивнее сосредоточивались на игровом содержании. Все более часто отмечались невозможность остановиться во время игры, повышение чувства удовольствия в процессе участия в игре. Наблюдалась потеря возможности сопротивления, критической оценки ситуации, легкая "сворачиваемость" в плане привлечения к игре или к ее продолжению.

В семи наблюдавшихся нами случаях женщины, активно участвующие в азартных играх, были членами групп с антисоциальным поведением. Увлечение азартными играми появилось у них на фоне отчетливых проявлений антисоциального поведения, выражающегося в сексуальной расторможенности, соучастии в кражах, хулиганских действиях, агрессивности по отношению к окружающим, не принадлежащим к "своей" группе. Анализ особенностей поведения этих женщин показал, что они с одной стороны, пренебрегали этико-моральными принципами, принятыми в обществе, с другой – проявляли лояльность по отношению к членам своей группы, подчиняясь принятым в группе законам. Участие в азартных играх приводило объективно к большей зависимости от антисоциальной группы, в особенности ее лидера. Лидером группы, как правило, являлся мужчина. Зависимость была связана с проигрышем большой суммы денег, так как ставки здесь были высокими. В дальнейшем это способствовало усилению криминалитета, связанного с необходимостью рассчитаться с должниками, а также являлось причиной проституции. Участие в азартных играх было серьезным препятствием, мешающим порвать с компанией, выработать новые жизненные подходы. В шести случаях в этой группе непосредственно во время игры происходило употребление алкоголя. Выпивка была обусловлена принятым стилем поведения, а также стремлением получить активизирующий "допинг"-эффект алкоголя, вызвать состояние, способствующее получению максимального удовольствия от игры. Стремления к употреблению алкоголя вне игровых ситуаций не обнаруживалось.

В заключение отметим, что в случаях участия в азартных играх бывает довольно трудно определить начало становления аддиктивного процесса, так как аддикция развивается постепенно, исподволь и к ней полностью отсутствует критическое отношение.

В настоящее время представляется возможным выделить некоторые предрасполагающие факторы, создающие повышенный риск развития этой формы аддиктивного поведения. К ним относятся неправильное воспитание в семье, включая его различные варианты: недостаточную опеку, непостоянство и непрогно-

зируемость отношений, чрезмерную требовательность, сочетаемую с жестокостью, установки на престижность. Большое значение имеют участие в играх родителей, знакомых, частые игры в домашней обстановке на глазах у ребенка или подростка. Имеются данные о том, что благоприятную почву для развития игровой аддикции создает "вещизм": переоценка значения материальных благ, фиксирование внимания в семье на финансовых возможностях и затруднениях, зависть к более богатым родственникам или знакомым, убеждение, что все проблемы в жизни связаны только с отсутствием денег.

Устранение корней

Предупреждение и коррекция аддиктивного поведения не могут быть сколько-нибудь эффективными без понимания интегрального характера проблемы, без воздействия на основные аддиктивные механизмы, выступающие при всех видах аддикции. Изолированные подходы не дают ожидаемых и зачастую широко пропагандируемых результатов. Так, например, эффективные меры предупреждения и коррекции аддиктивного поведения, связанного с употреблением веществ, изменяющих психическое состояние, включая алкоголь, не могут ориентироваться исключительно на систему запретов, от которых страдают часто лица, никакого отношения к проблеме аддикций не имеющие (например, в аптеках трудно достать лекарства, готовящиеся на спирту, сердечные средства, различные экстракты и др.). Лица с аддиктивным поведением от такого рода запретов страдают мало, поскольку быстро находят замену.

Изолированное воздействие, например, на одно лишь алкогольное звено не решит проблему, поскольку даже в идеальном варианте, если употребление алкоголя прекратится, другие проявления останутся. Они могут касаться периодического употребления средств с наркотическим эффектом, различных стимуляторов, психофармакологических препаратов, значительного увеличения производства самогона. Во всех этих случаях останется аддиктивное поведение, оно лишь изменит свою форму. Эффект может быть достигнут только устранением корней, а не состриганием веток.

Самогонование, спекуляция алкоголем и его суррогатами, рост токсико- и наркоманий – все это следствие запретительных мероприятий в отношении алкоголя, которые никак не устраняют аддиктивную мотивацию. Проблема оказывается значительно глубже и сложнее. Суть ее в данном контексте сво-

дится к следующему: человек стремится не к алкоголю как таковому, а к алкоголю как средству для достижения желаемого состояния. Что происходит в том случае, если алкоголь трудно доступен или недоступен вообще? У ряда людей появляется (и с этим необходимо считаться) раздражение из-за трудности приобретения алкоголя для особых случаев. А лица с аддиктивной мотивацией ищут или сами изготавливают самогон.

Наркология с ее социально-психологическими подходами нуждается сегодня в широком обмене опытом с зарубежными центрами исследований алкоголизма, токсикоманий и наркоманий, где имеется большой разносторонний опыт; нужны тесные контакты между специалистами в различных формах (ознакомительные поездки, обзорные лекции, семинары, симпозиумы), широкий доступ к зарубежным публикациям.

Успешная профилактика аддиктивного поведения должна учитывать условия и механизмы, способствующие его возникновению. К этим условиям относятся чрезмерная формализация воспитания, "заколачивание", начиная с детского возраста, человека в схему, перекрытие каналов конструктивных форм самовыражения, введение примитивных схем и эталонов на любых уровнях и видах научной и творческой деятельности. В результате происходит нарушение смыслообразования, самобытности и непосредственности переживаний. В эпоху "застоя" было очень трудно выразить себя, раскрыть свой творческий потенциал. И сегодня общество нуждается в многообразных моделях подходов.

Значение среды для аддиктивного поведения изучено недостаточно: есть факты, совершенно не укладывающиеся в стереотипы принятых в наркологии постулатов. Известно, что во время войны во Вьетнаме чрезвычайно большое число американских военнослужащих систематически употребляли наркотики, главным образом героин. У них устанавливались отчетливые симптомы зависимости. После возвращения в США наркотик в моче обнаружили более чем у 10% лиц. Дальнейшее развитие событий было неожиданным: почти 90% военнослужащих из этой группы в течение года без какого-то специального лечения полностью прекратили прием опиатов. Как можно объяснить это поразительное, если не сказать сенсационное, с точки зрения классической наркологии, явление? Очевидно, в ситуации войны наркотики употреблялись как средство снятия стресса, страха, ухода от реальности. В обычной, гражданской жизни полностью исчезли факторы, провоцирующие прием наркотиков, а реальные стимулы вознаграждали за преодоление зависимости. Таким образом, именно социальные факторы в итоге определяют успех лечения.

Аддиктивное поведение можно пресечь или изменить его содержание на более приемлемое, менее деструктивное, если подверженные ему лица почувствуют внутреннюю необходимость изменения, которая обычно возникает тогда, когда человек осознает наличие лучшей перспективы. В этом отношении нельзя недооценивать значение религиозных подходов. Примером тому может служить метод лечения наркоманов в буддийском монастыре Сарабури (Таиланд). В монастыре в течение 15 лет эффективно пролечились 50 тыс. героиновых и опиийных наркоманов. Интересно, что способ лечения был разработан настоятелем монастыря, который до этого работал в должности офицера полиции в Бангкоке и был хорошо знаком с проблемой наркомании и западными методами лечения.

В основном лечение с использованием буддийских подходов строится по следующей схеме. Вначале человека, желающего излечиться, знакомят с методикой и риском (демонстрируют возможность смертельного исхода). Требуется полная добровольность. Затем пациент должен полностью признаться в наркомании и дать перед алтарем Будды торжественное обещание, что он никогда больше не будет употреблять наркотики и передавать их другим. Это обещание повторяется каждый день в течение 10 дней стационарного лечения в монастыре. В течение первых пяти дней проводится медикаментозное лечение, в процессе которого сочетается применение рвотных и слабительных средств с парными банями. Рвотные средства принимаются под музыку в утренние часы. Пациентам вливают большие количества воды. Когда возникает рвота неудержимого характера, громкость барабанов и пения достигает максимума. Пациентов в полубессознательном, коллаптоидном состоянии доставляют в спальню для отдыха. Все это приводит к значительному физическому истощению, назначение дополнительных успокаивающих лекарств оказывается излишним. Фаза отдыха после пятидневного лечения также составляет пять дней, в течение которых пациенты привлекаются к легким видам труда, слушают музыку, участвуют в различных играх, имеют возможность проводить беседы психотерапевтического характера с монахами и участвовать в собраниях группы. Выписанные пациенты должны поддерживать контакты с монастырем и регулярно принимать участие в групповой психотерапии. Приветствуются всякие неформальные контакты прошедших лечение пациентов с новичками с целью их моральной поддержки.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что в антиаддиктивных программах следует ориентироваться на следующие многоуровневые подходы.

1. Вопросы воспитания.
2. Воздействие преимущественно на эмоциональную сферу.
3. Межличностные подходы.
4. Физические упражнения и виды активности.
5. Стимуляция творческой деятельности.
6. Интеллектуальная активность.
7. Стимуляция социальной активности.

Одна из основных трудностей в борьбе с аддиктивным поведением заключается в дефиците неформального общения. Как известно, лучшей заменой алкоголю для прошедших лечение являются группы, в которых происходит неформальное общение по принципу равенства членов. В естественных условиях до недавнего времени такие группы организовывались редко. Создавались они чаще всего целенаправленно под руководством психолога или психотерапевта. По нашим наблюдениям, в части случаев такие группы существовали самостоятельно и после ухода специалиста, что обусловлено потребностью членов группы в таком общении. Подобный опыт необходимо творчески использовать. До сих пор одним из наиболее эффективных подходов к профилактике рецидивов алкоголизма в ряде стран является организация Общества Анонимных Алкоголиков, основные положения устава которого выходят далеко за пределы узко антиалкогольных подходов. Здесь выкристаллизовываются идеи, способы мышления, самопознания, самоконтроля, формы самоактуализации, способствующие лучшему взаимопониманию, межличностному сотрудничеству, взаимоподдержке и взаимопомощи. Создание групп общения с внутригрупповой атмосферой сплоченности и доверия может реально помочь многим людям избавиться от аддиктивного поведения. Не столь важно, по каким мотивам соберется группа, в которой будет подходящая для доверительных контактов атмосфера: это может быть объединение людей, интересующихся кино, театром, искусством вообще, это могут быть люди, увлеченные техникой, любители природы, фотографии, люди, занимающиеся непрофессиональным спортом, оздоровительной ходьбой или бегом. Объединение по интересам имеет, конечно, в своей структуре влечение к какому-то определенному виду деятельности, однако в большей мере тот или иной "интерес" является в своей основе поводом для реализации потребности человека в контактах с другими людьми.

Бюрократизация общества всегда в той или иной степени препятствует неформальному общению. Это особенно опасно в обстановке крайней специализации деятельности, лавинно нарастающих изменений в окружающем мире, на фоне роста инфор-

мации, ее обработки и принятия все большего числа решений в единицу времени. Угроза растворения человека в массе, нарушения его самосознания объективно вынуждают искать сообщество людей, в котором человек в состоянии осознавать, чувствовать себя не "винтиком", а личностью, чувствовать жизнь, а не просто знать, что существует.

Становится очевидно, что предупреждение и исправление аддиктивного поведения прямым образом связаны с материальными и духовными условиями среды, в которой находится человек. Эти условия играют значительно большую роль, чем любые узконаправленные, например на употребление алкоголя, методы профилактики. Неудачи лечения чаще всего не обусловлены тем или иным методом, а являются прямым следствием отрицательного действия среды.

Среда в положительном смысле включает в себя все прогрессивные изменения, происходящие в обществе в последние годы, способствующие развитию личности. Улучшение условий труда и увеличение заинтересованности в нем, улучшение семейно-бытовых условий, нравственно-эстетическое воспитание, стимулирующая творческих способностей, предпосылки к непрерывному саморазвитию, образованию – все эти факторы следует рассматривать как средства, снижающие риск прогрессирования пагубных пристрастий.

Профилактика и исправление отклоняющегося поведения становятся более реальными в обстановке нового мышления в СССР. Необходимо знание человека о самом себе, о месте и роли человека в современном обществе. Школьное образование должно включать обучение таким понятиям, как стресс, экстремальные ситуации, фрустрации, стратегия поведения в трудных психологических условиях быстро изменяющегося мира, умение найти оптимальный путь самореализации. Необходимо воспитать отрицательное отношение к асоциальным компаниям, развенчать асоциальных лидеров. Все это вполне возможно, если изучение общественных социальных проблем и принятие решений не будут оторваны от ситуации сегодняшнего дня. Причины аддиктивного поведения постоянно меняются. Как только возникает разрыв научных подходов с реальной ситуацией, появляется своего рода мертвая зона между наукой и практикой, принимаются неадекватные решения. Эффективность предполагает максимальную мобильность и открытость.

Антисоциальное поведение

Это отсутствие способности к ассоциациям, эта жестокость мышления, которое оперирует только соответствующими ему понятиями и не принимает к сердцу значение страдания и жизни.

Р. Мюзиль. Человек без свойств

Антисоциальное поведение получило широкое распространение во многих регионах мира, в особенности в больших городах, где вокруг многочисленных центров проведения свободного времени (дискотеки, пивные, бары) нередко создаются условия, облегчающие деятелям наркобизнеса вовлечение подростков и лиц молодого возраста в различные виды преступной деятельности, включающие употребление наркотиков (обычно марихуаны, героина или крэка).

Это явление нашло отражение, в частности, в художественной литературе. Так, например, в повести "Праздник у Кулов" Stephens /1972/ приводит описание двух девиц — Сандры и Уны, проявляющих характерные отклонения.

"...Сандра не любила делать домашние задания, предпочитала прогулки в открытых машинах со старшими мальчиками, с которыми она таскалась... ее приятели были итальянцы, ганги из бензостанций, она таскалась с хулиганами, бывшими предводителями гангов из Бруклина, неотесанными девицами, ездящими на мотоциклах, бросила школу, чтобы стать косметичкой, должна была ускользнуть из дома на свидания..."

«Уна в своей комнате слушает "Let It Be" Битлсов, курит... она такая маленькая, известно, что ее отец, инспектор Кул, не поднимет на нее руки. Несколько дней тому назад, когда он ее ударил, Уна окончательно установила собственное право... Майкл или Пэт часто брали ее на дружеские встречи в Манхэттене, сумасшедшие встречи, с гостями, втиснутыми, как сардины, среди аромата травы, алкоголя и пота... в места, где ценится сила, рост является всем, они топчут по созданию, слишком маленькому или слишком деликатному... маленькие создания затаптываются, если не имеют способности устоять... но

что касается Уны... у нее было очарование тридцатилетней женщины, и ее лицо, красивое и чистое, с этими пронизывающими глазами, из которых излучался секс, сочетаемый с тишиной вокруг нее. Слова испарялись, она уничтожала нью-йоркский идеал свободной женщины такого роста – величественный ребенок, который провокационно прохаживался между мартини и марихуановыми поворотами, как выставочная собака.

...Вокруг Уны растягивался трехступенчатый ореол, который старик... не мог перешагнуть, она принимала героин и курила травку в своей комнате, когда ей было шестнадцать лет». (Пер. Ц.П. Короленко.)

Действительно, в США, по данным на 1987 г., такая форма поведения была характерна для 3% мужского населения и менее 1% женского. В американском диагностикуме психических нарушений /DSM-III-R, 1987/ антисоциальное поведение рассматривается в рамках "антисоциального нарушения личности". Признаки его проявляются уже в детском возрасте: отсутствие эмоциональной привязанности к родителям и близким, ложь, жестокость, проявляемая к животным, более слабым детям, агрессивность. Такие дети часто ввязываются в драки, совершают хулиганские действия; они также склонны пропускать школу, поздно возвращаться домой, бродяжничать, красть. У взрослых антисоциальное поведение характеризуется общим отсутствием ответственности и чувства долга. Они не выполняют своих домашних обязанностей, не надежны во всех отношениях: как супруги, как родители и т.д. Безразличны к своим детям: не обеспечивают их самым необходимым, не соблюдают правил гигиены, не оказывают своевременной медицинской помощи – дети вынуждены обращаться к соседям или родственникам, живущим в другом месте, за помощью. Они плохо справляются с профессиональными обязанностями, часто меняют место работы, нарушают этико-моральные нормы, совершают прямые правонарушения: жульничество, кражи, подделки. Антисоциальные лица раздражительны, импульсивны, склонны к агрессии, что особенно часто проявляется в условиях дома (избиение жены, детей и др.). Антисоциальное поведение сочетается обычно с промискуитетом (частые сексуальные связи с разными партнерами), что типично и для женщин, и для мужчин и приводит к разводам. При этом угрызения совести в отношении своих действий отсутствуют, наоборот, они постоянно обвиняют в чем-то других людей. Им все очень быстро надоедает, в том числе и межличностные отношения с конкретными людьми. Они не способны поддерживать длительные нормальные отношения с друзьями, членами собственной семьи и др.

Антисоциальное поведение сочетается обычно с употреблением различных веществ, изменяющих психическое состояние, в ряде случаев с азартными играми, т.е. возможно сочетание антисоциального и аддиктивного поведения. Лица с антисоциальным поведением уже в раннем подростковом возрасте начинают курить, употреблять алкоголь и другие вещества, они рано вступают в беспорядочные половые связи, обычно со своими ровесниками, склонны к проявлению сексуальной агрессии. Антисоциальные лица склонны в подростковом возрасте к разрушительным действиям, порче чужого имущества, поджогам.

Не обошла эта беда и нашу страну. Остановимся подробнее на характеристиках антисоциального поведения специально обследованных нами женщин и на их примере рассмотрим развитие и особенности этого отклонения. Целесообразность описания антисоциального поведения у женщин обусловлена тем, что в отличие от антисоциального поведения в мужской популяции эта форма нарушений менее известна и изучена. Женское антисоциальное поведение во многих случаях оказывается скрытым, замаскированным, что связано с меньшей терпимостью общественного мнения, частым бескомпромиссным осуждением. Вместе с тем проблема существует и имеет большое социальное значение.

Всего было обследовано 109 женщин с антисоциальным поведением в возрасте от 15 до 60 лет. Почти половину обследованных составляли женщины подростково-юношеского возраста. Одной из характерных особенностей этих женщин была повышенная активность. С раннего детства они обращали на себя внимание неусидчивостью, капризностью, постоянным стремлением к общению. Их трудно было привлечь к какой-либо работе, продуктивной деятельности. Они не любили играть в традиционные для девочек игры: "куклы", "приготовление пищи", "дочки-матери" и др., а предпочитали участвовать в играх мальчиков: "в войну", "в прятки", носиться по улице, совершать хулиганские действия: поджигать почтовые ящики, портить лифты, разрисовывать стены и др. Интерес к школьным занятиям отсутствовал, что выражалось в частых опозданиях, пропусках уроков. Домашние задания они часто не готовили, в лучшем случае списывали. Девочки обманывали учителей, родителей, а также и своих сверстников, не испытывая никаких угрызений совести. Наряду с этим они старались произвести хорошее впечатление на взрослых, продемонстрировать свою осведомленность, подчеркнуть независимость, вызвать к себе интерес, кокетничали, экстравагантно одевались, красили волосы, пытались быть модными.

Дома им было скучно, и они стремились как можно меньше времени находиться в его стенах и общаться со своими родителями. Если по каким-либо причинам уход из дома оказывался невозможным, они предпочитали подолгу разговаривать по телефону. Содержание этих телефонных разговоров не касалось каких-либо деловых тем, связанных, например, с обсуждением занятий в школе, домашних заданий, решения математических задач и т.д. Обсуждались обычно отношения с кем-то из общих знакомых, любовные истории, межличностные конфликты, ссоры, планы совместного проведения времени на следующий день и вечер, организация вечеринок, загородные поездки, современная мода, черный рынок, различные способы получения "кайфа"

В случае отсутствия телефона дома они предпочитали подолгу смотреть телевизионные передачи, если последние носили развлекательный характер, и слушать магнитофонные записи преимущественно модных ансамблей.

Проведение времени вне дома было достаточно типичным. Оно включало прежде всего общение в группе, в которую входили другие лица с отклоняющимся поведением. Разнополый состав таких компаний не носил достаточно стабильного характера, так как очень легко принимались другие люди. Каждая из групп имела излюбленные места проведения времени: летом — улицы центральной части города или района, места около гостиниц, ресторанов, кинотеатров, парки, скверы, иногда привокзальные районы, набережная, зимой — свободные квартиры кого-либо из членов группы в случае, например, отъезда родителей, нередко не полностью достроенные здания, а также подвалы жилых домов, чердаки, гаражи, дачи. Как правило, каждая группа проводила время в основном в своем районе.

В структуризации проведения времени у этих девочек явно преобладали гедонистические мотивации, т.е. стремление к получению удовольствия. Анализ последних показывает, что у девочек была снижена способность контролировать свои действия. Они практически находились во власти своих желаний, на возможные неблагоприятные или опасные последствия своих действий внимания не обращали. Это было связано, очевидно,

известным психологическим механизмом действий по принципу немедленного удовлетворения желаний, получения удовольствия любой ценой, невзирая на более отдаленные результаты. Страх перед наказанием был мало выражен и не задерживал развитие отклонений в поведении.

Отличительной особенностью отклоняющегося поведения девочек являлись многочисленные сексуальные связи, в которые

они вступали с малознакомыми или даже незнакомыми подростками, мужчинами. Девочки с отклоняющимся поведением иногда посещали притоны, в которых находились антисоциальные личности, совершавшие неоднократные преступления, судимые, вышедшие на свободу после окончания срока заключения. Нередко при этом обращал на себя внимание разительный контраст между благополучной обстановкой собственного дома и обстановкой, в которой стремились находиться девочки с антисоциальным поведением. Обследованные обычно не могли объяснить достаточно убедительно мотивов своего поведения и описывали его как результат сильного желания, стремления попасть в эту неприглядную асоциальную обстановку. Было установлено, что сами сексуальные контакты в отрыве от специфической обстановки, например в домашних условиях, не представляли интереса и к ним не возникало какого-либо активного стремления.

Девочки с отклоняющимся поведением находились в постоянном конфликте с окружающими их людьми. У них отсутствовало понимание прав других людей, они не способны были к сочувствию, это сочеталось со стремлением к беззастенчивой эксплуатации всех тех, кто этому поддавался, включая прежде всего наиболее близких людей. Они не были способны устанавливать искренние эмоциональные межличностные отношения, использовали людей как предметы, которые могли быть подходящими или неподходящими для манипулирования ими в конкретное время. Для достижения своих эгоцентрических целей они не стеснялись в выборе средств, могли обманывать, предавать, шантажировать. Мало осознавались также общественные интересы, социальные требования, предъявляемые к человеку. Во главу угла ставились только собственные желания, импульсы и эмоции.

У наблюдавшихся нами пациенток не обнаруживалось беспокойства по поводу возможных отрицательных последствий своего поведения не только для других, но и для самих себя. Им не было знакомо чувство тревоги. Обращали на себя внимание цинизм, демонстративное пренебрежение этическими нормами. В связи с этим отметим, что антисоциальное поведение у женщин как распространенное и в социалистических странах явление привлекало внимание уже в 60-70-е годы. Речь идет не столько о специалистах в области, например, психиатрии, которые если и занимались проблемой, то были лишены возможности публиковать полученные данные в открытой печати, а о деятелях культуры — писателях, кинорежиссерах, способных видеть действительность собственными глазами, не ориентируясь

на официальные декларации об отсутствии сколько-нибудь серьезных социальных проблем, о чуть ли не идеальном общественном благополучии. Здесь уместно указать на то, что в польском кино эти темы начали подниматься еще в конце 50-х годов. Например, фильм Александра Форда на основе рассказа Марека Хласки "Восьмой день недели" (Польша - ФРГ, 1958 г.; фильм был запрещен и показан впервые на польских экранах только в 1981 г.), или фильм Ежи Жажицкого "Потерянные чувства" (1957 г.) - история одинокой, лишенной средств женщины, воспитывающей четверых детей, и помогающего ей сына, который, высмеиваемый ровесниками, убегает из дома и попадает в среду хулиганов. Отсутствие мотиваций, бездуховность, создающие основу для деструктивного антисоциального поведения, находили отражение в фильмах Е. Сколимовского "Словесный портрет" (1965 г.), "Победа без боя" (1965 г.), "Барьер" (1966 г.) и выдающихся произведениях Кшиштофа Занусси ("Константа", 1980 г.), Анджея Вайды ("Человек из мрамора") и др.

Проблема социальных условий, благоприятствующих возникновению антисоциального поведения, привлекала внимание и венгерских кинорежиссеров. Разрыв между сформированными в школе идеалистическими представлениями и реальной действительностью, преломленный в психологии молодой женщины, - тема известного, получившего несколько премий на международных кинофестивалях (Канны, 1979 г.; Чикаго, 1979 г. и др.) фильма режиссера Пала Габора (1978 г.) "Вера Анги". Можно вспомнить также ленты венгерского режиссера Яноша Рожа "Талисман", "Целую, мама" (80-е годы), в которых показано значение распада семьи как фактора, повышающего риск развития антисоциального поведения на фоне социальных условий, характеризующихся низким жизненным уровнем, наличием в обществе большого числа лиц, злоупотребляющих алкоголем, принимающих наркотики, проводящих время в ночлежках.

В 1978 г. в журнале "Сибирские огни", №8 была напечатана повесть А. Лой "Дневник Леночки Сосновской", в которой автор описала особенности антисоциального поведения своей героини и окружающую ее среду. Отметим гражданскую смелость главного редактора журнала А.В. Никулькова, решившего опубликовать это произведение. Повесть подверглась "разносной" критике в плане "нетипичности" явления для нашего общества, клеветы на советскую молодежь.

Приведем характерный отрывок из повести (описывается ситуация разговора с врачом в венерологическом отделении):

«Эдуард Константинович сел за стол, кивком головы указав на стул. Я села. Нас разделяла теперь лишь полированная поверхность, на которой в беспорядке лежали бумаги. Он достал из ящика стола сигареты.

—Куришь?

—Да! — с вызовом ответила я. Он окинул меня изучающим взглядом и протянул пачку. Мы закурили. Помолчав, он спросил:

—Ты в школе хорошо училась? — Я удивленно посмотрела на него.

—Так себе, средне.

«Действительно на Алена Делона похож», — мелькнула непрошенная мысль.

—А почему дальше учиться не стала?

Чего он привязался! Ему-то какое дело?

—Не захотела. Мне больше нравилось шляться по кафе, чем учиться. Помните, как это: «не хочу учиться, а хочу — жениться!»

—Помню-помню, — продолжает.

—Вот я и последовала этому совету. Взяла и влюбилась. Да так сильно, что сифилис подцепила. Разве сильнее можно полюбить? «Она полюбила до сифилиса!» Звучит?!»

Для обследованных было характерно стремление к бродяжничеству, тунеядству, отсутствие желания участвовать в общественно полезной работе. Почти половина женщин подростково-юношеского возраста — 22 чел. (42,3%) не работали и не учились. Они объясняли это тем, что учиться и работать им скучно, гораздо интереснее проводить время в компании приятелей. На вопрос, где они берут деньги, некоторые отвечали, что живут на деньги родителей, другие не скрывали, что занимаются проституцией, некоторые отвечали, что живут на средства кого-нибудь из членов компании или на общие деньги всех членов их микрогруппы; на вопрос, откуда берутся общие деньги, обычно отвечать отказывались. Двадцать женщин подростково-юношеского возраста обучались в школах, ПТУ, техникумах, одна — в институте. При этом учеба им давалась легко, хотя нередко они получали неудовлетворительные отметки, что объясняли отсутствием интереса к процессу обучения и к своей будущей профессии. Десять женщин из этой возрастной подгруппы работали санитарками в больницах, рабочими на промышленных предприятиях. Однако и они говорили, что выполняют свои обязанности с неохотой, имеют прогулы и хотели бы уволиться, но пока работают, чтобы не иметь неприятностей с милицией.

Следует заметить, что все обследованные женщины указанного возраста состояли на учете в инспекции по делам несовершеннолетних за побеги из дома, бродяжничество, нарушение морально-этических норм, посещение притонов, занятие проституцией, хулиганские действия и др. Все они имели сексуальные связи, причем большинство многочисленные, со случайными партнерами. Ни одна из них не собиралась выходить замуж, объясняя это нежеланием обременять себя семейными заботами, отсутствием симпатии и привязанности к своим сексуальным партнерам.

Проиллюстрируем это примерами из нашей практики.

Пациентка Л., 18 лет. Нигде не работает. Образование среднее. Незамужем. Воспитывалась в детском доме. Родителей не знает. Имеет старших брата и сестру. Брат находится в заключении. С сестрой практически не общается, так как сестра "ее презирает". Со слов сестры известно, что мать пациентки злоупотребляет алкоголем. Девочка училась плохо из-за отсутствия интереса к школе, часто уходила с уроков. Начиная с 13-летнего возраста убегала из детдома, уезжала в другие города, бродяжничала. Половая жизнь с 14 лет. С 11-летнего возраста эпизодически употребляет алкоголь, с 14 лет — суррогаты (стеклоочиститель), ингалянты (бензин, клей "Момент", нитрокраски). Эффект алкоголя нравится больше. Основная мотивация употребления алкоголя — гедонистическая. Стремится к выпивке, "чтобы было веселее и радостнее". Считает употребление алкоголя одним из способов получения "кайфа", хотя может обходиться и без него. Выпивает только, когда угощают, за чужой счет. Состояла на учете в комнате милиции за хулиганские действия и кражи. Любит быть "активной", постоянно с кем-нибудь общаться. Плохо переносит одиночество, все быстро надоедает. Стремится командовать среди сверстниц. Отчетливо представлено стремление к эмоциональному признанию у подруг. Увлекается роковой музыкой. Не испытывает сочувствия к окружающим, живет "сегодняшним днем". Главным в жизни считает получение удовольствия.

Пациентка Т. 14 лет. Живет с матерью и отчимом. Мать эмоционально холодная, заботится лишь о материальной стороне жизни девочки. Отчим занят своей работой, на девочку не обращает внимания. Т. с ранних лет "не подчиняется" родителям. Капризная, непослушная, склонная к обманам. Мать обратила внимание на то, что девочка с пя-

ти лет стремилась петь "блатные песни", которые где-то слышала на улице. С девятилетнего возраста Т. убегает из дома, не возвращается на ночь, ночуя в подъездах, "так как можно свободно покурить, а дома ей скучно". Алкоголь впервые попробовала в 10 лет, с этого времени выпивает периодически в компаниях подростков, старших по возрасту. Заявляет, что "все равно вы со мной ничего не сделаете, я попаду в тюрьму или публичный дом". Общается с лицами, злоупотребляющими различными лекарствами. Школу постоянно пропускает, так как "учиться неинтересно, скучно", предпочитает проводить время с друзьями. К матери и отчиму относится отрицательно, считает, что она им не нужна, а только мешает.

Обследованные нами женщины старше 20 лет (их средний возраст составлял 32,9 лет) в большей части случаев (43,9%) никогда не состояли в браке и не испытывали сожаления по этому поводу. В 36,9% случаев женщины расторгли брак, так как не ощущали в себе тяги к семейной жизни либо в связи с судимостями мужа или своими собственными. Состояли в браке лишь 15,7% женщин, но и они оказывались безответственными в экономическом отношении, были не способны создать какой-либо уют, разумно распределить деньги, позаботиться о еде и материальном благосостоянии; у них отсутствовало чувство ответственности по отношению к детям.

Больше половины женщин не имели постоянного места работы. Интересы их были сиюминутными или охватывали короткие промежутки времени; женщины не были способны к длительному прогнозированию, не могли ставить реально выполнимых целей на долгую дистанцию. Усидчивая, спокойная работа их не удовлетворяла, обнаруживалась неспособность к выполнению обычных каждодневных, выдвигаемых повседневной жизнью требований. Поведение характеризовалось беззаботным "плаванием" по волне удовлетворения импульсов. При попадании в трудные ситуации они старались выйти из положения путем лжи, дезинформации, которая вначале вроде бы казалась убедительной, а затем — не соответствующей действительности.

В поведении проявлялись элементы истеричности в трудных ситуациях; было очень типично обвинение во всем других людей и подчеркивание собственной невиновности. Некоторые из наблюдавшихся женщин внешне во время короткого контакта производили приятное впечатление, вызывали сочувствие. Одни рассказывали вымышленные истории о своих семейных отношениях и проблемах. Другие антисоциальные женщины вели себя вызывающе, были злобными, демонстративно критиковали соци-

альные нормы и правила поведения. Некоторые из них находились часто в конфликте с законом в связи с воровством, распутным поведением, хулиганством. Наказания, которым они подвергались, их ничему не научили.

Обращал на себя внимание достаточно высокий уровень образования женщин: больше половины из них имели среднее, среднее специальное и даже высшее образование.

Антисоциальное поведение могло сочетаться с аддитивным, включая употребление алкоголя и других веществ, изменяющих психическое состояние, участие в азартных играх.

Как мы уже указывали, основные мотивации поведения женщин с преимущественно антисоциальным поведением определялись стремлением к получению удовольствия в широком диапазоне. Одним из главных моментов оказывалось стремление к необычным переживаниям, ощущению опасности, риска. Употребление алкоголя и других веществ, оказывающих влияние на психическое состояние, часто включалось в общую схему поведения. В подростковом возрасте оно носило в основном эпизодический характер, аддитивные мотивации не были сформированными, алкоголь и другие вещества, изменяющие психическое состояние, часто употреблялись по механизму имитации поведения, происходило постепенное "нащупывание" дозы для получения желаемого эффекта.

Среди обследованных пациенток подростково-юношеского возраста (52 чел.) преобладали женщины, употребляющие алкоголь без явлений зависимости, — 36 чел. (69,6%). Употребление алкоголя происходило на фоне антисоциального поведения с нарушением дисциплины и морально-этических норм в учебных заведениях и на производстве, плохой успеваемостью, отсутствием привязанности к дому и родителям. Обращало на себя внимание сравнительно слабое объяснение мотивации употребления алкоголя, который в основном принимался по традиционным механизмам в компаниях сверстников; стремления к употреблению алкоголя в одиночку не было замечено ни в одном из обследованных случаев. Иногда алкоголь употреблялся под давлением сложившейся конкретной ситуации, когда проще было выпить, чем отказаться. Переносимость алкоголя обычно была исходно достаточно высокой. Неприятные соматические состояния (тошнота, рвота) возникали при приеме больших доз алкоголя, но в большинстве случаев это являлось, скорее, исключением.

Одиннадцать женщин подростково-юношеского возраста употребляли токсические вещества: вдыхали бензин, ацетон, глотали таблетки с психотропным действием (нейролептики, транк-

визаторы): димедрол, циклодол, теофедрин. В этих случаях более отчетливо выступало стремление к искусственному изменению психического состояния, что проявлялось в большей выраженности аддиктивных мотиваций. Причем среди обследованных в данной подгруппе, в отличие от женщин, старших по возрасту, преобладали случаи, когда эти вещества употреблялись вне непосредственной связи с приемом алкоголя. Это отражало, очевидно, ту особенность, что алкоголь для этой группы, как правило, не являлся веществом с достаточно сильными аддиктивными свойствами. Во всяком случае, достаточно четко выступало предпочтение других веществ алкоголю, сочетаемое со стремлением найти еще более сильные средства, изменяющие психическое состояние.

Восемь из обследованных женщин постоянно участвовали в различных азартных играх, в большинстве случаев – карточных, на деньги.

Наблюдалась определенная динамика участия в игре: женщины все большее время затрачивали на игру, их мысли и чувства все более фиксировались на игровом содержании. Отмечалось периодическое, все более часто возникающее состояние сильного влечения к игре, при невозможности реализовать свои стремления появлялось состояние напряжения, дискомфорта. Все более часто отмечались потеря контроля, т.е. невозможность остановиться в процессе игры; выраженное состояние дискомфорта, дисфории при отрыве от игровой ситуации на длительное время; повышение порога удовлетворения при игре, достижение желаемого состояния при все большем риске. Наблюдалась потеря возможности сопротивления, критической оценки ситуации, легкая "совращаемость". Имело место сочетание с другими формами аддиктивного поведения (употребление алкоголя и других веществ), сочетание с отклоняющимся поведением (криминалитет, нарушения семейной жизни – частые разводы, конфликты с близкими).

В семи наблюдавшихся нами случаях женщины, активно участвующие в азартных играх, были членами девиантных групп с антисоциальным, в части случаев – криминальным поведением. Увлечение азартными играми появилось у них на фоне отчетливого антисоциального поведения, выражающегося в сексуальной расторможенности, соучастии в кражах, хулиганских действиях, агрессивности по отношению к окружающим, не принадлежащим к своему "гангу". Анализ особенностей поведения этих женщин показал, что они, с одной стороны, пренебрегали, этико-моральными принципами, принятыми в обществе, с другой стороны, проявляли лояльность в отношении членов своей груп-

пы, подчиняясь принятым в группе законам. Такие особенности поведения рассматриваются американскими авторами в рамках "диссоциальности". Участие в азартных играх приводило объективно к большей зависимости от группы, в особенности ее лидера, как правило мужчины, что было связано с проигрышами больших денежных сумм. В дальнейшем это способствовало усилению криминалитета, связанного с необходимостью рассчитаться с должниками, а также являлось причиной проституции. Участие в азартных играх было серьезным препятствием, мешающим "порвать" с компанией, выработать новые жизненные подходы.

Участие в азартных играх в шести случаях сочеталось с употреблением алкоголя, как правило, непосредственно во время игры и было обусловлено принятым стилем поведения, а также стремлением получить активизирующий "допинг"-эффект алкоголя, вызвать состояние, способствующее получению от игры максимального удовольствия (среднее число мотиваций гиперактивации 2,9). При этом использовались наибольшие дозы алкоголя, не вызывающие выраженного алкогольного опьянения. Стремление к употреблению алкоголя вне игровых ситуаций не обнаруживалось.

Остановимся подробнее на особенностях воспитания женщин с антисоциальным поведением.

Исследование женщин с антисоциальным поведением показало, что в большинстве случаев отмечались явно неблагоприятные условия семейного воспитания; они выражались в недостаточном внимании к ним родителей, отсутствии теплоты, эмоциональной привязанности со стороны одного или обоих родителей. В ряде случаев (29) семьи были неполными, девочки воспитывались матерью, матерью и отчимом, домашняя обстановка характеризовалась частыми ссорами, скандалами, постоянной конфликтной ситуацией. Временами эта напряженная ситуация приводила к большим скандалам со взаимными оскорблениями, после чего девочки уходили из дома. Родители мало интересовались успеваемостью в школе и тем более внутренней жизнью ребенка, дети были предоставлены сами себе. В лучшем случае забота родителей сводилась к обеспечению детей питанием и одеждой. У девочек не формировался положительный родительский образ, отсутствовала эмоциональная привязанность к дому, не возникало желания приходить домой, долго находиться в нем.

Девочки не получали достаточного количества информации из многих областей жизни. Это касалось прежде всего не формальных школьных знаний, которые в большей или меньшей сте-

пени усваивались, хотя нередко и здесь возникали серьезные пробелы, а сферы общих культурных ценностей. У девочек не развивались интерес к чтению, любовь к книгам. Чтение книг связывалось обычно неприятными эмоциональными реакциями, переживалось как нагрузка, неинтересное дело. В домашней обстановке оно заменялось просмотром телепередач исключительно развлекательного характера. Вкусы формировались в соответствии с модой и совпадали с ценностями массовой культуры. В детском и особенно подростковом возрасте формировались образы положительных героев, которыми являлись, как правило, кинозвезды, популярные роковые певцы, иногда барды. Наиболее типичной была слабая представленность конструктивных социально-позитивных мотиваций: на первый план выступало стремление к красивой и легкой жизни, которая должна была наступить сама собой, без каких-либо серьезных усилий. Этико-моральные критерии были слабо представлены и носили в основном поверхностный характер: было слабо выражено чувство сопереживания, моральной ответственности за других, необходимости исполнения долга. Возникали частые влюбленности, основанные на сексуальном влечении, однако стойкие привязанности не развивались. Формировались основные установки: жить сегодняшним днем, не думать о будущем, при этом жизненные трудности не преодолевались, а попросту не принимались во внимание, все в жизни протекало как бы "по воле волн". Поведение носило во многом хаотический характер, крайне зависело от поиска удовольствий в разных ситуациях. Было бы неправильно считать, что такое поведение непрогнозируемо, так как всегда можно было заранее предсказать его типичные паттерны (образцы). К постоянному ассортименту развлечений относились пребывание в компаниях, курение, раннее употребление алкоголя (вначале всегда только в обществе знакомых). Ради "удовольствия" девочки пропускали занятия в школе, не готовили уроки, обманывали родителей и учителей. Угрызений совести не возникало, страх перед наказанием в большинстве случаев практически отсутствовал, что в какой-то степени можно было объяснить домашней ситуацией, а в основном — личностными особенностями исследованных. Кроме того, большое значение имело поведение по механизму: немедленное получение удовольствия важнее, чем более отдаленное наказание.

Одиннадцать исследованных женщин воспитывались в семьях выраженными антисоциальными установками родителей. Из них в шести случаях семьи были неполными и дети воспитывались матерью. Антисоциальные установки родителей выражались

в частой алкоголизации, отсутствии какого-либо интереса к домашним обязанностям — хозяйству, быту, питанию, отсутствовала забота о материальной стороне жизни; родители ничего не могли дать и в духовном плане, так как сами находились на низком уровне духовного развития; обстановка дома была запущенной, а в ряде случаев представляла собой подобие ночлежки. Дети были постоянными свидетелями выпивки, нецензурной брани, драк, сексуальных связей со случайными партнерами. В трех случаях матери были лишены родительских прав и девочки воспитывались у родственников. В неполных семьях отцы находились в заключении за преступления уголовного характера, чаще всего за хулиганство, кражи личного и государственного имущества.

В качестве иллюстрации приведем следующее наблюдение.

Пациентка О., 22 лет. Не работает. Не учится. Образование 8 классов. Отца не знает. Мать лишена родительских прав в связи со злоупотреблением алкоголем. В последнее время живет с тетей. Ранее жила у бабушки, с которой часто ссорилась. Иногда навещает мать, но более нескольких дней у нее не задерживается, что объясняет выпивками матери. Алкоголь употребляет с 9 лет. Курит с 8 лет. Училась плохо, часто пропускала школу. Любила подолгу находиться на улице, в компаниях друзей и подруг. В связи с совершаемыми ею кражами с 7-го класса переведена в спецшколу. После употребления алкоголя О. любит гулять по улицам, придирается к прохожим, которых стремится оскорбить. Половая жизнь с 13 лет. Считает себя "очень влюбчивой", но ее "любовь быстро проходит". Часто вступает в сексуальные связи со случайными партнерами. Говорит об этом без стеснения, смеется, не собирается что-либо изменять в своей жизни. Склонна к обманам. Попадая в трудные для себя ситуации, старается вызвать сочувствие, обещает устроиться на работу, что находится в противоречии с ее прежними заявлениями и не соответствует действительности. Нередко ночует на вокзале, где задерживается милицией.

Развитие девочек в семьях с антисоциальными родителями характеризовалось определенным отставанием, связанным со значительным дефицитом информации из различных областей знаний, культуры, общего образования, санитарно-гигиенических навыков, правил поведения в обществе. Этико-моральные критерии были искажены, они отражали особенности жизненных подходов родителей. Нередко происходило раннее формирование

реакций страха, обусловленное агрессивным поведением родителей, чаще всего отца. В связи с этим, например, у девочек отмечалось наличие стойких ночных страхов. У детей отставало также развитие в сфере эмоций и формального интеллекта. Было слабо представлено чувство сопереживания. Отмечалась также неразвитость сферы воображения, в особенности отсутствующие способности представить себе переживания, чувства другого человека. Не было выражено чувство сострадания к близким, знакомым. На первый план выступали эгоцентрическая ориентация, фиксация внимания только на своих потребностях и желаниях.

Крайне тяжелая обстановка в семье, выражающаяся в постоянных скандалах и драках, приводила к тому, что девочки старались как можно меньше бывать дома, особенно когда отец был пьян. Подруг и друзей находили обычно из таких же неблагополучных семей. Этот стиль поведения в общем был близок к наблюдавшемуся в случаях воспитания по типу гипопеки без антисоциального поведения родителей, однако были и отличия. Они заключались в том, что девочки из этих семей привносили с собой определенный элемент антисоциальности; он заключался в грубости, отсутствии сдерживающих механизмов. Будучи свидетелями пьяных и сексуальных эксцессов у себя дома, они сами проявляли ранний повышенный интерес к противоположному полу, были склонны к ранним сексуальным контактам в наиболее неприглядной обстановке. Для этого они старались заводить знакомства с мужчинами значительно старше их сверстников. Одной из отличительных особенностей их поведения являлось также частое совершение правонарушений, что выражалось в хулиганских действиях, нападениях в компании на более слабых с целью забрать деньги или предметы, представляющие ценность. Наблюдались случаи воровства вещей и денег из квартир своих же знакомых. Интерес к вещам, изменяющим психическое состояние, появлялся рано, большое значение придавалось достижению "кайфа", выступало стремление уйти от реальной действительности.

У части обследованных женщин детство прошло в детских домах, интернатах. Во всех изученных нами случаях обстановка в детских домах характеризовалась формально-бюрократическим подходом к воспитанницам. Воспитатели не устанавливали с ними доверительных эмоциональных отношений, девочки ждали от педагогов только неприятностей и наказаний. Девочки, воспитывавшиеся в условиях детских домов, характеризовались развитыми навыками межличностного общения, были адаптированы к достаточно жестким условиям воспитания, при-

выкали к общению с большим количеством сверстников. Они рано чувствовали свою ущербность, по сравнению с детьми, у которых был родительский дом.

Воспитатели обычно не могли заменить родителей, что во многом обуславливалось их нечутким отношением к детям. Основными авторитетными фигурами являлись старшие по возрасту девочки, которые становились лидерами неформальных групп. Распоряжения и приказы лидеров выполнялись без чувства протеста, усваивались взгляды, отношения к людям, свойственные лидерам. В целом психологическая обстановка в этих группах определялась стремлением отдельных членов войти в доверие к лидеру, поддерживать его. Группа строилась по типу иерархической пирамиды, с разными степенями подчинения и строгим распределением ролей, обычно по закону старшинства, однако нередкими были случаи, когда физически сильные девочки младшего возраста подчиняли себе ровесниц.

Во всем этом несомненное значение имело то обстоятельство, что сами лидеры вели себя подобным образом. Члены групп противопоставляли себя порядкам в детском доме, игнорировали воспитательные установки со стороны администрации и преподавателей. Отчетливо выступала острая демаркация тех, кто относился, и тех, кто не относился к данной неформальной группе. Члены группы проявляли агрессию к воспитанницам, не входящим в группу, или старались избегать их. Высоко ценилось само членство в неформальной группе, ее члены считали себя лучше других девочек, не входящих в группу. Курение и употребление алкоголя отождествлялось со зрелостью. Сигареты и алкоголь расценивались как символы статуса "современной женщины". Одной из особенностей являлось также раннее использование в речи сленговых оборотов, жаргона, который употреблялся в разговорах между сверстниками, но не использовался обычно в разговоре со взрослыми. Особенность сленга заключалась прежде всего в том, что сленговые выражения применялись по отношению к различным видам алкоголя и веществам с наркотическим эффектом. Ими назывались состояния, развивающиеся в процессе воздействия алкоголя и других веществ. Понятия привязанности, любви и разговоры на эти темы не были популярными. Большее значение придавалось сексуальным связям как таковым. Лирика и сентиментальность оценивались отрицательно. Проституция рассматривалась как выгодное и "стоящее" дело, так как это наиболее верный и простой способ заработать большие деньги. Формировалось циничное, вульгарно-материальное отношение к жизни и ее ценностям. Духовное развитие было ограниченным. Нередко имели место

контакты с лицами, привлекавшимися к уголовной ответственности за хулиганство, кражи, спекуляцию.

Большое значение имела такая психологическая особенность, которая была свойственна большинству, — плохая переносимость одиночества сколько-нибудь длительное время. Здесь возникало несоответствие между воображением и реальностью: с одной стороны, в воображении очень хотелось побыть одной, что было трудно достижимо в обстановке детского учреждения, с другой — редкая возможность остаться наедине с собой очень быстро надоедала. Хорошая успеваемость, интерес к учебе не оценивались положительно и даже вызывали насмешки, ироническое, а порой враждебное отношение. Наиболее значимым считалось умение хорошо и красиво жить, все время получать от жизни удовольствия, ради достижения которых все средства считались дозволенными. Понятия правдивости, лояльности вместе с тем имели определенное значение: они проявлялись во внутригрупповых отношениях; нельзя было, например, обмануть или подвести другого члена группы, находящегося на одном или, тем более, высшем иерархическом уровне, но вне групповых отношений всякая лояльность исчезала. Существенная черта обследованных заключалась в отсутствии сформированного гуманного чувства. Необходимо подчеркнуть, что обследуемые не расценивали употребление алкоголя и любых других наркотических веществ как поведение, заслуживающее порицания. Они относились к этому как к неотъемлемой части их жизненного стиля и противопоставляли последний официальной морали. Они считали, что таким образом они достигают свободы от социального контроля.

В связи со значением групп в формировании антисоциального поведения следует обратить особое внимание на появившуюся далеко не в последние годы проблему групп с антисоциальным поведением в учебных заведениях типа ГПТУ. Много лет с удивительным постоянством рекламировались заманчивые горизонты получения необходимой профессии в сравнительно короткий срок, а эта теневая сторона жизни, ставшая серьезнейшей социальной проблемой, обходилась молчанием. Антисоциальные группы в системе профессионально-технического среднего обучения являются, к сожалению, реальностью сегодняшней жизни. Достаточно проанализировать статистику преступности, чтобы увидеть, что не менее двух третей уголовных преступлений, направленных против личности, хулиганских действий, вымогательства, краж, ограблений и т.д. совершается лицами, обучающимися или окончившими ГПТУ¹.

¹ Телевизионная программа "Взгляд" от 1 декабря 1989 г.

Значение антисоциальных подходов, антисоциального стиля поведения, сформировавшихся в условиях участия в таких антисоциальных группах, не ограничивается ни территориально зоной, в которой находится то или иное учебное заведение, ни временем, сроком обучения в нем воспитанников. Здесь "закладываются" манера поведения, система ценностей, являющиеся по своей сущности антитезой гуманизму, противоречащие общечеловеческим ценностям. Проблема "дедовщины" в армии рождается не на пустом месте, она подготовлена предшествующим воспитанием (по сути дела, активным воспитанием). Дальнейшее естественное развитие в рамках подобных форм поведения предполагает определенную возрастную специфику с одновременным сохранением антисоциальности: усиливается необходимость в групповой поддержке, возрастает значение круговой поруки, усиливается роль организации, установки на получение дивидендов и связанное с последним вовлечение в различные формы организованной преступности.

Таким образом, приходится констатировать, что антисоциальные группы, функционирующие в системе профессионально-технического среднего образования, представляют собой в настоящее время одни из важных механизмов, ответственных за рост антисоциального поведения и преступности в обществе в целом. Решение проблемы, длительное время тщательно скрываемой от широких кругов общественности, требует серьезных и прежде всего квалифицированных, профессионально грамотных вмешательств, которые не могут, очевидно, быть достаточно эффективными, если ограничатся мероприятиями на местном уровне.

Однако вернемся к предмету нашего рассмотрения. Известный интерес представляли семьи, в которых девочки воспитывались в формально благополучной обстановке, в материальном достатке (19 случаев). Девочки имели возможность модно одеваться, большое внимание уделяли демонстрации внешнего благополучия, отчетливо выступали престижность, конформизм, ролевое поведение родителей, их стремление произвести на окружающих хорошее впечатление в соответствии с принятой моделью поведения их круга. Ребенок рассматривался как один из атрибутов социального благополучия, его стремились показывать знакомым для демонстрации своего преуспевания. Демонстративность отношений, стремление произвести впечатление "на людях" сочетались с формализацией отношений в семейном кругу. На первое место выступала оценка людей по их материальному, социальному положению в обществе, контакты поддерживались исходя из этого принципа, внешне маскируясь дружеским расположением, приятельскими отношениями и т.д.

Одни и те же люди воспринимались по-разному, в зависимости от их "цены" в обществе на текущий момент, в глаза говорилось одно, за глаза – другое. Была характерна поверхностность, несамостоятельность, конъюнктурность суждений, их "вторичность", зависимость от "общественного мнения". У детей с ранних лет воспитывались двойственность подхода, умение говорить не то, что думаешь, скрывать свое "я" за декларациями, заявлениями лозунгового характера, отсутствовали ориентация на основные ценности жизни, понятия справедливости, чести, гуманного отношения к окружающему. Ограничивались стремление к фантазированию, игра воображения, воспитывались лицемерие, неискренность, постоянное ролевое поведение.

Для родителей были типичны узкий профессионализм, незнание общечеловеческих ценностей, примитивизм в вопросах социологии, психологии, культуры. Об этом, в частности, свидетельствовало собирание книг "престижных" авторов, которые они ставили на видное место для показа гостям и почти никогда не читали.

Формализм подходов находил свое выражение и в отношении к занятиям детей музыкой, участию их в каких-либо кружках; основным принципом здесь также являлась престижность, а не способности, интересы детей. Девочки не чувствовали, что их по-настоящему любят, что они нужны родителям сами по себе, как живые люди, а не манекены, демонстрирующие модные наряды, говорящие запрограммированные истины для того, чтобы быть на уровне требований, соответствующих родительскому статусу. Отсутствовали, таким образом, эмпатия и сопереживание с родителями, создавалась определенная эмоциональная депривация.

Девочки, воспитывавшиеся в условиях семей с повышенной престижностью, не испытывали каких-либо материальных затруднений, жилищные условия были хорошими, обычно они имели свою комнату в квартире. С особенностью их воспитания было связано появление чувства "избранности" в группе сверстников. Они старались дружить только с девочками и мальчиками "своего круга" – того же общественного положения родителей. По отношению ко многим сверстникам возникало отчуждение, отсутствовал интерес к их жизненным проблемам. Большое значение придавалось модной одежде, знакомству с престижными вещами. Сюда включались произведения литературы, искусства. Очень высоко ценилась возможность иметь импортные видеомагнитофоны, последние новинки зарубежной популярной музыки. Свои материальные возможности девочки по-

стоянно демонстрировали перед другими детьми. Приобретение новых вещей доставляло особую радость, если ими можно было поразить знакомых, вызвать у них зависть.

Обнаруживалась ограниченность развития в духовной сфере, что маскировалось поверхностной информацией о разных вещах, отсутствовало стремление по-настоящему углублять свои знания. Успеваемость в школе в основном была средней и выше средней, что было связано во многом с мотивацией конкурентоспособности – выглядеть "не хуже других". Однако формальное усвоение материала сопровождалось ироническим отношением к процессу обучения вообще, так как основной акцент делался на другие ценности жизни: например, выйти замуж за материально обеспеченного человека; символами престижного статуса при этом являлись наличие машины, дачи, катера и высокое социальное положение; оценка "высоты" социального положения носила при этом своеобразный характер, отражающий отношение определенной части населения. Особенно высоко котиrowались такие должности, как директора магазинов, кафе, ресторанов. Сформированная в сознании система ценностей накладывала отпечаток на особенности эмоциональной сферы, здесь были возможны различные личностные варианты; одни из них были более открытыми, веселыми, жизнерадостными, другие – более скрытными, замкнутыми в себе, скрывающими свои эмоциональные реакции, трудными в общении, у третьих на первый план выступала истероидная демонстративность. Однако главным элементом, обнаруживающимся вне зависимости от личностных своеобразий, являлось отсутствие истинного интереса к человеку как таковому, его настоящим глубинным проблемам, драмам и трагедиям повседневной жизни, имело место недопонимание основных ценностей в жизни, не было развито чувство сострадания, милосердия, сопереживания. Это касалось даже отношений с наиболее близкими людьми. Такое одностороннее развитие, отсутствие сколь-нибудь развитой внутренней жизни, узкий круг интересов приводили к повышенному риску попасть под влияние лиц с девиантным поведением, особенно в тех случаях, когда новые друзья производили большое впечатление своими материальными возможностями, суперсовременным образом жизни в сочетании с циничным отношением к принятым нормам поведения. Таким образом формировалась своеобразная "идеология", обосновывающая правильность перенятых форм поведения, игнорирующих принятые нормы этики и морали.

В качестве примера приведем следующее наблюдение.

Пациентка Ю., 15 лет. Семья неполная. Живет с матерью. Отец ушел из семьи, когда ей было 4 года. Воспитание в раннем детстве по типу гиперопеки. Мать старалась "быть не хуже других", старалась удовлетворять желания девочки, не заставляя ее чего-либо делать. В дальнейшем требовала отличной успеваемости в школе. Большое внимание уделяла тому, чтобы "девочка прилично выглядела", хорошо одевалась. Не интересовалась ее внутренней жизнью, всегда избегала откровенных разговоров, в особенности об уходе отца из семьи. Мать по профессии инженер, занимается общественной работой. Семья материально обеспеченная. Живут с дочерью в трехкомнатной квартире. В доме бывают гости — сотрудники по работе матери. Всегда подчеркивается социальный статус приглашенных ("у нас бывают только уважаемые, приличные люди"). Разговоры в основном связаны с производственными отношениями и осуждением людей, которые не вписываются в систему принятых ценностей; очень большое значение придается материальному достатку, обеспеченности дачами, машинами, дефицитными товарами. Когда речь заходит об интимных сторонах жизни, девочку обычно прогоняют из общества, но, по словам матери, наверное, не всегда делали это вовремя. Поведение Ю. изменилось с 12 лет. Стала хуже учиться, вечерами долго не возвращалась домой. В 14-летнем возрасте несколько раз не возвращалась на ночь, объясняя это тем, что ночевала у подруги. В это же время мать обнаружила, что девочка курит, иногда после возвращения домой чувствуется запах алкоголя. В дальнейшем выясняется, что Ю. проводит время в компании подростков с антисоциальным поведением. Пропускает школу, обманывая учителей ("болела", "нужно было остаться дома"). Мать обнаружила дневник, в котором Ю. описывала свою "дружбу" с мальчиками, эффект употребления различных веществ. После скандала с матерью угрожала "покончить с собой"

В некоторых случаях семейная обстановка, начиная с раннего детства, могла быть оценена как сравнительно благополучная; во всяком случае, не удавалось обнаружить каких-либо убедительных отрицательных факторов. Детям уделялось достаточное внимание, и они испытывали привязанность, любовь к родителям, имело место сопереживание, девочки делились с родителями своими заботами, планами, обсуждали различные жизненные ситуации. Отношение к алкоголю родителей было или индифферентным, или отрицательным; в ряде случаев отрицатель-

ное отношение к алкоголю содержало в себе элементы сверхценности: алкоголь рассматривался как самое большое зло, людей, употребляющих алкоголь даже по случаю, в умеренных дозах, осуждали, называли "культурупитейщиками" или просто скрытыми пьяницами, которые сбивают с пути истинного многих других людей. В этих семьях достаточно часто велись разговоры об алкоголе и алкогольных проблемах в стране. Причем родители всегда придерживались максималистских взглядов, например, высказывались за немедленное введение сухого закона, что, по их мнению, должно было решить все проблемы. Собеседование с этими людьми обнаруживало, что их отношение ко многим общественным, социальным проблемам носило также упрощенный "радикальный" характер, что выражалось, например, в четком разделении всех явлений на "плохие" и "хорошие", "черные" и "белые", при этом всегда предлагались "хирургические", одномоментные решения. Наибольшее значение придавалось запретам, ограничениям, наказаниям, нередко ко наиболее сурового характера.

Воспитание детей в таких семьях представляло собой сочетание повышенной опеки с элементами предъявления непомерных требований. Так, строго контролировалось выполнение режима учебы, отдыха, свободного проведения времени, большое значение придавалось отличной учебе, общественной активности, достижениям в различных областях (спорт, искусство, музыка и т.д.).

Девочки, воспитывавшиеся в семьях с максималистскими трезвенническими подходами, развивались в обстановке постоянных повышенных требований. У них рано формировалось чувство ответственности, сочетаемое со страхом "потерять лицо", оказаться в униженном для себя положении перед родителями. Они были всегда аккуратными в одежде, строго соблюдали регламент работы, учебы и свободного времени, ложились спать и вставали в строго определенное время, придавали большое значение общественной работе, ко всем обязанностям относились очень серьезно. Успеваемость в школе была очень хорошей или отличной, указания и взгляды учителей воспринимались как программа действий, всегда без критического отношения.

Самостоятельные интересы отчетливо не развивались, все делалось по программе в соответствии с планом; например, чтение художественной литературы ограничивалось лишь задаваемым в школе материалом. Отношение к реальной жизни носило во многом книжный схематический характер, соответствующий модели, предлагаемой дома и в школе. Согласно этой модели все делилось на "черное" и "белое", без дополнительных оттен-

ков, люди были "хорошими" и "плохими" Все, что не укладывалось в схему принятости, отвергалось как нетипичное (добро всегда должно торжествовать над злом!), музыка слушалась только классическая, живопись признавалась лишь реалистических направлений, отношение к алкоголю было однозначным; он попадал в категорию "запретного", абсолютного зла. Люди, употребляющие алкоголь, считались алкоголиками, без попыток какого-то более глубокого, конкретного анализа. Причина алкоголизма усматривалась в порочности, расценивалась как результат вредных влияний, нередко идентифицируемых с зарубежными, "западными".

Сформировавшееся мировоззрение существовало в неизменном состоянии в условиях сравнительной изоляции от внешнего мира, когда структуризация времени не позволяла выходить за пределы семейной среды, школы, общения с узким кругом соответственно выбранных знакомых. В этом и заключалась слабая сторона подобной системы. Она оказалась чрезвычайно ранимой, маложизнеспособной при встрече с другими влияниями, другим содержанием информации, что происходило, например, при поездке на каникулы в другой город, при переходе в другое учебное заведение, при появлении преподавателя с принципиально иными точками зрения, при чтении нерегламентированной литературы, после просмотра кинофильмов, особенно на социально актуальные темы. В результате возникало чувство протеста и был возможен переход от одной экстремистской позиции к противоположной. Все запретное становилось внезапно чрезвычайно привлекательным и вызывало большой интерес. Привычная биполярность мышления, отсутствие гибкости, отрицание всяких компромиссов делало невозможным нахождение "средней линии", сохранение поведения в сколько-нибудь приемлемых формах.

Таким образом, можно сделать заключение о значении в возникновении антисоциального поведения определенных типов воспитания. Предупреждение этого деструктивного поведения связано с социально-психологическими факторами, необходимостью воздействий на семью, улучшением психологического климата в семьях, повышением психологической грамотности, ее членов.

ПОЧЕМУ ЛЮДИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ЖИЗНИ?

Суицидное поведение

Называется это несколько туманно: "законом больших чисел", а должно значить более или менее то, что, если один совершает самоубийство по той, а другой — по иной причине, то при очень большом количестве взаимно уничтожаются случайность и субъективность этих причин.

Р. Мюзиль. Человек без свойств

Согласно данным Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), в конце 70-х годов нашего века ежедневно на земном шаре свыше 1300 чел. погибало в результате самоубийства, т.е. около 500 тыс. чел. ежегодно. К настоящему времени эти цифры значительно увеличились, но считается, что количество попыток совершения самоубийства (суицидных попыток) приблизительно в 15 раз больше. Существуют различные точки зрения на причины суицидного поведения: самоубийства рассматриваются как одно из выражений социального неблагополучия и отражают психологическое напряжение в обществе; самоубийства связываются с болезненным состоянием людей, их совершающих.

Известный специалист по суицидному поведению Durkheim /1878/ в свое время выделил три различных типа самоубийств в зависимости от особенностей контактов индивидуума с его социальной средой обитания:

1) "аномическое" самоубийство, связанное с кризисными ситуациями в жизни, личными трагедиями: смерть близкого человека, потеря работоспособности, утрата имущества, несчастная любовь и др.;

2) "альтруистическое" самоубийство, совершаемое ради блага других людей, общества (чтобы не обременять собой других, не позорить их в связи с каким-то преступлением или нарушением морали и др.);

3) "эгоистическое" самоубийство, связанное с каким-либо конфликтом, неприемлемостью социальных требований, определенных норм поведения, не соответствующих интересам. Самоубийство здесь является формой "ухода" от неблагоприятной социальной ситуации.

Согласно Durkheim /1878/ – первому исследователю роли социальных факторов в совершении самоубийств, в различных социальных условиях по-разному представлен риск развития суицидного поведения. Увеличение количества самоубийств отражает неблагополучие общества. Создатель теории психоанализа З. Фрейд придерживался другой точки зрения, связывая самоубийства с проявлением "инстинкта смерти", которому он противопоставлял либидо – сексуальную энергию, являющуюся инстинктом жизни. В случаях нарушения равновесия между либидо и "инстинктом смерти" последний может оказаться более сильным и выразиться в агрессии, направленной или на самого себя, или на других людей.

Последователь Фрейда Menninger /1938/ считал, что самоубийство включает в себя "три желания": умереть; убить; быть убитым. Автор считал, что настоящая, непоказная попытка совершить самоубийство обязательно должна содержать в себе эти три ингредиента. Если же какой-то из них отсутствует, то попытка не является серьезной: она рассчитана на внешний эффект и связана со стремлением запутать кого-либо, шантажировать, получить таким образом какие-то дивиденды. В целом представители психоаналитического направления анализируют самоубийства как проявление болезненных механизмов и в значительно меньшей мере рассматривают их в социальном плане. В связи с этим следует подчеркнуть, что современные психологи и психиатры, не придерживающиеся психоаналитических взглядов, придают большое значение в развитии суицидного поведения психическим и невротическим нарушениям.

Очевидно, проблема суицидного поведения достаточно сложна и не может быть во всех случаях объяснена с точки зрения одного из названных подходов, в ней участвуют и социальные, и психологические средовые факторы, и личность человека – его способ восприятия окружающих людей, ситуаций, собственных проблем, особенности мотивационных подходов, система жизненных ценностей, жизненный опыт, характер воспитания, способы преодоления трудностей и многое другое.

Суицидное поведение представлено неравномерно в разных регионах мира. Согласно данным ВОЗ, в конце 60-х годов оно было особенно характерно для высокоразвитых стран. В 1968 г. сообщалось, что в восьми развитых странах самоубийства занимают третье место, после сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, как причина смерти людей в возрасте между 15 и 45 годами. Указывались такие страны, как Австрия, Дания, Финляндия, ФРГ, Венгрия, Канада, Швеция. При этом

первое место занимает Венгрия: в 1966 г. на 100 тыс. населения совершалось 29,8 самоубийства. Для сравнения: в Канаде — 8,6; Франции — 15,0; в Австрии — 23,1.

В целом в мире в последние десятилетия наблюдается тенденция к увеличению числа самоубийств, что связывается как с улучшением их регистрации, так и с общим постарением населения в развитых странах. Отмечается, что самоубийства совершаются чаще в весеннее время. Это явление пытаются обычно объяснить особенностями сезонных биоритмов. Соотношение между мужчинами и женщинами при совершаемых самоубийствах — 4:1, в то время как при попытках совершить самоубийство оно составляет 1:2 /Miller, 1973/, т.е. попытки совершить самоубийство у женщин отмечаются приблизительно в два раза чаще, чем у мужчин, однако суицидное поведение мужчин чаще приводит к трагическому исходу. Самоубийства совершаются чаще в возрасте 55–60 лет, а попытки совершить самоубийство отмечаются в среднем возрасте — 30–35 лет. Суицидное поведение часто характерно для кризисных периодов жизни: юношеского и молодого возраста, а также начинающейся старости. В последнее время число самоубийств в молодом возрасте значительно увеличилось и суицидное поведение стало распространяться даже среди детей.

Отмечается, что суицидное поведение определенным образом коррелирует с гражданским состоянием. Среди самоубийц наиболее высокий процент одиноких людей. Разведенные и овдовевшие мужчины в 4–5 раз чаще совершают самоубийства. Ringel /1961/, Stengel /1973/ и др. обращают внимание на значение социального положения: наиболее часто самоубийства совершают лица или высших, или низших социальных слоев. Сравнительно часто самоубийства совершают врачи и студенты. В городах суицидное поведение встречается чаще, чем в сельской местности. По данным из США, количество самоубийств у иммигрантов недавнего времени выше, чем у местных жителей. Имеются специальные исследования, изучающие роль религии в суицидном поведении. Ряд католических стран (Португалия, Испания, Италия) характеризуются низким количеством самоубийств, однако Венгрия, Австрия, Франция — высоким. Сравнительно редки самоубийства в исламских странах (за исключением суицидного поведения в рамках "священной войны" для нанесения максимального ущерба противнику). Религия является в целом важным, но не единственным фактором, определяющим предупреждение или риск суицидного поведения.

Если обратиться к истории, то окажется, что в прошлом веке на территории Европы картина распространения самоубийств

была в основном сходной. Так, например, на территории сегодняшней Венгрии в 1897 г. самоубийства также происходили сравнительно часто: 21 на 100 тыс. населения, а в 1910 г. это число увеличилось до 27. Совершенно естественно, что такая ситуация привлекла внимание прежде всего венгерских исследователей. Что является причиной частого суицидного поведения в Венгрии? Попробуем разобраться в этом вопросе подробнее.

В последнее столетие в Венгрии сменилось три общественных строя. В настоящее время, несмотря на кризисные явления, страна находится на пути быстрого развития, однако проблема суицидного поведения остается, с точки зрения некоторых ученых, "непонятной, необъяснимой, почти мистической тайной" /Gergely; 1981/. Как уже было сказано, Durkheim считал, что количество самоубийств в обществе может быть объяснено только с социологических позиций. Общее состояние морали, отношение к системе жизненных ценностей имеет здесь определенное значение. По мнению Gergely, в каждом народе проявляется какая-то коллективная сила, определенная энергия, которая может оказывать деструктивное влияние на его поведение. В этом отношении нужно отметить, что отдельные страны, несмотря на некоторые колебания показателей, сохраняют в разные исторические периоды близкие цифры самоубийств. Это можно проследить на примере Скандинавских стран, где регистрация всегда отличалась большой точностью. В Норвегии статистика самоубийств за период 1830-1970 гг. свидетельствует, что показатель остается удивительно постоянным: 6,3-10 на 100 тыс. населения. В то же время такая стабильность не характерна для Дании - страны с близкими к Норвегии культурой и языком, политическим и технологическим развитием, религией и социальной системой, где показатель самоубийств был значительно выше: 29,9 и 12,8 на 100 тыс. /Paerregaard, 1980; Retterstol, 1975/. В дальнейшем мы еще вернемся к этому вопросу.

Поведение отдельных лиц может оказаться контагиозным ("инфекционным") для других, приводить к подражательным действиям. Это относится и к суицидному поведению. В древнем мире и в средние века известны эпидемии самоубийств, например, среди женщин. Массовые самоубийства женщин прекращали, применяя угрозу выставить на всеобщее обозрение обнаженное тело покончившей с собой женщины (Карфаген). В средневековой Европе до XVIII в. церковь и светские власти осуждали самоубийства, рассматривали их не только как грех, но и как тяжелое преступление: конфисковывалось имущество по-

кончивших с собой, их тела лицом вниз протягивали по улице, а затем закапывали на перекрестке дорог, вбивая деревянный кол в сердце, что было связано, очевидно, с суеверным страхом. Существовали поверья, что душа самоубийцы может возвращаться в тело и такой человек в виде вампира встает из могилы и преследует людей, выпивая их кровь и приводя их к гибели с последующим превращением в вампиров.

В попытках найти объяснение высоким цифрам самоубийств Gergely /1981/ анализирует особенности венгерского характера, опираясь при этом на данные художественной литературы, сокровищницы народных выражений, поговорок. Среди них есть имеющие непосредственное отношение к национальному характеру: "венгр, если его хорошо попросить, отдаст последнюю рубашку"; "венгерский язык в гору возносит сердце" (для венгра характерны прямота, искренность), "венгру трудно забыть необходимость мести"; "венгр крепок задним умом"; "венгру чуждо чувство страха"; "венгр радуется плача". Последнее выражение носит очень древний характер и обозначает, что, как бы ни был венгр радостен, к радости у него всегда примешивается чувство какой-то горечи.

Согласно Herman Otto /1902/ /цит. по Gergely, 1981/, для венгра характерны смелость, чувство собственного достоинства, вместе с тем самонадеянность – так называемый "соломенный огонь", отсутствие выдержки. Венгр не любит ныть, выпрашивать чего-либо, он держит данное слово, не любопытен, любит охоту, имеет поэтические наклонности, острый ум. Венгр не склонен к подчинению, открыт, ему не свойственно коварство. Анализируя подобные высказывания, Gergely /1981/ приходит к заключению о невозможности на их основании сделать какой-либо вывод. Венгры характеризуются так же, как и другие народы: у них есть и сильные, и слабые стороны, присущие человечеству в целом.

Более пристальное изучение показывает вместе с тем, что число самоубийств может резко различаться в различных областях одной и той же страны. Так, например, во Франции количество самоубийств на севере страны значительно выше, чем на юге. Такая же ситуация характерна для различных районов (комитатов) Венгрии. По данным на 1966/67 г. наиболее высокое количество самоубийств (46 на 100 тыс. населения) зарегистрировано в комитате Чонград, наиболее низкое – в комитате Ноград (17,1 на 100 тыс.). Согласно Durkheim, во Франции и Швейцарии количество самоубийств в протестантских районах выше, чем в католических. Высказывается следующая точка зрения: поскольку три страны, занимающие первые мес-

та по количеству самоубийств в мире: Венгрия, Австрия, Чехия и Словакия, входили ранее в состав Австро-Венгрии, то, возможно, их до сих пор объединяют отзвуки каких-то старых механизмов, например атмосферы консерватизма, абсолютизма, бюрократизма. Эта атмосфера прекрасно отражена в произведениях Кафки ("Дневники", "Процесс"), Р. Мюзиля ("Человек без свойств") и др. В Австро-Венгрии выступали резкие противоречия между создаваемой видимостью великолепия, помпезности, поверхностной позолотой и реальной жизнью. Gergely /1981, с. 84/ высказывает также предположение, что "трагическая история народа... сформировала национальный характер, национальное самосознание и самочувствие... и, возможно, в нашем столетии... мрачные темные черты обесцвечивают национальный характер" Мотивы грусти, смерти, самоубийства находят отражение во многих произведениях венгерской литературы / И. Сеченьи (1791-1860), М. Вёрёшмарти (1800-1855)/, современных кинофильмах. Были попытки объяснить сравнительно большой риск развития суицидного поведения влиянием кодекса чести австро-венгерской армии (в связи с этим можно вспомнить фильм Иштвана Сабо "Полковник Редль"). Этим вопросом занимались и специалисты по психолингвистике, которые высказывали гипотезу о том, что тайна суицидного поведения находится в особенностях венгерского языка, сочетающего огромное богатство словарного фонда, большие возможности внутреннего развития (о чем свидетельствует постоянное появление значительного количества новых, образованных по своим законам, не заимствованных из других языков слов, в том числе и современных технических терминов) со своеобразной "герметичностью", сравнительной изолированностью от других языков, что может затруднять коммуникацию в широком смысле и осложняет выход за пределы каких-то глубинных стереотипных установок и представлений. В Европе "нет языка, структура которого так бы отличалась от каждого другого, как венгерский язык. В Европе мы не встречаем слов, родственных венгерским, более того, их с трудом можно найти где-то в мире. Звучит в них что-то далекое, чуждое, азиатское... особенно сильное чувство ритма, особенная музыка и песнь" /Babits Mihaly, 1927, с. 190-191/. Прочитанный автор в статье "Эссе о венгерской литературе", анализируя более чем тысячелетнюю историю Венгрии, обращает внимание на то, что культура этой страны уже тысячу лет западная, а язык, и во многом и дух еще остаются восточными, в результате возникает "амальгама" - "замечательное растение самой Европы... с корнями, находящимися в чу-

жой земле, но с новым цветом и запахом" (с. 191). Венгры, пришедшие на Дунай в IX в. с востока (их корни находились когда-то на Урале и в бассейне Тобола и Оби – древний венгерский дом), оказались "поздним пришельцем" великого кочевья народов и должны были адаптироваться к новым условиям, чуждым для кочевников. Святой Иштван крестил венгров и в 1000 г. н.э. стал королем Венгрии. Языческие венгры имели своих богов, свои легенды и предания, свою письменность. Обо всем этом пришлось забыть, начинается новый европейский этап развития – "горькое начало и нелегкая задача, растянутая на много веков" Однако "старые боги были упрямы, они отступили и спрятались в глубине языка, в сердце подсознания... так успешно, что позднейшие исследователи и поэты не смогли даже воссоздать их имена". Очевидно, исследование глубинного подсознания, мифов, легенд, народных преданий, обычаев могло бы помочь приоткрыть занавес тайны повышенного риска суицидного поведения, понять один из его многочисленных механизмов.

Если рассматривать непосредственные причины суицидного поведения, то, по венгерским статистическим данным за 1959–1963 гг., на первое место выступают семейные отношения (39,3 на 100 тыс.), на втором месте оказываются болезни, включая психические и нервные (19,0 на 100 тыс.), на третьем – несчастная любовь (10,3 на 100 тыс.), на четвертом – пьянство и алкоголизм (5,1 на 100 тыс.) и лишь на пятом – материальные, квартирные проблемы (3,4 на 100 тыс.), на шестом – неуспеваемость и наказания в школе (2,0 на 100 тыс.). В 20 случаях на 100 тыс. самоубийств причины не были установлены. Отмечается, что в последующие годы число самоубийств, совершенных в связи с отношениями в семье, постоянно увеличивалось и в конце 60-х годов достигло 40 на 100 тыс. Подчеркивается значение невыносимого психологического климата в семье. И здесь выступает комплекс факторов: конфликты, неуживчивость, отсутствие адаптации супругов в связи с разными подходами, разным воспитанием, мотивациями. Увеличение самоубийств в связи с семейными отношениями сопровождается увеличением разводов. Gergely считает важной причиной также ускорение темпа жизни, постоянную спешку, ведущие к раздражительности, усталости, росту внутреннего напряжения, на фоне которых любое событие, по сути незначительное, может вызвать бурю страстей. В 1965–1976 гг. намного увеличилось значение алкогольных проблем. Согласно данным венгерского Центрального статистического управ-

ления, в 1967 г. число самоубийств составляло 30,8 на 100 тыс., а в четырех районах – свыше 40 на 100 тыс.

Статистика 70-х годов показывает тенденцию к росту самоубийств. Так, в 1977 г. частота самоубийств в Будапеште составляла 43,8 на 100 тыс., в других больших городах – 41,8 на 100 тыс. населения.

В исследованиях 1972 г. обращается внимание на то, что из группы лиц, совершивших самоубийство, 73,8% женщин и 58,5% мужчин находились под постоянным врачебным наблюдением и лечились в связи с невротическими состояниями и психическими заболеваниями. Больных с неврозами было 286, лиц с психическими заболеваниями – 67. В связи с этим следует подчеркнуть, что суицидное поведение нельзя объяснять лишь наличием психических заболеваний. Самоубийства психически больных представляют лишь сравнительно небольшой фрагмент проблемы. Проблема не сводится также к неврозам, хотя невротики чаще лиц с нарушениями психотического уровня проявляют суицидное поведение. Неврозы – это не психические заболевания, а психогенно обусловленные состояния, в возникновении которых имеют значение психические травмы, стрессовые ситуации, переутомление, отсутствие достаточных положительных мотиваций. При неврозах наблюдается повышенная готовность к болезненному неадекватному реагированию на различные события и раздражители. Это реагирование может проявляться и в суицидном, аутодеструктивном поведении.

То обстоятельство, что большое число пациентов, совершивших самоубийство, находилось под наблюдением врачей, отражает в определенной степени недостаточное понимание специалистами некоторых признаков, "предвестников" возможного самоубийства. Здесь, по-видимому, имеют значение ряд факторов: недостаточная профессиональная подготовка (это свойственно, естественно, не только венгерским специалистам) отсутствие опыта, невозможность в рамках "общедоступной" государственной медицины подробно разобраться в каждом случае, установить взаимопонимание с пациентом, "почувствовать его состояние, уделить ему достаточное время и внимание.

Вопрос имеет большое значение не только для врачей и медицинского персонала, но и для родственников, знакомых, сотрудников, а также и других людей, контактирующих с лицами с повышенным риском суицидного поведения. Поэтому обратим внимание на некоторые особенности, которые расцениваются в настоящее время специалистами в качестве симптомов повышенного риска суицидного поведения. К ним относятся: разговоры на темы о самоубийстве, повышенный интерес к те

ме; наличие попыток совершить самоубийство в прошлом; наличие самоубийств в семье, у родственников, родителей; самоубийства или попытки их совершения среди знакомых, особенно друзей; максималистские черты характера (когда человек делит все очень четко на "плохое" и "хорошее", "черное" и "белое" и склонен к бескомпромиссным решениям и поступкам); рассуждения об отсутствии смысла в жизни; дневники с размышлениями на тему о самоубийстве; написание писем или записок прощального характера; сны о самоуничтожении, катастрофах; упорядочение всех дел, оформление завешания; внезапное исчезновение беспокойства, устрашающее успокоение с оттенком "потусторонности", отхода от забот и тревог окружающей жизни.

Риск суицидного поведения при этом увеличивается, если мы встречаемся с такими факторами, как тяжелое детство в связи с "плохой" семьей; отсутствие достаточных межличностных контактов или их прерывание в результате потери друзей, осиротения, изгнания из общества; потеря работы или профессии; выход на пенсию; наличие тяжелого заболевания; отсутствие или потеря веры во что-либо; крушение прежних идеалов.

Исследование самоубийств в Будапеште в 1972 г. показало, что из 853 изученных случаев 36,6% составляли лица, страдающие алкоголизмом или неумеренно пьющие. В этих случаях обнаруживались и семейные ссоры, материальные затруднения, производственные конфликты, играющие роль "последней капли". Таким образом, мы видим интегральную связь между суицидным и аддиктивным поведением.

С начала 70-х гг. чаще появляются статьи, сообщающие о самоубийствах в молодом возрасте. В еженедельнике "Magyarorszag" в 1973 г. была опубликована статья, в которой, в частности, сообщалось, что попытки совершения самоубийства наблюдаются у лиц более молодого возраста. Пропорция попыток совершения самоубийства у лиц моложе 30 лет приближается к 50%. Gergely /1981/ цитирует статью врача Szuchovsky и др., в которой сказано, что число самоубийств у 10-14-летних мальчиков возросло в крайних размерах - исследования в течение 10 лет показали, что в среднем в этом возрасте совершаются самоубийства более чем в три раза чаще, чем в предшествующем десятилетии; произошло увеличение на 316,7%. Доктор Szamosi - главный врач детской больницы "Heim Pal" и доктор Kolos - психолог токсикологического отделения приводят описания ряда характерных случаев. Вот некоторые из них (цит. по Gergely, 1981/):

С.Г., 13-летняя девочка... Отец алкоголик, ежедневно возвращался домой пьяным; если работал, пропивал заработок, но предпочитал не работать. Бил жену, если она не давала ему еды, выманивал у нее все деньги, в связи с чем семья находилась в большой нищете. Мать не вынесла грубости мужа и развелась с ним, после чего ей присудили девочку. Ребенка, начиная с 8-летнего возраста, воспитывали ее родители. Отец попадал в тюрьму; если работал, часто менял места работы, чтобы не платить алименты... Самоубийство было вызвано тем, что в школе девочку обвинили в краже авторучки, чего нельзя было доказать: девочка авторучкой не пользовалась, и она не была обнаружена...

Н.Ф., 13-летняя девочка... Интеллектуальные способности соответствуют возрасту, показатели школьной успеваемости хорошие... училась в восьмом классе, седьмой класс окончила со средним баллом 4,4. Семейная среда не может быть охарактеризована как плохая, хотя отец выпивал и иногда бил ребенка. Последнее особенно было связано со школьными результатами. От ребенка ожидалось, поскольку было известно, что он достаточно способен, что он ответит всегда на 5, и если этого не происходило, девочка не решалась говорить об этом родителям. В последнее время накопилось уже много оценок, о которых она не хотела рассказывать родителям, и положение стало угрожающим - она не могла достичь результатов прошлого года. Боялась, что это вскоре выяснится, и совершила самоубийство. Семья в это время строила дом, все материальные и духовные усилия были связаны с мыслью о ребенке, ее никто не беспокоил требованиями, но от нее ожидали хороших отметок...

К.З., 12-летний мальчик... Причиной попытки самоубийства явилось то, что ребенка в школе обвинили в краже, пристыдили перед товарищами из класса и угрожали исключением из школы. Мальчик очень испугался, но наряду с чувством страха более выражено было чувство обиды. Впоследствии выяснилось, что обвинение в краже было ложным, но мальчика в школе не любили, с удовольствием что-нибудь ему приписывали... В дальнейшем ребенок был переведен в другую школу.

Приведенные примеры показывают, что суицидное поведение детей является следствием различных, обычно наслаивающихся друг на друга обстоятельств. Большое значение имеют

неприятности в семейной жизни, разные семейные травмы. Самоубийства совершаются в результате обиды, унижения, непонимания со стороны родителей, неискренности чувства сопереживания с детьми. Опасность суицидного поведения у детей велика в атмосфере ненависти, агрессии, грубости, несправедливости, ранящей глубокие детские чувства, — всего того, что делает ребенка потерянным, одиноким. Самоубийства детей часто бывают связаны не столько со стремлением умереть, сколько со стремлением избежать тяжелых семейных ситуаций, страхом перед ними. Неправильное одностороннее воспитание в духе максимализма также может быть причиной повышенного риска самоубийства, особенно в тех случаях, когда у детей отсутствует чувство, что родители их любят. К совершению самоубийства ребенка может привести воспитанное родителями или окружающими чувство вины, выражающееся в том, что ребенок оценивает себя ниже других, считает себя "плохим", не имеет чувства самоуважения.

Во многих случаях суицидное поведение развивается у детей, отцы которых (реже матери) страдают алкоголизмом или другими формами аддиктивного поведения. Этот вопрос не надо рассматривать упрощенно, полагая, например, что достаточно злоупотребляющему алкоголем отцу прекратить выпивки — и ситуация исправится. Нельзя забывать, что речь идет об аддиктивном поведении отца, которое может сменить свое содержание, оставаясь аддиктивным, а настоящие эмоции к детям могут и не проявиться. (Подробнее мы это обсуждали в главе, посвященной аддиктивному поведению.) Следует подчеркнуть то, что причиной самоубийств детей могут явиться психические травмы, полученные в школе при формальном, бездушном отношении к детям, воспитание по типу предъявления непомерных требований.

Самоубийства детей, подростков и лиц молодого возраста нельзя не расценивать как обвинение, предъявляемое поколению родителей, которые создают патологический психологический климат в семье, не способны сделать жизнь детей радостной и счастливой, развить у них чувства уверенности в себе, "нужности", любви к жизни. Современную ситуацию в обществе нельзя идеализировать, было бы наивно полагать, что по мановению волшебной палочки в соответствии с желаниями изменится психологическая обстановка в большинстве школ и других учебных заведений, исчезнут формализм, бездушность, социальная несправедливость, прикрываемые демагогическими фразами. В этой обстановке семья должна быть тем местом, где новое поколение растущих людей чувствует себя в полной

безопасности, где всегда есть поддержка, любовь, понимание, где воспитывается умение справляться с трудностями жизни, создается обстановка, способствующая максимальному личностному развитию.

Суицидное поведение в СССР до последнего времени анализировать было чрезвычайно трудно, что объяснялось закрытостью статистики. Существовал тезис о "нетипичности" явления, имела место тенденция объяснять конкретные самоубийства "несчастными случаями" или психическими расстройствами. Во многом этим объясняется, по-видимому, существование среди достаточно большого количества людей, не занимающихся специально проблемой, убеждения в том, что "самоубийства совершают только психически больные". После революции официальные данные о самоубийствах публиковались в 20-е годы. В то время существовал "отдел моральной статистики", который приводил некоторые цифры. В 30-е годы отдел был расформирован.

В настоящее время опубликованы данные о количестве самоубийств в 60-80-е годы в СССР¹. Принимая во внимание особенности учета, можно предполагать, что они являются неполными. По данным официальной статистики, в 1965 г. покончило с собой 39 550 чел., в 1984 - 81 417 чел. В последующие годы наступает снижение. Так, в 1987 г. погибло 54 105 человек, из них 40 181 мужчина и 13 924 женщины.

Самое большое число самоубийств среди мужчин зарегистрировано в возрасте 30-39 лет - 8855 и 50-59 лет - 8201; у женщин соответственно в возрасте 50-59 лет - 2680. В возрасте менее 20 лет: у мужчин - 1672, у женщин - 522. Приводятся данные о том, что в Латвии в 1986 г. мужчины в возрасте 20-24 лет совершали самоубийства в 1,7 раз чаще, чем женщины того же возраста. В то же время в Таджикистане женщины этой возрастной группы совершали самоубийства в 1,6 раза чаще, чем мужчины. Это может свидетельствовать о значении социально-психологических, культуральных, историко-традиционных факторов. Обращает на себя внимание, что в Удмуртии количество самоубийств составило 41,1 случая на 100 тыс., что почти соответствует данным по Венгрии. Удмурты, как и венгры, относятся к финно-угорской языковой группе народов. Случайное совпадение? Нам кажется, что факты требуют всестороннего глубокого анализа.

Опубликованы также данные о высоком количестве самоубийств у сотрудников милиции: в среднем 10% случаев гибели

¹Веденеева И. Шаг последний // Огонек. - 1989. - № 3. - С. 14-17.

сотрудников милиции составляют самоубийства. Это число в отдельные годы превышает число погибших при исполнении служебных обязанностей².

Имеются данные о возможном влиянии средств массовой информации на риск суицидного поведения. В этом отношении особенный интерес представляет исследование Motto (Калифорнийский университет), доложенное на V конференции Общества предупреждения самоубийств в Лондоне (в 1969 г.). Автор сообщил данные о влиянии прессы: описания в прессе самоубийств с изложением подробностей их совершения и фиксации внимания на психологических особенностях жертв усиливают готовность совершения самоубийства лицами, подверженными такому риску и внушаемыми. Motto приводил также сведения о том, что в Детройте за период с 17 ноября 1967 г. по 10 августа 1968 г., когда город был лишен газет, имело место определенное падение числа самоубийств по сравнению с этим же периодом 1963-1964 гг. Число самоубийств особенно снизилось среди женщин моложе 35 лет.

Среди факторов, влияющих на учащение суицидного поведения, в последние годы выделяются резкие изменения жизненного стереотипа, привычного уклада и стиля жизни, отрыв от прежних традиционных культурных ценностей, невозможность заниматься каким-то привычным видом деятельности. Комплекс названных факторов особенно остро проявляется в феномене, получившем название аккультурационного стресса, характерного, например, для аборигенов Севера, оказавшихся под сильным влиянием современной цивилизации: обучение детей в современных школах, потеря необходимости во многих формах деятельности, связанных, например, с охотой, рыбной ловлей и других, без которых прожить ранее было невозможно. Prince /1988/ выделяет индейцев Канады как "группу риска" суицидного поведения. У индейцев Канады частота самоубийств в 7 раз превышает таковую в среднем по стране. Особенно она высока в возрасте 15-24 лет. Очень высок процент самоубийств у инуитов (эскимосов), проживающих на северо-западных территориях: 35,7 на 100 тыс., по сравнению с 19,5 на 100 тыс. в других популяциях, проживающих в регионе.

Seyer /1983/ выделяет четыре основные причины самоубийств.

1. Изоляция - чувство, что тобой никто не интересуется и не понимает.

² Колос И., Бажанов А., Асаулова. Самоубийца: Из закрытых тем // Сов. милиция. - 1989. - № 6. - С. 30-31.

2. Беспомощность – когда человек ощущает, что его жизнь находится вне его контроля. Это чувство особенно характерно для лиц молодого возраста, ощущающих, что другие все делают за них и от них самих ничего не зависит.

3. Безднадежность – когда будущее ничего хорошего не предвещает.

4. Чувство собственной незначимости – когда человек оценивает себя низко, чувствует себя некомпетентным или стыдится себя.

Современный канадский специалист по суицидному поведению Boldt /1976/ выделяет восемь групп повышенного риска самоубийства. К ним исследователь относит: 1) молодой возраст (что отражает значительное учащение самоубийств в последние десятилетия); 2) предыдущие попытки совершить самоубийство; 3) наличие психического заболевания; 4) злоупотребление алкоголем или наркотиками; 5) семейные драмы и трагедии: смерть, развод, серьезные конфликты; 6) наличие тяжелых хронических неизлечимых заболеваний; 7) значительные изменения в жизни: выход на пенсию, потеря работы, синдром "пустого гнезда" (когда дети начинают жить самостоятельной жизнью и покидают семью); 8) аборигенное население и метисы.

Одним из наиболее интересных исследований по суицидному поведению в молодом возрасте, касающимся также вопросов сравнения особенностей саморазрушительного поведения в различных культурах, является работа L. Jilek-Aall /1988/, сотрудника кафедры психиатрии университета в Британской Колумбии (Канада).

Автор обращает внимание на то, что лица молодого возраста в общем более беззаботны, чем люди зрелого возраста. Для молодых людей характерно стремление к опасностям и приключениям. В мифах и легендах всех народов имеются герои, пренебрегающие смертью, жертвующие своей жизнью. В обществах, сохранивших древние традиции, существуют до сих пор ритуалы "посвящения-инициации" в зрелый возраст, во время которых молодые люди должны доказать перед лицом своего племени способность к выдержке, бесстрашие перед смертью.

Однако в настоящее время суицидное поведение у молодых не имеет прямого отношения ко всему этому. Самоубийства происходили, конечно, и в прошлом – у аборигенов Севера, американских индейцев и эскимосов. Старые люди совершали самоубийства, когда они чувствовали свою слабость, физическую несостоятельность, ненужность. Самоубийство могло быть связано с целью избежания плена во время войны, с ритуалами искупления, мести. При всем этом существовала вера в то, что та-

кая почетная смерть гарантирует лучшее место в ином мире. Сегодня потерян какой-либо традиционный контроль над самоубийствами в этих обществах, в преобладающем большинстве случаев они перестали носить альтруистический характер. Основная причина учащения суицидного поведения, по мнению L. Jilek-Aall, как и многих других авторов, заключается в разрушении ценностей традиционной культуры. Мужчины переживают очень сильно потерю роли главных кормильцев, ответственных за обеспечение семьи. У молодых женщин имеются лучшие шансы адаптации в новом обществе, например работа в системе обслуживания, что неприемлемо для многих мужчин. У мужчин возникают большие трудности в конкуренции за место работы. Американские индейцы значительно чаще, чем женщины, совершают самоубийства путем использования огнестрельного оружия или повешения. Жизнь стала скучной: охота, необходимая для самосохранения, приобрела характер редкого развлечения в праздничное время. Телевидение, сконцентрированное на современных американских имиджах: жизни больших городов, психологических драмах, криминальных сюжетах, также способствует отчуждению молодых людей от родителей. Молодые люди предпочитают все вечера смотреть телепередачи, что ограничивает их контакты и эмоциональные связи. Возникает противоречие между относительной бедностью своей жизни и великолепием экранной жизни. У молодых людей развивается состояние, которое W. Jilek-Aall (супруг L. Jilek-Aall) называет "аномической депрессией", представляющей собой нарушение поведения, характеризующееся аномией – отсутствием приемлемых норм управляемого поведения и спутанностью культурной идентичности, хроническим состоянием раздражения и неудовлетворенностью жизнью, отсутствием уважения к себе и цели, потерей надежды на лучшее будущее. Аномия сопровождается также потерей способности культурно приемлемыми способами справляться со стрессовыми ситуациями в жизни, реагировать на обиды, проявить злость. На этом фоне развивается злоупотребление алкоголем, что временно дает возможность забыться, но разрушает семейную жизнь, уничтожает остатки гордости. Растормаживающий эффект алкоголя может приводить к насилию и суицидному поведению. Автор вместе с тем избегает в этом отношении всяких упрощений, столь характерных, к сожалению, для многих наших специалистов по алкогольной проблеме. Она подчеркивает то обстоятельство, что, например, само по себе употребление алкоголя не всегда должно вести к повышению количества самоубийств в молодом возрасте. Так, в Норвегии в последние годы отсутствует параллелизм в росте

употребления алкоголя и суицидном поведении. Норвежский национальный институт алкогольных исследований в 1986 г. распространяет опросник, касающийся употребления алкоголя жителями Осло в возрасте от 15 до 20 лет. В опроснике имеются вопросы об отношении к себе и к жизни в целом. В 1983-1985 гг. 80% лиц в возрасте от 15 до 20 лет, употребляющих алкоголь, оценивали себя как очень или достаточно удовлетворенными жизнью, только 4% — неудовлетворенными. В этом контексте следует обратить внимание на следующую особенность: в большинстве изученных случаев речь шла о лицах, умеренно пьющих, употребляющих алкоголь для получения "социально приемлемого удовольствия", а не для того, чтобы напиться, забыться, уйти от личной обиды и несчастной жизни, в отличие от ситуации, характерной для американских индейцев и эскимосов. В Норвегии, стране с низким показателем самоубийств, обнаруживается ряд социально-культурных и психологических факторов, которые имеют профилактическое значение в отношении суицидного поведения для популяции, и поэтому на них нужно обратить внимание читателя.

В большинстве норвежских семей воспитание традиционное. В нем участвуют мать и отец, домашняя обстановка характеризуется "солидностью", неизменчивостью. У детей воспитывается чувство социальной уверенности, социальной безопасности. Отец, как правило, "дисциплинирован", требует порядка, но в то же время не унижает достоинства детей, воспитывает в них чувство самоуважения, доверия к себе, самостоятельность в принятии решений и действиях. Мать эмоционально теплая, отзывчивая, любящая. У детей воспитывается матерью чувство "нужности", незаменимости. Интересно, что в соседней Дании, где число самоубийств всегда значительно выше, воспитание строится на другой основе: у детей воспитывается сильное чувство вины за неправильное поведение, чувство обязанности "оплачивать" родителям в настоящем и будущем их заботу. Датские матери оцениваются детьми и подростками как сверхзаботливые и ограничивающие свободу в поведении, сдержанные в проявлении чувств, использующие в качестве наказания вызывание чувства вины. Норвежские матери в то же время воспринимаются как позволяющие большую свободу, терпимо относящиеся к эмоциональным детским реакциям. Датские отцы воспринимаются как дистантные, не принимающие значительно участия в воспитании. Норвежские отцы — как авторитетные фигуры, от которых можно многому научиться, хотя можно и быть наказанным.

В Норвегии мы встречаемся обычно с таким явлением, что у лиц молодого возраста присутствует в сознании твердая убеж-

денность в том, что, если они окажутся в кризисной ситуации, им всегда помогут в семье. Уверенность в помощи вместе с тем распространяется не только на родителей или других членов семьи, но и, что представляется очень важным, на соседей, друзей, общественные организации. Последние не воспринимаются как фиктивные, по сути дела неизвестно для чего, во всяком случае не для конкретного человека, существующие учреждения, а как центры социальной помощи "с человеческим лицом". Семейные связи в Норвегии прочнее, чем в Дании, у молодых норвежцев больше "ресурсов" помощи.

В Норвегии с давних времен существует в сознании людей тезис "самоубийство постыдно". Старый норвежский закон рассматривал самоубийство в качестве "бесчестного убийства". К самоубийству относятся как к большому греху перед Богом. Согласно народным верованиям, самоубийцы, так же как и убийцы, не найдут покоя после смерти и превратятся в привидения, представляющие для живых людей большую опасность. В Дании такие идеи не популярны. В этой стране самоубийство рассматривается как признак болезни. Датское общество как бы переносит ответственность за суицидное поведение с семьи на медицинские и психиатрические организации, которые не способны решить все социально-психологические вопросы.

В заключение отметим, что в проблеме суицидного поведения, с нашей точки зрения, нельзя сбрасывать со счетов все же и глубинные, уходящие в народные сказания, мифы, легенды, фольклор, мотивы. Мы неоднократно вспоминали об этой наименее изученной стороне вопроса. Опыт исследований, проводимых на американском и европейском Севере, также свидетельствует в пользу данной гипотезы. Так, например, в мифологии эскимосов и индейцев Севера США существует мотив, что человек, совершивший самоубийство, воссоединяется с его героическими предками. По данным Hochkirchen и W. Jilek /1985/, сама церемония похорон у американских индейцев содержит ритуалы речей, о таком воссоединении, саморазрушительное поведение приобретает "престижный" характер, и лица, его совершившие, становятся идолами лиц молодого возраста. Shore /1972/ обращал внимание на то, что среди детей и подростков индейцев Северо-Запада наблюдаются игры в самоубийства.

Интересно, что на вопрос: "Что значит для тебя быть смелым?" обычным ответом для американских индейцев-школьников является: "Иметь смелость убить себя"

В современном мире в связи с ростом значения проблемы суицидного поведения чрезвычайно актуальны вопросы его пре-

дупреждения. Большое значение в этом отношении имеют, как мы уже говорили, воспитание, обстановка в семье, знание родителями тех условий, которые помогают воспитать человека, резистентного к суицидному поведению, с меньшим риском совершения самоубийства в возникшей тяжелой, даже экстремальной ситуации.

Важна об я гуманизация общества. Всегда нужно помнить, что наиболее эффективное предупреждение суицидного поведения находится в сфере межличностных отношений, во взаимопонимании и взаимной поддержке, в эмпатическом эмоциональном контакте с лицами, находящимися в ситуациях повышенного риска. Даже в случаях психических заболеваний, протекающих с явлениями депрессии (общее угнетение, сниженное настроение, тоскливость), контакт врача с больным, наряду с проводимым психофармакологическим лечением, имеет наиболее важное значение. Очень важно преодоление альянции (отчуждения), одиночества людей с риском совершения самоубийства. В профилактике имеют значение службы психологов, общественные, религиозные организации (например, "добрые самаритяне" в Англии), специальные центры, занимающиеся проблемой. В СССР (Москва) имеется научно-методический суицидологический центр, возглавляемый профессором А.Г. Амбрумовой. При центре функционирует "кризисный" стационар, в который поступают люди, предрасположенные к суицидному поведению и совершившие суицидные попытки. В ряде городов появились "телефоны доверия", по которым круглосуточно могут звонить люди, находящиеся "на краю пропасти". Квалифицированные психологи или психиатры, дежурящие на линии, делают все возможное, чтобы убедить таких людей не совершать непоправимого шага. В Москве имеется кабинет анонимной помощи для подростков с риском суицидного поведения, деятельность которого, к сожалению, мало пропагандируется.

Служба профилактики суицидного поведения, таким образом, еще недостаточно эффективна, и требуются большие усилия всего общества для улучшения ситуации. Необходимо понимать сложный характер проблемы, учитывать культуральные, социологические, психологические, религиозные факторы, правильное использование которых может оказаться решающим для каждого конкретного случая.

В заключение отметим, что в предупреждении, уменьшении риска самоубийств в популяции, в частности среди подростков и лиц молодого возраста, имеет значение уважение в обществе к личности человека. Прошедшие годы характеризовались у нас пренебрежением к личности обычного человека, который

приучался чувствовать себя лишь "винтиком" огромного механизма. Уничтожалось чувство неповторимости, уникальности каждой индивидуальной жизни, представляющей "целую Вселенную". Достаточно вспомнить декларации типа: "я — ничто, мой народ — все", "незаменимых людей нет" и др. Все это приводило к непониманию или недостаточному пониманию ценности жизни взрослыми, которые не могли не оказывать тем самым влияния на своих детей.

Необходимо, чтобы в каждом человеке с детства воспитывались чувства уважения к себе, собственного достоинства, чтобы человек ощущал себя личностью не только в связи с отношением к нему окружающих, а сам по себе, уважал себя, свои взгляды, свой труд, свое отношение к людям и к самой жизни.

ЛИЦО ПРЕВРАЩАЕТСЯ В МАСКУ

Конформистское поведение

- ...Он человек без свойств.
- Что это? – засмеялась Клариса.
- Ничего. Вот именно ничего!

Но Кларису это определение заинтересовало.

– Таких людей сегодня миллионы, – сказал Вальтер. – Это вид человека, который родила современность.

Р. Мюзиль. Человек без свойств

Механизмы конформистских подходов закладываются еще в раннем детском возрасте и являются результатом прежде всего семейного, родительского влияния. Если создаваемый родителями семейный психологический климат определяется терпимостью, уважением к различным точкам зрения, приверженностью к гуманистическим ориентациям, эти черты рано воспринимаются детьми. Если родители характеризуются нетерпимостью, максималистским отношением к жизни, в семье преобладают подчинение и тупое послушание, преклонение и восхищение авторитетами, естественно, что и эти подходы воспринимаются детьми и формируют их отношение к миру. Дети рассматривают обычно своих родителей в качестве всемогущих фигур, способных решить все проблемы, всегда правых в своих высказываниях и суждениях. Дети часто идентифицируют себя с родителями, перенимая их подходы, отношение к жизни, симпатии и антипатии. Во многих случаях дети на интуитивном уровне чувствуют отношение родителей не только к тем или иным конкретным людям, но и к национальностям, конфликтным ситуациям в обществе, они "чувствуют" отношение родителей к искусству, литературе, по-своему тонко оценивают их художественный вкус. Предубеждения, свойственные родителям, могут усваиваться детьми и оказывать на них большое влияние. Об этом убедительно писал известный американский психолог Allport /1958, с. 277/. "В моем наиболее раннем детстве, я припоминаю, что я чувствовал сильный антагонизм по отношению к каждому, кто имел противоположные взгляды и другие симпатии, чем мои родители. Они часто говорили о таких людях за ужином. Я думаю, что меня впечатлял доверительный тон голоса, которым мои родители передавали свои убеждения и осуждали своих оппонентов и убеждали меня в своих всемогущих знаниях".

Такая идентификация с родителями, с принятыми в семье подходами происходит не только на уровне сознания, но включает и более глубокие подсознательные механизмы. Конечно, она более вероятна в случаях, когда между детьми и родителями выражено чувство любви и привязанности. Чувства родителей эмпатизируются детьми и имитируются. Хорошо известно, что дети повторяют мимику, интонации родителей. Если ребенок, "настроенный" на восприятие эмоционального состояния родителей во время разговора о людях, вызывающих у них отрицательное отношение, улавливает эмоциональное напряжение, раздражение или злость, то при похожих ситуациях (разговор на близкую тему или встреча с людьми, чем-то напоминающими осуждаемых родителями) у него также может развиться аналогичное эмоциональное состояние даже без сознательного осмысления этого явления.

Таким образом, конформность по отношению к родителям может стать в дальнейшем серьезным источником предубеждений, в особенности если последние свойственны и близкому окружению. В благоприятных условиях под влиянием людей с другими точками зрения, например в обстановке приемлемости различных взглядов, уважения к людям вне зависимости от их социального, этнического, происхождения, уважения прав человека, такие предубеждения, как правило, постепенно исчезают, иногда приводя к реакциям "бунта", внутрисемейным конфликтам.

В то же время общества или группы людей, находящиеся под сильным влиянием и подверженные фанатическим идеологиям, постоянно рожают и поддерживают чрезвычайно стойкие конформистские подходы. В этих условиях конформистское поведение носит нередко адаптивный защитный характер, с ним связана возможность идентификации с группой, оно обеспечивает условное покровительство лиц, обладающих властью...

Сформировавшиеся в раннем детстве конформистские механизмы способствуют восприятию авторитетных фигур (к которым относят в рамках конформизма лиц, находящихся на высших ступеньках иерархической лестницы) в качестве замены родителей. Послушание расценивается как одна из основных добродетелей, воспитанных в детстве. Критическое отношение к "авторитетам" сопровождается чувством вины и страха перед наказанием, что является постоянным эффективным тормозом, сдерживающим выход за пределы конформистских стереотипов.

Конформистское поведение представляет собой феномен, в котором наиболее выделяются социальная и психологическая стороны. В отличие от аддиктивного поведения медицинский аспект здесь имеет меньшее значение, хотя и может присутст-

вывать, о чем будет сказано ниже. Конформистское поведение мы относим к одному из видов деструктивного поведения в связи с тем вредом, который оно приносит общественному развитию и личности.

Конформизм – одна из форм искусственной, можно сказать неподлинной, жизни. Человек с конформистским поведением избегает контакта с самим собой, не пытается узнать правду о себе, не раздумывает над смыслом существования, у него мало выражено самосознание. Главными в жизни считаются трафаретные, "общепринятые" ценности, рекламируемые средствами массовой информации, в условиях тоталитарных систем – взгляды, индоктринируемые центральным аппаратом пропаганды. Конформисты лишены индивидуальности, стереотипны и предсказуемы в своих действиях. Этот образ жизни для них естественный и единственно возможный; людей, действующих по-другому, они не понимают или считают психически неполноценными. Отождествление всей своей личности с конформистскими подходами приносит им чувство радости и спокойствия. Нам приходилось встречаться с людьми, которые, например, резко отрицательно относятся к гласности и новому мышлению в СССР, раскрытию преступлений прежних периодов, мотивируя это тем, что "раньше жилось хорошо и счастливо потому, что мы ничего не знали о происходящем" Это типичное проявление конформистской установки в жизни и страха оказаться перед необходимостью разобраться в себе и других, критически оценить ситуацию. Ведь конформизм дает возможность автоматически избавиться от необходимости занимать активную позицию, самостоятельно организовывать свою жизнь, он превращает человека в марионетку.

Учитывая социально-историческую обусловленность конформизма, остановимся вкратце в качестве примера на истории немецкого конформизма, так как этот раздел лучше освещен в литературе. Немецкий историк F. Föhrster писал, что "исходной точкой для всех позднейших... конфликтов явился несомненно трактат в Вердене 843 г., согласно которому государство Карла Великого подверглось разделу, а романский мир оторвался от германского мира, оставляя его самому себе и отдавая его во власть собственных хаотических импульсов. Такое положение продолжалось до тех пор, пока... не появились новые организационные силы, которые захватили бесформенную немецкую массу и заняли место прежних культурно-творческих сил латинского мира, приводя германский мир к все большей противоположности, а в конце к явному конфликту с Западной Европой"¹.

¹ Föhrster F. Niemcy a Europa. – Warszawa, 1939. – S. 16.

В отдельных германских княжествах рождалась тирания ничем не ограниченной власти, угнетение населения становилось все более жестоким, свобода подавлялась в самом зародыше, неподчиняющихся безжалостно убивали. Таким образом постепенно сформировался тип немецкого верноподданного.

Анализируя этот период, польский историк Kuczyński /1967, с. 330–331/ пишет: «Все более вырождающаяся культура власти и политики: по существу отсутствовали законы, ограничивающие произвол власти; социальная значимость, а иногда даже существование человека зависели от его "приспособительных" способностей. Возникал политически-психологический климат и комплекс "государства надо всем"; образовывалась чиновничье-бюрократическая система. Каста ловких и послушных исполнителей и военных приобретала решающее значение" Прусачество распространялось не только в Пруссии – почти единственной стране в истории, которая была "собственностью" армии. Прусская власть практически культивировала феодализм. Школой высшего гражданского воспитания стали казармы, где обучали высшему немецкому достоинству – дисциплине. Солдат становился идеалом народа. Формировался послушный народ. Афоризм 1919 г. (Hugon Preuss) – "Самый легкий для управления народ – это немцы". Эта особенность психики в соединении с организационными способностями дает наилучший милитаристский материал». Венгерский философ Lukács писал: «В то время, когда демократические народы Запада вообще рассматривали государство, государственную политику и т.д. как свое собственное дело, требовали от них рациональности, находили собственную рациональность, в Германии дело обстояло совершенно по-другому. Аксиома немецкой историографии: "Вожди делают историю" является только историко-методологической обратной стороной прусско-бюрократического понятия об "ограниченном разуме" подданных, лозунга, брошенного после битвы под Иеной: "Спокойствие – это первая обязанность граждан". В обоих случаях действует только и исключительно "начальство" и то на основе понимания иррациональных самих по себе фактов; обычный смертный, "массовый человек", "подданный" является или безвольным помощником, или объектом, или изумленным наблюдателем действий людей, единственно для этого призванных».

Послушание и дисциплина были особенностями немецкого мещанства, подчиняющими себе другие черты, в результате рождался "моральный", уважающий нормы своей касты фашист, дисциплинированный и организованный враг всего человеческого.

Внешнее принуждение воспринимается добровольно, как избавление от сомнений, успокоение, упорядочение.

Погруженные в старогерманскую и романтическую фантастику, выраженную в музыкальных драмах Р. Вагнера ("самого опасного из всех немцев" в смысле воздействия на коллективное подсознание, по E. Ludwig) (цит. по: /Kuczyn'sky, 1967/), немцы стремятся к внешнему фактору, который успокоит их внутреннюю жизнь.

Совесть ограничивалась субъективным удовлетворением от исполнения долга, при этом морально-этические категории не учитывались. Государство могло делать все, что хотело, пользоваться жертвенным послушанием своих подданных.

По E. Fromm /1941/, слабый и запуганный человек отказывается от интегральности своего "я" и готов "сплавиться" с кем-то из внешнего мира. Мифы, привитые культурой или пропагандой, заставляют искать "magic helper" - магического помощника². Человек-вещь, человек-пушечное мясо, человек из концлагеря - логический путь. Конформизм приво-дил к дезинтеграции социальных связей - соседских, дружеских, семейных: во имя "идеи" сын выдает отца, сосед - доносчик. Чувства доверия, дружбы, любви заменяются мистифицированными понятиями "народ", "государство", "вождь". Эти понятия были вырваны из контекста истинных традиций и нормальных общественных отношений и превратились в мертвые, убийственно холодные божества.

Чем больше укреплялось тоталитарное государство, тем скорее уничтожались горизонтальные межличностные узы - взамен возникало мифическое единство народа, создавалась иллюзия единой общенациональной цели, которая оправдывала любые преступления.

У людей воспитывалось представление, что большинство всегда право, но "большинство" было индоктринировано пропагандой. Многие думали, что большинство является гарантом безопасности личности: "то, во что все верят, должно быть правдой; то, к чему стремится большинство, стоит того и необходимо" Было приятно не думать о своей личной ответственности, уйти в мир безопасного детства, доверить "вождям" свою судьбу, рассматривая их как эквивалент родителей. Профессор-социолог W. Hagemann в 1948 г. писал в связи с этим следующее: "Немецкий народ не является более возбудимым или более глупым по сравнению с большинством других

² Fromm E. Escape from freedom: Rinehart. - N.Y., 1941.

культурных народов, но он не был иммунизирован в отношении воздействия средств гитлеровской пропаганды и/или капитулировал перед ней, или согласился на компромисс. Конечно, не все, в марте 1933 г. их было 44%, но эта кривая росла вместе с успехами..." В фашистской Германии уже не было голосований, наступила интоксикация общества "ядом толпы" (стадное отравление, по выражению известного английского писателя О. Хаксли). Это было состояние, когда опьяненный толпой человеческий индивидуум убегал от ответственности, интеллигентности и принятых норм в какую-то неистовую животную бездумность. (Подробнее на этом вопросе мы остановимся при описании фанатического поведения.)

Таким образом, конформизм воспитывал людей-роботов, способных и готовых в условиях тоталитаризма к совершению преступлений против человечества, не укладывающихся в содержание нормального сознания. К ним относятся военные преступники из немецких концентрационных лагерей III Империи, имена которых стали широко известны миру в связи с судебными процессами, и те, до сих пор безымянные многочисленные убийцы, которые во имя "идей" расправлялись с лучшими представителями своего собственного народа, до сих пор скрываемые за занавесом секретных архивов.

Остановимся подробнее на материалах, которые касаются сравнительно мало известного вопроса "психопатологии" конформизма в его завершенном преступном виде на примере одного из военных преступников — коменданта концентрационного лагеря в Освенциме Рудольфа Гесса. Р. Гесс, как, впрочем, и другие преступники "высокого ранга", подвергался специальным психологическим исследованиям. Данные по исследованиям Р. Гесса находятся в архивах г. Кракова. Известный польский психиатр-гуманист Кемпинский в разделе книги "Ритм жизни" — «Из психопатологии "сверхчеловеков"» обширно цитирует эти материалы. Американский психолог Batawia написал специальную работу о Р. Гессе. Автор замечает, что Р. Гесс "...был индивидуум с очень средним интеллектом, склонным с детства благодаря влияниям среды к мало критическому пониманию явлений и к легкому подчинению всякого рода авторитетам, — такого рода людей мы встречаем очень часто" /цит. по: Kępiński, 1987/.

В психологических исследованиях Р. Гесса, по данным американского психиатра Gilbert /1947/, обнаруживалось "преисполненное рвения скрупулезное усердие" человека, который «стоял всегда на службе у каких-то авторитетов и постоянно исполнял свою повинность — как палач, так и признающийся в

своей вине преступник, который неустанно "жил со второй руки", всегда отказываясь от своей личности», собственное "я" его было потрясающе пустым. Вспоминая о своем детстве, Гесс говорил, что с самых ранних лет в нем воспитывали "глубокое чувство долга". В родительском доме тщательно следили за тем, чтобы все поручения исполнялись точно и безупречно. "Отец воспитывал меня согласно жесткой военной дисциплине... он все время поучал меня, что из мелких внешне ничего не значащих упущений возникает чаще всего большой ущерб".

Давая показания на Нюрнбергском процессе, Р. Гесс отрицал у себя наличие каких-либо эмоциональных реакций при выполнении преступных приказов. Для него было достаточным, что Гитлер и Гиммлер издали эти приказы. В связи с этим Gilbert /1947/³ приводит следующее высказывание Гесса: "Вы разве не понимаете, что от нас, эсэсовцев, не требовалось думать об этих вещах; этого никогда с нами не случилось..."

Подчинение вышестоящему начальнику было превыше всего: "выше Десяти Заповедей, выше симпатии, выше логики" /Allport, 1958/. По выражению Гесса: "Вы можете быть уверены, что не всегда было приятно видеть эти горы трупов и ощущать постоянный запах горения. Но Гиммлер приказал это и даже объяснил необходимость, и я действительно никогда особенно не задумывался, было ли это неправильно. Это просто казалось необходимостью" Согласно Gilbert, Гесс проявлял невротическую степень конформизма. Конформность по отношению к нацистской идеологии и приказам была, естественно, свойственна не только Гессу, но и многим другим членам СС и партии, совершавшим преступления против человечества, не испытывая при этом никаких угрызений совести и сожаления.

Пытаясь защитить себя, оправдать совершенные преступления, Гесс постоянно подчеркивал, что он делал все "не лично и не по собственной инициативе".

Следует обратить в связи с этим внимание на то обстоятельство, что практически все военные преступники утверждали то же самое. Мы встречаемся здесь с преступным конформизмом, порожденным тоталитарной государственной системой, в которой все совершается не по собственной инициативе, а по распоряжению свыше, в том числе и преступления против человечества. Конформистское сознание носит автоматизированный характер, в нем отсутствует чувство ответственности, отсут-

³ Gilbert M. Nürenberg Diary. — N.Y.: Farrar, Straus, 1947. — P. 250, 259.

ствует разграничение между добром и злом, человек становится "винтиком" машины, автоматом, готовым в любую минуту по команде "включиться" и слепо выполнять любые распоряжения, приказ, идущие сверху.

Конформистское сознание характеризуется также значительно представленной конвергенцией в жизненных подходах. Под конвергенцией в психологии понимаются концентрация внимания на какой-либо одной стороне вопроса, функционирование в рамках жестко заданной системы. Конвергенты испытывают затруднения в попытке оценить решаемую проблему с другой позиции, по-новому. В психологических исследованиях конвергенты плохо справляются с решением задач "с открытым концом", где нужно найти как можно больше решений. У них слабо представлены воображение и интуиция. В результате диапазон их видения мира ограничен довольно узкими рамками, обычно выраженные конвергенты не интересны как люди, так как кроме профессиональных тем их ничего не привлекает, а в других вопросах они проявляют невежество или предлагают упрощенные подходы. Конвергенты плохо схватывают юмор, они вообще не любят шутить, воспринимая все "серьезно". Конформисты также в целом отрицательно относятся к юмору. Очевидно, это связано со страхом подорвать авторитет "начальства", которое может оказаться прямым или косвенным объектом шуток, или со страхом самому оказаться смешным в глазах других людей.

Конформистской психике мало свойственны чувства вины, симпатии, сопереживания, как, впрочем, и чувства злости, ненависти. Вообще, эмоциональная жизнь при этом обеднена, межличностные отношения поверхностны. Вот как об этом пишет Musil /1971, с. 186/: "Сегодня ответственность не тяготит уже самого человека, а зависит от взаимосвязей различных дел. Разве не заметно, что переживания сделались независимыми от людей? ...Кто может еще сегодня сказать, что его гнев является действительно его собственным гневом, если столько людей в это вмешиваются и лучше разбираются в его делах, чем он сам? Возник мир самих свойств без человека, мир переживаний без того, кто их переживает, и почти создается впечатление, что в идеальном случае человек не сможет уже ничего пережить индивидуально, а сладкая тяжесть личной ответственности растворится в системе многозначительных формул".

Возвращаясь к анализируемому случаю Р. Гесса, отметим, что тот факт, что он был палачом, преступником, не вызывал у него никакого чувства вины. Невротические реакции

возникали у него не в связи с совершаемыми преступлениями, а в связи с порой противоречащими приказами, поступающими от Гиммлера. Противоречия в приказах подрывали авторитет власти, которая никогда не могла ошибаться. Власть в национал-социалистической Германии требовала от каждого человека подчинения собственных интересов интересам коллектива. Этому способствовали широко пропагандировавшиеся акции среди населения типа "зимней помощи", "воскресных обедов из одного горшка". В сознание каждого человека внедрялась формула: "Du bist nichts, dein Volk ist alles" - "Ты ничто, твой народ - все". От человека требовалось прежде всего послушание, беспрекословное подчинение власти; чем более послушным был человек, тем он лучше оценивался властями.

На одном из зданий концентрационного лагеря в Дахау был вывешен для обозрения заключенных текст следующего содержания: "Существует только один путь к свободе, его вехи называются: послушание - прилежание - честность - порядок - чистота - трезвость - правдивость - жертвенность и любовь к Родине". Издательский смысл текста сочетается с акцентированием конформистских подходов, он рассчитан на конформистское восприятие. Слова приобретают новый, жуткий смысл: послушание - это слепая дисциплина; понятия порядка, чистоты, трезвости, правдивости становятся орудиями безжалостной эксплуатации; жертвенность и любовь к Родине означают полное подчинение и идеализацию тоталитарного государства. Отсутствие этих черт в их гитлеровском понимании расценивалось в III Империи как признак отклоняющегося - девиантного поведения, люди с такими "отклонениями" считались опасными для общества антисоциальными личностями.

Всякий тоталитаризм, в том числе и советский, разрушал человеческую нравственность. Свообразием отечественного варианта тоталитаризма было доведенное до степени абсурда лицемерие. За апелляциями к равенству и единству скрывалось насаждение безликости. Массовые репрессии, уничтожение миллионов граждан в годы сталинщины происходили под аккомпанементы песен типа: "Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек" и, кажется, принадлежавшего Сталину выражения: "Жить стало лучше, жить стало веселее". Массовые репрессии сопровождались восхвалением и фактически боготворением их конкретных свершителей.

Постулировались отказ от личных интересов и максимальное ограничение потребностей во имя служения цели. Если обнаруживалось, что реализация цели расходится с реальностью, на всех уровнях усиливалась "воспитательная работа". Воспиты-

вался "новый человек", лишенный индивидуальности, манипулируемый идеологией и полностью от нее зависимый.

Только внутренняя необходимость, последовательность, умение стремиться к тому, что считается самим собой правильным, справедливым, невзирая на обстоятельства, которые могут быть крайне неблагоприятными, является освобождением от оков конформизма. Каждый человек в своей экзистенции независим и сам принимает решения. Он в состоянии выбирать между добром и злом. Естественно, у всех людей есть обязательства социального характера. Способ участия человека в том или ином сообществе имеет очень своеобразный характер. То или иное сообщество может требовать причинения зла определенным людям в определенных ситуациях. Однако стабильность сообщества и его роль должны строиться не на страхе и репрессиях, а на позитивных ценностях. Необходимо ориентироваться на тот уровень развития социального сознания, который противоречит всем формам существования, не основывающимся на уважении, для каждого индивидуума и каждой группы. Возникает необходимость развития в направлении все более высших форм, основанных на взаимном понимании, уважении друг к другу, благожелательности. Сохранение человечества зависит от успеха этой эволюции.

История содержит достаточно примеров того, что в ситуации, где сфера принуждения и внешней регуляции общественной жизни не оставляла практически места для индивидуальных свобод в области мышления, поведения, позиции, общество платило за это большую цену: вначале появлялась униформизация, далее — застой и застывание.

В современном обществе свобода не может исключать зависимости только тогда, когда состояние зависимости не означает лишения прав, когда человек защищен законом от произвола власти. Гражданин ограничен в своей свободе по отношению к власти необходимостью выполнения определенных обязанностей, обязательств. Однако сама власть должна быть ограничена в своих действиях правами человека, которые она уважает.

Г. Манн портретировал прусских подданных, живущих комплексом власти и безотносительной преданности государству, императору. В романе "Будденброки" писатель показал прогрессирующее духовное банкротство мещанства.

Государственная машина должна была действовать таким образом, чтобы охватить все сферы жизни, и немецкие чиновники скрупулезно выполняли задания тоталитарной системы посредством многочисленных помощников. Бюрократизация обще-

ства происходила посредством не только функционеров, но и добровольных энтузиастов из рядов NSDAP. Политический контроль общества осуществлялся через нее (в 1935 г. один член NSDAP на 26,4 жителя Германии), а также доносителство и слежку; это делали конформные средние жители. Роль конформизма в структуре тоталитарной системы хорошо отражена в статье Т. Kronski "Рассуждения о Гегеле": "Фашизм... хочет быть определенным взглядом на мир... однообразной схемой... чтобы, ответив человеку на все вопросы, раз и навсегда сделать для него невозможным проявление интереса к тому, что не предусмотрено этой схемой. Все, что человек думает, чувствует и делает, определено и изложено. Здесь нет места каким-то отклонениям, поскольку и те в фашистском мировоззрении заранее предвидены и, соответственно, классифицированы. Несчастная человеческая душа, попав в эту сеть, не может решиться на другую реакцию, как на акцептирование схемы, на признание ее правильной" (с. 287).

Тоталитаризм вырос на благоприятствующей для него почве – прусском послушании, слепой подчиненности приказам, формализации – бездумное в своей основе понятие долга, культ власти и государства.

Конформизм "выгоден" лишь на короткую дистанцию. Внешнее давление будет существовать всегда. Нет общества, в котором не было бы наиболее выгодным слушаться власть имущих и во всем с ними соглашаться. Лицемерие приводило к образованию двойной морали: у многих людей, пытающихся адаптироваться к системе, появлялись два "я": "я" для внешнего употребления", т.е. социальное лицо, и "я" для себя и для наиболее близких людей, которым можно было безусловно доверять. Социальное "я" оперировало категориями лозунгов, всякого рода декларациями, цитатами из высказываний "вождей", "преданностью светлым идеалам", безжалостностью к "врагам народа" и т.д. Личное "я" пыталось сохранить какие-то человеческие ценности, найти нишу для себя и своей семьи, найти такую сферу интересов, которая менее всего подвергалась бы индоктринированию. Подобного рода ситуации приводили иногда к серьезному психологическому дискомфорту, росту внутреннего напряжения. В то же время у конформистов социальное "я" сочеталось со стремлением делать карьеру любой ценой, не пренебрегая доносами, предательством, обманом, во всех случаях при этом прикрываясь "идейностью", "патриотизмом" и т.д. Возникала идентификация личности с социальным "я", личные мнения не существовали: они менялись в зависимости от "линии", от очередной передовицы в газете, от изменения "курса"

Одним из своеобразий советского конформизма в периоды большого террора было вместе с тем состояние страха, тщательно скрываемое. Конформисты не были в основной своей массе настолько глупы, чтобы не понимать, что у них нет никаких гарантий личной безопасности. Угроза ареста, увольнения с работы, исключения из вуза постоянно висела в воздухе. Страх приводил к разрыву остающихся межличностных отношений, к осторожности в общении, к необходимости все время "доказывать" свою преданность руководству, официальным взглядам, свою бдительность в отношении всех, кто проявил какое-то отклонение от общей линии.

Таким образом, тоталитаризм способствовал развитию конформизма как общественного подхода. Конформистское поведение способствовало сохранению системы. Чем выраженнее конформистские черты, тем больше возможностей сделать карьеру, подняться "наверх", занять ведущее положение в административной пирамиде.

Сформировавшийся в нашей стране в годы репрессий комплекс страха не исчез бесследно и в настоящее время. Его влияние достаточно сильно проявляется в широко распространенной безынициативности, апатии. Это обусловлено страхом перед личной ответственностью, который оказывается сильнее стремления к работе для пользы дела. Страх потерять выгодное место, разрушить карьеру и одновременно чувство зависти к тем, кто проявляет активность, старается что-то модифицировать, изменить в лучшую сторону. Конформизму свойственно упрощение модели окружающего мира, межличностных отношений. Этот упрощенный подход сочетается с догматизмом, непризнанием и неулавливанием тонких дифференцировок: все делится по полюсному принципу: правильно – неправильно, хорошо – плохо, черное – белое, причем оценка дается в зависимости от принятой, официальной точки зрения. Такой подход, естественно, особенно опасен в структуре тоталитарного общества. Он распространяется в таких системах на все сферы жизни, включая науку, искусство, кино, театр, литературу, средства массовой информации. Кстати, следует подчеркнуть, что средства массовой информации приобретают особое значение в распространении штампов, образцов для подражания или образцов для "непримиримого отношения", "принципиальной" критики и т.д.

Остановимся на нескольких исторических примерах. После прихода Гитлера в власти в Германии в 1933 г. во все учреждения искусств назначают комиссаров по искусству, непременно членов национал-социалистической партии. Посты главных

редакторов издательств, руководителей радиопрограмм, музеев, заведующих литературной частью драматических и других театров занимают партийные функционеры, на которых возлагается ответственность за соблюдение "основной линии" Тоталитарное управление культурой строится на двухзвеневой модели (государство и партия).. Так, министерство пропаганды с его многочисленными секциями (печать, радио, литература, театр, музыка) контролирует эти отрасли, рецензируя и подвергая цензуре все произведения, постоянно следит за текущим репертуаром театров, кино, радиопрограмм. В то же время министерство пропаганды контролируется отделом "идеологической тренировки и воспитания" во главе с А. Розенбергом. "На местах" политика в области культуры направляется гауляйтерами – секретарями NSDAP, обладающими возможностью запрета на любое художественное произведение, не соответствующее "национал-социалистическим идеалам" или лично не понравившееся по разным причинам. Руководитель фашистской пропаганды Геббельс в своих выступлениях подчеркивает, что труд является не личным делом писателя, а "государственной службой" и всецело подчинен воспитанию в духе "национал-социалистической культуры" Любые дискуссии по вопросам культуры не нужны, так как в культуре, как и в политике, все должны придерживаться лишь одного взгляда.

Согласно инструкции министерства пропаганды 1936 г. "абсолютную оценку могут дать только государство и партия"

Главный идеолог национал-социализма А. Розенберг обозначил основной курс NSDAP в отношении культурной политики. В области художественного творчества были осуждены все новаторские направления, выходящие сколько-нибудь за границы своеобразно понимаемого реализма. Гитлер в книге "Mein Kampf" с возмущением писал о таких направлениях в искусстве, как кубизм, футуризм, дадаизм. Ему принадлежит высказывание, что "еще 60 лет тому назад организаторов таких выставок поместили бы в сумасшедшие дома" /цит. по: Drewniak, 1969/. В национал-социалистической Германии в 30-е годы получил широкое распространение термин "дегенеративное искусство" (entartete Kunst); к нему относились все художественные произведения, не укладывавшиеся в принятую схему "чистого подлинно немецкого, выдержанного в национал-социалистическом духе искусства" Под "подлинно немецким" подразумевались возвращение к традициям, культ крови и расы, искусство на службе у политики. Среди ценностей, пропагандировавшихся в III Империи, на первый план высту-

пали национализм, культ вождя и войны, героизм, отношение к труду, "простота мышления". В сознание людей вводились стереотипы "чистоты расы", связи с землей и кровью как наиболее важные для возрождения немецкого духа. Культура оказалась в полной зависимости от идеологии и политики. Основной задачей культурной политики было такое манипулирование культурой, которое позволяло бы максимально воздействовать на сознание и воображение людей в нужном направлении. Один и тот же аппарат занимался культурой и пропагандой. Пропаганда и культура почти приравнивались друг к другу. Приветствовались монументализм и немецкие "народные традиции". Осуждалось "чистое искусство". Постулировалось, что искусство должно "отражать душу народа", и в то же время протаскивалась идея культа силы, расового превосходства, насилия, уничтожения "врагов".

В живописи и скульптуре монументализм соединялся с античной мифологией и примитивным реализмом, ложным классицизмом.

В фашистской Германии пропаганда широко использовала псевдорелигиозные мистически-мифологические подходы, придавая культовый характер всем внешним символам III Империи. Знамя становится, например, своего рода дароносицей, которую следует беречь как зеницу ока, больше собственной жизни. Сочинялись многочисленные песни веры (Glaubenslieder), нацистские поэты упражнялись в писании хоралов, "гимнов веры", дарственных, барабанных, трудовых песен. Культурно-магическое значение приобретают прежде всего портреты Гитлера, которые становятся реликвиями /Orłowski, 1979/. Создается психологический климат верности и религиозной преданности Гитлеру и его отдельным качествам. Ему приписывается архетипное качество "доброго заботливого отца", "всевидающего глаза": "und mögen tausend Menschen von dir stehn, so fühlt doch jeder deinen Blick allein" ("и могут тысячи людей перед тобой стоять, и каждый чувствует на себе твой взгляд"). "Вождь" посвящает себя всем, поэтому все должны быть ему слепо преданы. Здесь человек теряет всякую цену, индивидуум как таковой – ничто, его значение определяется только расовой принадлежностью, подчинением, послушанием и верностью режиму.

Развитию отупляющего конформизма способствует создание "новоязыка", характеризующегося, в частности, широким внедрением стереотипных лозунговых, постоянно повторяющихся выражений с целью "организовать" сознание всех людей желаемым образом. Этот "новоязык" – LTI (Lingua Tertii Im-

perii - язык III Империи) анализировался рядом исследователей /Domarus, 1965; Küpper, 1957; Orłowski, 1975; и др./. Языку была свойственна своя лексика, например технические термины, касающиеся названий различных организаций, служебных титулов (HJ, SS, SA, Wehrmacht, Gauleiter и др.). Многие выражения и термины полностью непереводимы, так как в рамках другой действительности теряют свою специфику и иррациональную нагрузку. Речь идет о таких понятиях, которыми оперировали наиболее часто: Blut (кровь), Führer (вождь), Rasse (раса), Ehre (честь), Glaube (вера), Raum (пространство), Volk (народ), Reich (империя), Kampf (борьба), Fahne (знамя). Эти слова приобретали совершенно особый иррациональный оттенок как сами по себе, так и в связи с возникновением на их основе новых конструкций-понятий или использованием их в специальных словосочетаниях.

Приведем несколько конкретных примеров: Blutbewusstsein (сознание крови), blutsdeutsch (кровно немецкий), fremdblütig (чужой крови). Во всех этих случаях само по себе нейтральное слово "кровь" становится категорией расизма. То же касается и других "ключевых слов". Например, из слова Volk (народ) образуются дериваты типа - Volkseele (народная душа), Volkheit, Volkstum (абстрактные непереводимые термины со смысловой нагрузкой народного единства, объединения).

Часто повторяемые словосочетания носили характер заклинаний, с помощью которых устанавливался тотальный конформизм сознания с мышлением по типу клише. Вот несколько образцов таких сочетаний: Kämpfende Jugend (борящаяся молодежь), ewiges Deutschland (святая Германия), ewiges Volk (вечный народ), eisernes Pflicht (железный долг), deutsches Brot (немецкий хлеб), lichte Zukunft (светлое будущее), stählernes Herz (стальное сердце), Führer und Heimat (вождь и родина), Kampf und Sieg (борьба и победа), Volk ohne Grenzen (народ без границ), Reinheit der Fahne (чистота знамени), Opfer und Treue (жертва и верность), Schwert und Pflug (меч и плуг). Сюда относятся и лозунги типа: "Die Treue ist alles" ("верность это все"), "Wo ein Volk glaubt, da braucht es keine Lehre" ("где народ верит, там не нужно никакого учения"), "Gehorsam ist kein würdeloses Fronen" ("быть послушным - это не унизительная барщина").

Было очень характерно использование противопоставления понятий. Так, "германский дух" противопоставлялся "гнилому

европейскому Западу", "вера и воля" – "критиканству и разложению"; безошибочная народная интуиция – бесплодным мудрствованиям; великая и живая немецкая наука – неполноценной "объективной либеральной науке"; здоровая немецкая литература – "больной литературе"; искусство, "выросшее из народных корней", – "дегенеративному искусству"

В 1937 г. в Мюнхене были экспонированы две выставки: "Великая выставка немецкого искусства" и в качестве "отрицательного примера" – выставка "дегенеративного искусства". Выставку "дегенеративного искусства" в Мюнхене посетило около 2 млн. человек, затем она экспонировалась и в "Доме немецкого искусства" в Берлине, а также в других городах Германии. В каждом городе местные власти добавляли к экспозиции картины местных "выродившихся" художников. В Берлине для особого эффекта среди экспонатов выставили картины, нарисованные пациентами психиатрической клиники, с целью показать, что даже психически больные рисуют лучше, "более точно воссоздают реальность", чем "дегенеративные" художники. Кого же отнесли к "дегенеративным" художникам специалисты по пропаганде и культуре фашистской Германии? Достаточно привести лишь несколько имен:

Оскар Кокошка – известный австрийский живописец и драматург. Его картины экспонируются в крупнейших музеях и галереях мира;

Пауль Клее – известный художник, рожденный в Швейцарии, один из лидеров европейского экспрессионизма;

Георг Грош – всемирно известный художник антиимпериалистического и антивоенного направления, использующий в определенной степени сюрреалистический стиль.

К числу представителей "дегенеративного" искусства были отнесены также Амадео Модильяни, Винсент Ван Гог, Поль Гоген, Марк Шагал, Анри Матисс, Пабло Пикассо. Искусство стремились превратить в одно из средств агитации. Связи с современной европейской, американской культурой запрещались, все "иностранное" расценивалось как отрицательное или "неполноценное". В 1937 г. деятелям культуры и науки Германии было запрещено получать Нобелевские премии; была закрыта секция Пен-клуба немецких писателей. Неподчиняющихся деятелей культуры репрессировали или наклеивали на них идеологические ярлыки и лишали возможности работать. Официальная пропаганда постоянно вколачивала населению "идеалы III Рейха". Для этой цели очень широко использовались дешевые радиоприемники, обычно принимавшие только немецкие передачи: "Каждый немец слушает фюрера с помощью народного радио–

приемника" На улицах городов устанавливались громкоговорители, передающие военные марши, бравурную музыку, песни, восславляющие "великую Германию" и Гитлера. Классический монументализм, "героический реализм", "народная простота", сочетаемые с немецкой мифологией, являлись основными теоретическими канонами, в рамках которых рекомендовалось создавать произведения, "вдохновляющие" и "мобилизующие" соответственно проводимой политике.

Таким образом формировалось общественное мнение, происходило массовое оглушение нации, создавались условия для возникновения унифицированного конформистского отношения к системе общечеловеческих ценностей, условия для развития "нового человека" без воображения, лишенного возможности видеть, слышать и понимать все то, что не укладывалось в навязываемую упорно идеологическую схему.

Другой пример – фашистская Италия. После прихода к власти Муссолини сразу же обратил внимание на необходимость изменения человека, его характера, привычек, жизненных подходов, образа мышления. Новый человек должен был прежде всего *"credere, obedire, combattere"*, т.е. верить, подчиняться и бороться. Верить, подчиняться вождю (дуче), бороться за выдвигаемые дуче идеалы. Предпринимались попытки заставить деятелей культуры поддерживать движение, превратить литературу и искусство в придаток пропагандистской политики. С этой целью большое значение придавалось средствам массовой информации: радио, прессе, кино. Так же как и в Германии, в Италии в 1935 г. было учреждено министерство прессы и пропаганды, было сконцентрировано в одном учреждении управление культурой и пропагандой. Министром был вначале зять Муссолини – Чиано, а затем Дино Альфери. С 1937 г. министерство получает название "Министерство народной культуры", задачей которого является воспитание нового человека – фашиста и объединение всего народа посредством культурно-пропагандистской обработки. В отличие от фашистской Германии современное искусство не осуждалось, однако от него также требовалось включение в официальные установки. Конформистски ориентированные художники-футуристы, например, восхваляли "италианизм" и войну в Эфиопии. В связи с этим они получали ряд привилегий. В целом, однако, в отличие от германского итальянскому фашизму не удалось глубоко проникнуть в сознание популяции и сформировать послушные конформистские слои с тоталитарной идеологией. В связи с этим следует обратить внимание на то, что национальный характер итальянцев резко противоречил тоталитарным концепциям, что наря-

ду с большим влиянием католической церкви имело, по-видимому, определенное значение.

На Московском кинофестивале 1989 г. представлена была ретроспектива фильмов под названием "Кино тоталитарной эпохи. Фильмы времен Гитлера, Сталина, Муссолини 1933-1945 гг". Были показаны, в частности, немецкие фильмы Ганса Штейнхоффа "Юный гитлеровец Квекс" (1933), Лени Рифеншталь "Триумф воли" (1934), итальянский фильм режиссера А. Блазетти "Старая гвардия", советские фильмы - "Бежин луг" С.М.Эйзенштейна и "Путевка в жизнь" Н.В. Экка. Фильм Штейнхоффа основан на повести К. Шенцингера, опубликованной под тем же названием в 1932 г. Фильм повествует о борьбе между берлинскими нацистами и коммунистами. С достаточным реализмом изображается пролетарская среда, что должно было подкупить зрителя. Коммунисты, за исключением отца главного героя, изображены в утрированно отрицательном свете. Главный герой отдает свою жизнь за национал-социалистические идеалы. Задачей фильма являлось воздействовать на пролетарскую среду, изображая в качестве образца для подражания главного героя Хайни (по прозвищу Квекс). Фильм С.М. Эйзенштейна "Бежин луг" основан на известном сюжете о Павлике Морозове, где имя последнего изменено. Герой фильма порывает со своими родителями и погибает от руки собственного отца, жертвуя своей жизнью во имя идеи. Фильм Рифеншталь посвящен съезду NSDAP в 1934 г. в Нюрнберге, сделан по непосредственному поручению высшего аппарата власти нацистской Германии. Отметим, Рифеншталь также снимала фильмы по этой же тематике - "Победа веры" (1933 г.), а в дальнейшем об Олимпийских играх в Берлине 1936 г.

Фильмы ("Праздник народов, или Олимпия 1" и "Праздник красоты, или Олимпия 2") представляли собой монтаж репортажей об Олимпийских играх, и в то же время в них восхвалялись Гитлер и национал-социализм в Германии, сделавший спорт массовым и доступным для каждого. Целью фильмов была в основном пропаганда для заграницы, создание благоприятного имиджа фашистского режима в других странах путем эксплуатации успехов немецких спортсменов на Олимпиаде 1936 г.

Фильм С.М. Эйзенштейна был запрещен еще в не завершенном виде Сталиным, которому, очевидно, не понравилась ассоциация с библейским жертвоприношением Авраамом своего сына Исаака; однако это уже другой вопрос. С.М. Эйзенштейн как выдающийся режиссер не мог не выйти за рамки обычного агитфильма того времени, проиллюстрировав внедряемый в со-

знание людей миф, и снял фильм с человеческими страстями, фиксируя внимание на психологии героев, драме общечеловеческого характера. Это оказалось уже неприемлемым для жестких требований "кристально чистого" классового подхода. В дальнейшем режиссер был заставлен "покаяться", результатом чего была его статья «Ошибка "Бежина луга"». Конформистское поведение, во многом определяемое террором, угрозой физического уничтожения, сменялось таким же поведением, обусловленным уже опасениями совершенно иного характера: лишиться выгодного места, нарушить карьеру, потерять какие-то социальные блага в широком смысле. Такой конформизм оказался характерным для большей части ученых, в частности, в СССР. Появление конформизма среди ученых имеет свою историю. Напомним в связи с этим, что в России с 1836 г. действовал Устав Императорской Академии наук. Этот Устав предоставил тогдашней академии такие права, как, например, бесцензурное издание трудов, бесцензурное получение зарубежных изданий, беспрепятственный вывоз за границу академических изданий и рукописей работ, освобождение ученых от таможенного досмотра. Начиная с 1927 г. Сталин постоянно вмешивался в деятельность Академии наук, менял не менее трех раз ее Устав. Отбор кандидатов в академию стал производиться "при участии широкой общественности", а фактически по назначению партийного аппарата. Сопротивление внедрению в академию намечаемых властью кандидатов еще имело место в 1929 г. С протестом выступали, например, математик А.А.Ляпунов, физиолог И.П. Павлов, славист П.А. Лавров и др. В отношении "непокорных" была организована атака средств массовой информации, использовавших заявления "идуших в ногу со временем" ученых. Так, газета "Ленинградская правда" от 12 февраля 1929 г. выступила со статьей, в которой угрожала "ученым обскурантам" тем, что "рабочий класс... не задумается перешагнуть через них" и через академию. Далее было организовано "дело Академии наук" (1930 г.), когда ряд ученых был обвинен в попытке свержения советской власти и формировании "подпольного правительства". Последовали аресты, высылки многих крупных ученых. Преследования распространялись на все высшие учебные заведения. Становилось все более привычным наклеивание ярлыков "псевдонаучных", идеалистических "вульгаризаторских", "реакционных" направлений представителям науки и их последователям, которые по тем или иным принятым как "единственно правильные" критериям не соответствовали или отклонялись от ожидаемых стандартов. Были ликвидированы, лишены талантливых ученых целые отрасли

науки. Их место занимали люди, угодные аппарату, "прогнозируемые" в поведении, управляемые, впитавшие конформизм как основной жизненный принцип. Поэтому не надо удивляться беспринципности, явлениям угодничества, "чувствам глубокого возмущения", выражавшимся уже в наше время людьми, располагающими, казалось бы, достаточной информацией, запасом знаний и при всем этом поддерживавшими беззакония, направленные против академика А.Д. Сахарова. Этот позорный факт является, к сожалению, лишь верхушкой айсберга конформизма, еще оказывающего леденящее влияние на общественное развитие, извращая сознание населения, выдавая лобую ложь за правду.

Апологеты конформизма многочисленны, они находят для себя обычно моральное оправдание, ссылаясь на собственную дезинформированность, искренние заблуждения. Однако эти люди, как правило, никогда и не пытались разобраться в происходящем, предпочитая "плыть по волне", получать награды, продвигаться по иерархической лестнице, не подвергая себя риску оказаться в опале, попасть в категорию "морально неустойчивых", диссидентов и т.д.

Следует помнить, что глобальные фальсификации невозможны без участия конформизма. Для постоянного фальсифицирования истории тоталитарным режимам необходимы были громадный аппарат, целые армии конформистов.

Приведем с качестве примера несколько фактов из истории гитлеризма. Была создана псевдонаука о расе, не имеющая ничего общего с данными генетики и биологии. Однако теория расового превосходства тут же нашла своих приверженцев, ученых, которые "подтверждали" ее правильность. В школьных учебниках известное стихотворение Гейне "Лорелея" в связи с "неарийским происхождением" автора стало приводиться как "произведение неизвестного автора" или как "Volksliede" (народная песня), и многочисленные специалисты по образованию, преподаватели, деятели культуры "подтвердили" это своим авторитетом, как говорят, "не моргнув глазом", повторяли пропагандистский вымысел.

После захвата Варшавы в сентябре 1939 г. немцы расклеивали плакаты, представлявшие руины города, в сопровождении надписи: "Англия, это твоих рук дело". А в 1940 г. уже

Париже были вывешены похожие плакаты с надписью: "Польша! Это твоя вина". Журналисты Германии, специалисты по средствам массовой информации, при этом фальсифицировали как бы незаметно историю, датируя начало второй мировой войны не 1 сентября 1939 г., а несколькими днями позже — с ми-

нуты объявления войны Германии Англией и Францией в связи с гитлеровским нападением на Польшу.

Таким образом пытались стереть из истории, в частности, воздушный террор против мирного населения в первые дни войны, и причины войны ставились с ног на голову. Такими же фальсификациями сопровождалось нападение Германии на СССР, нарушения международных договоров и конвенций, попытки скрыть массовые убийства в концентрационных лагерях, подводную войну против пассажирских судов и пр. По этому поводу хорошо высказался известный математик профессор Нинго Steinhaus в своем эссе, направленном против тоталитаризма, в 1945 г.: "Для постоянного фальсифицирования истории уже не только прошлых лет, но вчерашнего и сегодняшнего дня необходим огромный аппарат. Обслуживают его профессора истории, дипломаты, агенты, журналисты, специалисты по психологии, агитаторы — целая вторая армия лгунов, идущая за первой армией физического насилия".

Здесь мы встречаемся с печальным явлением, когда в условиях тоталитаризма многие из талантливых людей, стараясь найти выход из окружающей ситуации, вынуждены идти на большие уступки, отречься от своих взглядов и убеждений. Не всегда просто ответить на вопрос о мотивах таких выступлений или публикаций деятелей культуры, писателей, драматургов, которые использовались в качестве обоснования правильности проводимых кампаний и акций. Большое значение при этом придавалось, естественно, признанности, авторитету того или иного автора не только внутри страны, но и прежде всего за рубежом. Так, например, в фашистской Германии, отказавшись эмигрировать, остался классик немецкой литературы Г. Гауптман, творчество которого хорошо было известно и в СССР. В октябре 1940 г. в ленинградском "Новом театре" была премьера пьесы Гауптмана "Перед заходом солнца". В феврале 1941 г. ее поставил театр им. Вахтангова в Москве. Немецкое консульство в Ленинграде и посольство Германии в Москве придавали этим событиям важное значение /Drewniak, 1969/. Это был период после подписания так называемого пакта Молотова — Риббентропа. Из библиотек изымались антифашистские произведения, с экранов исчезли антифашистские фильмы "Профессор Мамлок", "Семья Оппенгейм". В своих выступлениях Гауптман произносил панегирики режиму в том числе и Гитлеру, которому он посвятил целый раздел речи по поводу своего 80-летнего юбилея в 1942 г. J. Koryrowski /1963, с. 95/ в своем эссе о Гауптмане приводит фрагмент этой речи: "Я встретился с честью со стороны наи-

высшей, той великой силы, на которую опирается вся наша судьба, от носителя этой судьбы, происходящего из звезд нашего мира" (Гитлер подарил Гауптману в честь юбилея вазу с регалиями III Империи.)

Перу М. Горького принадлежит написанная в 1930 г. статья под названием "Если враг не сдается, его уничтожают". В ней есть следующие строки: "Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями – против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается – его истребляют". Статья была впервые напечатана в "Правде" 15 ноября 1930 г. и в тот же день в "Известиях" ЦИК СССР и ВЦИК под названием "Если враг не сдается – его истребляют" и использовалась средствами пропаганды вне зависимости от исходных мотиваций и умозаключений автора в качестве морального санкционирования массовых репрессий 30-х годов.

Подводя итог сказанному выше, нам хотелось бы подчеркнуть, что различные социальные системы, разные типы государства могут создавать условия, в большей или меньшей степени благоприятствующие развитию конформистского поведения. В обстановке тоталитарных систем эти условия наиболее благоприятны. "Воздух империи" всегда являлся хорошей питательной средой для развития конформизма. В XX в. в связи с развитием средств массовой информации влияние на популяцию пропаганды стало принципиально новым фактором, облегчающим формирование конформистских подходов. В связи с этим свобода информации, возможность получения информации из разных, том числе независимых от определенных групповых или личных интересов, источников, гласность являются чрезвычайно важными барьерами, ограничивающими развитие конформистского поведения в его различных вариантах в обществе.

Американский политик J. Gardner /1963/ писал, что общество, созревание которого только основывается на том, что всякое действие катится по неменяющимся, сверху предписанным правилам, само вскопает себе могилу... Только в постоянно обновляющемся обществе создаются... условия для зрелости, в пределах которых могут происходить постоянные обновления, инновации, возрождения. По выражению Стендаля, "надо учиться не льстить никому, даже народу"

Конформизм губит творчество. Американский психиатр Carl Rogers в 1959 г. описывал ситуации, когда ученые

или деятели искусства, мышление которых опережает современность, в связи с конфликтом с негармоничной средой не только считаются еретиками, но в некоторых случаях платят смертью за свою неконформистскую позицию.

V. Thompson /1970/ выступил с атакой на государственную и промышленную элиту, враждебную творческому мышлению. Он назвал ее представителей эконологами (*econologists*), поскольку они всегда все новое измеряют вначале экономическими категориями, не учитывая возможностей развития в будущем.

Консервативная педагогика воспитывает конформное "немое большинство", глухое и слепое, которое не хочет замечать того, что не подходит к привычной картине, ранее сформировавшимся взглядам, предпочитает придерживаться приобретенных посредством воспитания стереотипных представлений. Учитель часто вбивает в голову детей образцы, которые уже давно перестали быть значимыми. Применяется метод вопросов и ответов, с требованием "правильных" ответов, т.е. таких, какие соответствуют принятым представлениям. Педагогу следует стараться ставить вопросы, на которые ответ еще не известен, он должен не апеллировать к памяти, а развивать способность к наблюдению, самостоятельному мышлению, воображению ученика. Психолог Foerster из университета штата Иллинойс считает, что "слепые" и "глухие", порожденные неправильным школьным образованием, "не только темны, поскольку не могут видеть, слушать и чувствовать, но вообще не хотят, чтобы было иначе"

Ориентировка исключительно на коллектив ("самое главное — это коллектив") способствует формированию конформизма. Подчинение большинству предполагает пренебрежение личностью, ее особенностями, подавление индивидуальных подходов. Развитию конформизма способствует чрезмерная централизация, продуцирующая образцы-эталоны в области разных сфер жизни (экономика, организация производства, сельское хозяйство, культура, образование, наука и др.). В условиях административно-командной системы предполагается неукоснительное следование этим эталонам на всех уровнях подчинения, во всех регионах без учета местных условий, историко-культурных, этнических особенностей, опыта, приобретенного прежними поколениями. Централизация приводит к подавлению творческой инициативы, пренебрежению ко всему индивидуальному, оригинальному. Неискаженное развитие человека требует удовлетворения по крайней мере трех необходимых условий: свободы, мотивации, безопасности. В условиях выраженной централиза-

ции нарушаются два из них: у человека отсутствует чувство свободы и подавляются конструктивные мотивации, прежде всего в профессиональном совершенствовании. Взамен предлагается гарантия безопасности в виде социальной защищенности в случаях болезни, утраты трудоспособности, старости и т.д., хотя на самом деле эти гарантии оказываются во многом иллюзией. Конформистские подходы пагубны для развития человека, а следовательно, для общества в целом: они способствуют отчуждению чувств, нарушению эмоциональных связей между людьми.

В заключение отметим, что конформистское поведение имеет в некоторых случаях и клинический аспект, относящийся к "малой" психиатрии; этот аспект проявляется у больных истерическим неврозом. Польский психиатр А. Jakubik обращает внимание на то, что конформизм нередко применяется у больных как средство инграциации (вхождения в доверие для получения награды). Jakubik пришел к заключению, что внешне создается впечатление о повышенной внушаемости этих больных, в то время как на самом деле это не истинная внушаемость, а феномен инграциации. Индивидуумы с большой зависимостью от давления окружающих проявляют склонность к конформизму и подчинению давлению группы, а также характеризуются низким уровнем ожидания успеха в ситуациях, требующих общественной оценки их действий. Таким образом, конформистское поведение оказывается одним из видов манипуляционной техники у больных истерическим неврозом.

А.Е. Личко также обращает внимание на проявление конформизма в клиническом плане, приводя данные наблюдений о том, что у лиц, заболевших злокачественной шизофренией, в подростковом возрасте наблюдалась конформная акцентуация личности, т.е. резко представленное конформистское поведение. Можно высказать предположение, что в подобных случаях конформистские установки возникали в связи с какими-то переживаниями тревоги, экзистенциального страха, которые иногда являются предвестниками развития психоза, и были таким образом защитной реакцией, помогающей временно частично адаптироваться к психологически дискомфортным состояниям.

ЕСЛИ ИДЕЯ ПОДМЕНЯЕТ ЖИЗНЬ

Фанатическое поведение

Нельзя, упаси Боже, жить совершенно без идеи, но правильным делом является сохранение равновесия между отдельными идеями, своего рода "balance of power".

Р. Мюзиль. Человек без свойств

Как мы уже указывали в начале книги, фанатическое поведение обусловлено слепой приверженностью к какой-либо идее, доктрине, нетерпимостью к иным взглядам и точкам зрения. Фанатическое поведение может отмечаться у одного человека, но оно имеет опасное свойство, которое называется "инфекционностью", т.е. способностью передаваться другим людям, большим группам населения, захватывая их умы и воображение, приводя к непрогнозируемым, нередко социально опасным и деструктивным действиям.

Различные формы фанатического поведения известны из истории. Оно характерно, например, не только для раннего, но и для позднего средневековья и распространилось и на Новое время. Мы имеем в виду, в частности, массовые процессы колдуний. Это явление возникло уже в XVI в., после открытия Колумбом Америки и после Реформации Лютера. Массовая эпидемия этих процессов охватила как традиционно католические, так и захваченные протестантской реформацией страны. Иммунными в отношении процессов оказались православные государства. Процессы колдуний не наблюдались и в мусульманских странах (например, в Турции).

В основе явления находились идеи, не имеющие ничего общего с христианской религией, а опирающиеся в какой-то степени на суеверные представления о "нечистой силе", ведьмах, заговорщицах, женщинах с "плохим взглядом" и др. Эти суеверия были с языческих, кельтских периодов распространены среди населения, однако ранее они не приводили к массовой "охоте на ведьм". Так, в повести "Метаморфозы" Апулей (ок. 124 г.н.э.) описывает женщину, смазывающую свое тело особой мазью и приобретающую в результате этого способность к полетам в воздухе. Апулей описывает злых колдуний в виде старых женщин, превращающихся в волков и других хищных животных, нападающих на людей и разрывающих их на куски, пьющих человеческую кровь. Упоминания о суеверном страхе перед ведьмами встречаются и у Петрония. Отзвуки этого

явления сохраняются и до настоящего времени. Так, в преданиях некоторых африканских племен колдунья превращается в птицу и ночью летает на встречи с другими колдуньями, в то время как ее тело остается в хижине. На своем слете колдуньи пьют кровь и едят человеческое мясо. Интересно, что все это происходит "магическим" образом, т.е. поедается не само мясо, а как бы его душа. Человек, поедаемый таким образом, начинает болеть и вскоре умирает /Baschwitz, 1963/.

В раннем средневековье христианская церковь решительно выступала против суеверий, связанных с ведьмами. Здесь можно привести решение Синода в Падерборне (785 г.), созванного Карлом Великим, согласно которому подвергались смертной казни лица, обвиняющие мужчину или женщину в том, что они являются колдуном или колдуньей. В епископском Каноне (906 г.) имеется инструкция, согласно которой те, кто верит шабаши, полеты ведьм и т.д., "отходит от настоящей веры и возвращается в язычество". Положение начинает постепенно изменяться в связи с появлением в начале XIII в. инквизиции — постоянной организации, задачей которой являлась борьба с ересями. Папа Иннокентий III поручил епископам вызывать инквизиторов для проведения расследований. В дальнейшем инквизиторы подчинялись только римскому папе. Император Фридрих II придал инквизиции формально-правовую светскую власть, в своих декретах он постулировал необходимость оказания содействия инквизиции в преследованиях еретиков местными властями. В преследованиях и процессах еретиков, к которым относили, в частности, катаров¹ на юге Франции, в Провансе, все более часто появляются обвинения наряду с ересями в колдовстве, "чарах", магии. Так, например, в 1335 г. в Тулузе происходил судебный процесс. Перед судом инквизиции предстали 63 мужчины и женщины, обвиненные в ереси. Их заставили признаться также и в том, что они летали на Пиренейские горы и молились перед Сатаной, являвшимся в образе черного козла, предавались разврату с чертями, а также поедали новорожденных детей. Тенденция к усилению обвинений в колдовстве становится со временем все более отчетливой, хотя вплоть до конца XV — начала XVI в. не носит характера всеобщей эпидемии. Однако почва оказывается подготовленной. Жесточайшие преследования еретиков сочетаются с торжественной обряд-

¹Катары (греч. *katharós* — чистый) — религиозные секты, призывающие к аскетизму, обличающие католическое духовенство.

ностью, с целью произвести глубокое впечатление на массы. Инквизиция становится инструментом фактически политического террора. В Испании инквизиция служила укреплению королевской власти. Ересью объявлялось все то, что не соответствует интересам короны, даже столь далекие от религиозных вопросов поступки, как незаконный выезд и провоз товара за границу, непослушание власти, неуважительное высказывание о ней и т.д. Испанская инквизиция устраняла от власти даже епископов, неугодных королевской семье. Протесты папы во внимание вообще не принимались. В течение 40 лет деятельности инквизиции только в Севилье сожгли на костре около 4 тыс. человек. Будучи 18 лет (с 1483 г.) на посту главного инквизитора Испании, Томас де Торквемада отправил на костер свыше 16 тыс. человек.

Следует отметить, что в других странах вплоть до начала XVI в. деятельности инквизиции, прежде всего в области борьбы с колдовством и чарами, оказывается большое сопротивление. Так, можно привести в пример Инсбрук, где местный суд отказал инквизиторам в просьбе применить пытки по отношению к обвиняемым женщинам и вернул им свободу. Епископ Бризена Голзер, выслушав выступление инквизитора на одном из судебных разбирательств, посчитал его "старчески слабоумным" и приказал вернуться в свой монастырь (1486 г.). Архиепископат Кельна (где функционировал небезызвестный инквизитор Я. Шпренгер), некоторые деятели церкви выступали с протестами против деятельности местной инквизиции. Нужно отметить, что архиепископат Кельна в течение более полутора века сопротивлялся проведению процессов колдуний. Тирольский сейм в 1487 г. обвинил инквизиторов в поведении, "нарушающем всякие божеские права и принципы веры"

Ситуация во многом изменяется после появления книги инквизиторов Г. Инститориса и Я. Шпренгера "Молот ведьм" (1486г.) и ее все большего распространения в связи с многочисленными переизданиями (около 15 в Германии, 11 во Франции, два в Италии. В Англии за период с 1584 по 1669 г. появилось шесть изданий книги). Книга пропитана ненавистью к женщинам, которая носит бредовый характер. Все женщины вызывают подозрение вне зависимости от их возраста, вида занятий, общественного положения. Монахиня подозрительна потому, что дьявол особенно любит соблазнять монахинь. Веселая жизнерадостная девушка, конечно, также явится его легкой добычей. Женщина, которая редко ходит в церковь, может общаться с дьяволом; в то же время женщина, которая часто ходит в церковь, должна быть тщательно наблюдаема, так как не исклю-

чено, что делает это для маскировки своего истинного лица. Женщины, молодые и старые, вступают в половые связи с чертями, они пожирают детей или отдают их дьяволу. Повивальные бабки крестят детей именем Сатаны, и девочки сразу же таким образом становятся ведьмами. Последствия такой пропаганды не замедлили себя ждать: по мере нарастания эпидемии охоты на ведьм учащались случаи сжигания на кострах девочек вместе с матерями.

Спротивление этому виду социального безумия существовало: разумные, не подверженные индуцированному бреду люди выдвигали различные логические аргументы, опровергающие нелепые утверждения. Так, в 1505 г. францисканский монах С. де Кассини назвал авторов "Молота ведьм" еретиками, которые доверяют языческим суевериям. Флорентийский юрист Понцинибио осудил процессы колдуний, называя их противоправными, подчеркивая, что признание вины не является ее доказательством. Однако инквизиция имела реальную власть, и ее поддерживали как фанатики, так и боящиеся за себя и свое положение конформисты. Авторы "Молота ведьм" в предисловии к книге предъявляли обвинения той части духовенства и светской власти, которая не поддерживала их взгляды. Приведем характерную цитату: "Случаются поскольку такие пастыри и проповедники... которые не колеблются утверждать и заверять публично, что ведьмы не существуют или же не занимаются никакой деятельностью, которая может причинить вред живым существам, а следствием этого является то, что эти легкомысленные утверждения лишают иногда... основания для наказания ведьм..."²

Процессы колдуний нарастали и производились согласно предписаниям, содержащимся в "Молоте ведьм" Для получения признания были дозволены все средства, включая применение жесточайших пыток. Чем отличались инквизиторские процессы от нормальных правовых процедур? Прежде всего тем, что обычное судопроизводство ищет доказательства виновности подсудимых, опираясь на действительные факты, что, кстати, было характерно для юридических норм Римской империи. Здесь недостаточно признания вины самих подсудимых. В то же время инквизиционный процесс, естественно, не мог опираться на факты, которые отсутствовали, а также на объективные доказательства. "Признание" вины являлось наиболее важным элементом процедуры, и все делалось для того, чтобы заставить человека

²Baschwitz K. Czarownice. Dzieje procesów o czary. — Warszawa, 1971. — S. 83.

признаться в совершении инкриминируемых ему действий и, кроме того, придумать еще кое-что от себя. Для инквизиции была характерна секретность дознания. Обвиняемому обычно не сообщали, кто написал на него донос, его не знакомили с показаниями свидетелей. После ареста, во время первых допросов, обвиняемому не сообщалось содержание обвинения, его заставляли вначале "самого во всем признаться" и выдать своих сообщников. Для этого использовались психологическое давление и пытки. Таким образом, круг обвиняемых постоянно расширялся. Защищать обвиняемых было очень опасно, так как сразу же возникала реальная угроза ареста защитника и его близких. Всячески поощрялось доноительство: населению за доносы предлагались награды, которые поступали из имущества, конфискованного у обвиняемых. Инквизиция превратилась в своего рода идеологическую полицию, государство в государстве, находящееся вне закона и совершающее массовые преступления.

Фанатические идеи колдовства первично шли не из народа, инициаторами их распространения являлись просвещенные для того времени люди, многие из которых были достаточно компетентными в других областях, хорошими профессионалами и т.д. Нередко возникала казалась бы парадоксальная ситуация, когда люди, преследующие колдуний, не только не выступали против научных открытий того времени (XVI, XVII вв. — начало XVIII в.), но и способствовали прогрессу в этих областях знаний. Более того, известны случаи, когда имело место злоупотребление научными достижениями, чтобы с помощью псевдонаучных доказательств показать правильность своего абсурдного бреда /Baschwitz, 1963/. Следует подчеркнуть тот факт, что коллективный психоз охватил людей независимо от их интеллектуального и образовательного уровня. В процессах над колдуньями проявилась важная особенность фанатического поведения — охваченные им люди вели себя таким образом, что их поведение оказывалось совершенно несовместимым с их взглядами, способом мышления по отношению к другим явлениям. Это наиболее ярко выступало, когда речь шла об уважении к законам, правилам поведения, гуманистическим подходам. Люди с фанатическим поведением демонстрировали как бы расщепленное сознание, два "я" в одном человеке: одно — иррациональное, охваченное коллективным безумием, другое — нормальное, функционирующее в границах здравого смысла.

В задачу настоящей книги не входит подробное описание периода "охоты на ведьм", нас интересуют здесь прежде всего общие закономерности, характерные для фанатического поведе-

ния в разных формах проявления. К числу таких общих закономерностей относится механизм возникновения подобных явлений. Достаточно распространена ошибочная, с нашей точки зрения, концепция, что причиной процессов колдуний была необразованность или глупость людей. Однако, как мы уже подчеркивали, фанатическими идеями были охвачены прежде всего образованные, логически мыслящие люди, которые обладали достаточными знаниями, чтобы разобраться в несуразном характере предъявляемых обвинений, однако "включения" такого прозрения не наступало. Было бы неправильно исходить из положения, что появление фанатических идей и их реализация возникают самопроизвольно, в связи с внезапным взрывом, идущим из глубин подсознания. Подсознание здесь имеет, очевидно, большое значение, о чем речь пойдет дальше, но сами по себе подсознательные механизмы не оживают, не прорываются наружу. Их прорыв провоцируется преступной демагогией лиц, обладающих способностью стимулировать и оживлять глубоко скрытые механизмы и использовать эти разрушительные силы в своих целях. Многочисленные примеры процессов колдуний показывают, что для их организации требовались специальные усилия "свыше", направленные на оживление преступных инстинктов; когда это не удавалось, преследования продолжались недолго и затухали. Факторами, способствующими террору, были нарушение существующих законов, введение исключительно положения, что лишало человека даже той незначительной правовой защиты, которая в то время существовала и была в определенной степени связана с принципами римского права.

В процессах "охоты на ведьм" участвовали, как уже указывалось, не только фанатики, но и конформисты, проявляющие различную степень активности в зависимости от обстоятельств.

Необходимо в то же время подчеркнуть, что наряду с религиозным фанатизмом существует и атеистический фанатизм. Атеистический фанатизм постулирует идею абсолютного отрицания религиозных подходов, религия рассматривается как наибольшее зло, препятствующее решению всех социальных проблем, прогрессу. Атеистическому фанатизму присуща "вера" в интеллектуально-нравственное превосходство атеистов над верующими. Выражением атеистического фанатизма являлось преследование верующих, служителей культа, циничное издевательство над чувствами людей, их традициями, привязанностями, системами внутренних ценностей, выражающееся в различного рода ограничениях, прямых или косвенных запретах религиозных обрядов, разрушении церквей, соборов, монастырей, превращении культовых зданий в амбары, спортзалы, пивные заво-

ды и т.д. Атеистический фанатизм очень часто был обусловлен глупостью, отсутствием достаточной культуры, гуманистического воспитания, однако возникновение атеистического фанатизма не носило, естественно, самопроизвольного, "автоматического" характера, а являлось следствием определенной политики и целенаправленной пропаганды в условиях изоляции населения от каких-либо альтернативных источников информации, когда в обстановке нарастающей дегуманизации высшей правдой и откровением объявлялись высказывания "вождей" и постановления аппарата.

Что же все-таки можно сказать о психологических механизмах возникновения фанатического поведения? Поиски ответа на этот вопрос в отечественных руководствах по психологии обречены, к сожалению, на неудачу. Эти проблемы так же, как и проблемы аддикции, оказались вне интересов академической психологии. Нам представляется, что можно приблизиться к пониманию психологических механизмов фанатического поведения, обратившись к некоторым работам известного швейцарского психолога Карла Густава Юнга, в особенности его теории об "архетипах коллективного подсознательного". Эта сторона исследований Юнга не получила до сих пор достаточно широкого освещения в русскоязычной литературе. В связи с этим мы остановимся подробнее на понятии архетипов коллективного подсознательного применительно к механизмам формирования фанатического поведения.

Согласно представлениям Юнга, в человеческой психике следует выделить три основных "слоя", или структуры: сознание, индивидуальное подсознание и коллективное подсознание. Индивидуальное, или персональное, подсознание представляет собой более или менее поверхностный слой подсознания. В сфере индивидуального подсознания находится, например, все то, что хранится в нашей памяти, но о чем в данный момент мы не думаем, не вспоминаем; это могут быть события недавнего времени, которые сравнительно легко вспомнить при желании, отдаленные события и давно забытые эмоциональные состояния, вытесненные из сознания, которые вспомнить труднее или это возможно лишь с помощью специальных психологических подходов: максимального сосредоточения внимания, в состоянии гипнотического внушения и др. Находящиеся в структуре индивидуального подсознания содержания могут частично воспроизводиться в сновидениях: например, человек во сне видит обстановку раннего детства, "находит" в памяти давно забытые предметы, игрушки, картины и т.д. Согласно Юнгу, индивидуальное подсознание покоится на более глубоком слое, ко-

торый не связан непосредственно с индивидуальным опытом человека, т.е. не является его личным приобретением в течение жизни, а носит врожденный характер, переданный по наследству от прежних поколений. Этот более глубокий слой Юнг называет коллективным подсознанием. Термин "коллективный" обозначает в данном случае то, что эта часть подсознания не индивидуальна, а универсальна: в противоположность индивидуальной психике в ней содержатся элементы, более или менее присущие всем людям, т.е. здесь представлены содержания суперличностной природы. Как мы уже указывали, содержания индивидуального подсознания сравнительно легко воспроизводимы, их всегда можно обнаружить. Комплексы, находящиеся в индивидуальном подсознании, носят главным образом чувственно окрашенный характер, они представляют индивидуальные особенности психической жизни каждого конкретного человека и различны у разных людей.

Содержания коллективного подсознания Юнг называет "архетипами". Архетипы не обусловлены приобретенным личным жизненным опытом; в отличие от индивидуального подсознания содержание коллективного подсознания никогда ранее не находилось в сознании, а находится в психике исключительно благодаря наследственности. Что представляют собой архетипы? По Юнгу, архетипы являются определенными формами в психике, которые носят коллективный, универсальный и безличностный характер, идентичный у всех людей. Архетипы в определенных ситуациях могут прорываться в сознание и придавать определенную форму некоторым психическим содержаниям. Архетипы близки к наследуемым инстинктам. Как известно, инстинкты также носят безличностный, универсальный, наследуемый характер, они представляют собой специфические физиологические мотивационные силы, оказывающие влияние на сознание человека, зачастую в скрытом, замаскированном виде. Согласно Юнгу, архетипы представляют собой как бы подсознательные имиджи (образы) самих инстинктов, т.е. являются матрицами психологии инстинктивного поведения. Архетипы оказывают достаточно часто большое влияние на "я" человека, это влияние вызывает состояние беспокойства, эмоционального напряжения, тревоги. К архетипам такого рода относятся "тень", "анима" и "анимус". Наиболее "близким" к индивидуальному подсознанию архетипом является архетип "тени". "Тень" — это вторая, скрытая сторона человеческой психики. Человек обычно не стремится познать эту скрытую сторону, для этого нужны определенные моральные усилия, так как "тень" представляет "темную" сторону личности. Самопознание невозможно без распознавания

и анализа "тени" "Тень", по Юнгу, представляет собой наше низшее существо – то, что хочет делать все те вещи, которые человек не позволяет себе делать. Как в известной повести Стивенсона: мистер Хайд по отношению к доктору Джекиллу. У человека возникают смутные ощущения "тени" в тех случаях, когда он бывает в состоянии ярости, гнева. Оправдываясь после совершения какой-то грубости или неадекватности, нередко говорят: "Я был вне себя", "Я не знаю, что на меня нашло". "Нашла" на человека именно "тень" – примитивная неконтролируемая "анимальная" часть психики. В определенных случаях может возникать своеобразная материализация "тени" путем проекции ее на другого человека. В случаях, если к кому-либо возникает необъяснимое логически отрицательное отношение, возможно, оно связано с отрицательным отношением к собственной "тени", распознаваемой у другого человека. В "тени" имеется кое-что из индивидуального подсознания, как, например, эмоции и желания, несовместимые с моральными установками, – все то, что человек не хотел бы знать о себе самом. В то же время "тень" представляет собой нечто более глубокое, чем индивидуальное подсознание, так как она присуща в каком-то смысле всем людям. "Тень" затрагивает и область коллективного подсознания, эти ее стороны могут выражаться в понятиях "зла", "дьявола", "колдовства" и др. Человек не может существовать без "тени". Существует старое выражение: "Человек без тени – дьявол". Очевидно, здесь имеется в виду то, что, если человек кажется слишком хорошим, без всяких изъянов, следовательно, у него имеется очень сильная скрытая отрицательная "дьявольская" сторона.

Мы говорили о том, что "тень" может проецироваться на других людей. При этом важно понимать, что человек, осуществляющий такую проекцию, находит в других людях ряд отрицательных свойств, ненавидит их, не отдавая себе отчета в том, что он проецирует на них часть своих собственных, скрытых от него самого психических характеристик. Здесь не важно, насколько такая ситуация может казаться очевидной нейтральному наблюдателю, чрезвычайно трудно или невозможно убедить в этом людей, осуществляющих такие проекции. Нельзя забывать, что проекция осуществляется не сознанием, а подсознанием. Результатом таких проекций является изоляция человека от его окружения, так как при этом нарушаются реальные отношения с людьми, они заменяются иллюзорными, насыщенными ненавистью представлениями, не отражающими объективной реальности. Мир становится, таким образом, отражением части своего скрытого подсознательного "я". Отрицательное

отношение к людям распознается последними и, естественно, вызывает соответствующую реакцию. В результате болезненная проекция находит "подтверждение" и возникает порочный круг, разорвать который чрезвычайно трудно. Многие драмы и трагедии в жизни человека оказываются связанными с этими механизмами.

Проекции, осуществляемые подсознанием, не ограничиваются "тенью", возможны проекции более глубоких, относящихся еще в большей степени к коллективному подсознанию архетипов "анима" и "анимус". Эти архетипы связаны с полом. Архетип "анимус" имеется у женщин и представляет их глубоко подсознательную мужскую часть, так же как у мужчин имеется архетип "анима", представляющий соответственно женскую часть их психики. В повседневной жизни мы встречаемся нередко с какими-то мужскими чертами характера у женщин и с женскими чертами характера у мужчин. Наиболее женственные женщины нередко проявляют большой интерес и способности к типично мужским занятиям, например военной карьере. Наиболее мужественные мужчины проявляют поразительную нежность к детям, могут быть очень сентиментальными, чувствительными. Такая скрытая женственность у мужчины является, по Юнгу, одним из аспектов его "анима", латентная мужественность у женщины, в свою очередь, — одним из аспектов архетипа "анимус". В чем проявляются эти архетипы в жизни человека? Как происходят их проекции? Рассмотрим эти вопросы вкратце на примере архетипа "анима". Анима представляет собой неопределенный, элюзивный (ускользающий), меняющийся, не поддающийся точному описанию имидж, который отражает уходящий в глубину прошлого опыт восприятия мужчиной женского образа. Образ анима проецируется мужчиной на реальных женщин. В детстве анима проецируется сыном на мать, которая в связи с этим воспринимается как обладающая необыкновенной магической силой и способностями сделать все невозможное. В детстве, таким образом, имидж оживает, становится впервые сознательным и осязаемым. Восприятие матери ребенком не представляет собой точного отражения ее действительных характеристик, ее поведения, но определяется также внутренней способностью продуцировать имидж анима. В процессе последующей жизни имидж анима проецируется на различных женщин. И здесь заключается опасность подсознательных глубинных проекций. В огромном большинстве случаев мужчины не понимают, что они проецируют на определенную женщину свой собственный внутренний образ анима, а женщина, на которую осуществляется проекция, может совершенно ей не соответ-

вывать. Отсюда в последующем возникают разочарования, конфликты, драматические ситуации. Имидж анима имеет особенности архетипа коллективного подсознательного, которые повторяются в различных эпохах.

В соответствии с тем или иным периодом развития общества, естественно, происходили определенные изменения, однако основные характеристики анима носят "сквозное", проходящее через различные временные периоды содержание. К ним относится, в частности, следующее: проецируемый образ представлен женщиной необычно красивой, обладающей каким-то особым скрытым знанием, важной тайной, скрытой мудростью, большой внутренней силой. В ней присутствуют всегда две стороны – светлая и темная. С одной стороны она нимфа, богиня, благородная, чистая фея, с другой – злая колдунья, совратительница, женщина-вампир, карающее божество, сирена. В художественной литературе анима нашла отражение как "роковая женщина", в народных преданиях, легендах и сказках – как русалка, нимфа, в древнегреческой мифологии – как эриния, медуза Горгона. Чрезвычайная сила анима связана с ее глубинным подсознательным происхождением. Проекция этого образа, как уже указывалось, происходит на разных конкретных женщин, но при этом следует обратить внимание на одно важное обстоятельство: существует тип женщин, на которых проекция анима более вероятна и происходит более часто. Такие женщины как бы имеют притягательные точки для проекции на них имиджа анима. Это женщины, в которых ощущается таинственность, многозначительность, неопределенность, чувствуется что-то скрытое, недоговоренное. Существуют способы поведения, очевидно интуитивно выбираемые, которые усиливают вероятность таких проекций.

Проекция анима может приводить к драматическим событиям. Мужчина под влиянием этого механизма оставляет семью, разрушает карьеру, сокращает себе жизнь, связываясь с женщиной, которая ему совершенно не подходит. Мужчина влюбляется "с первого взгляда" и сразу же "знает", что "она" – его единственная избранница. Мужчина чувствует при этом, что он знал эту женщину всю свою жизнь, но не мог ранее найти ее. "Придя в себя", он не может обычно понять, что с ним случилось, он был "как бы не в своем уме". Единственной помощью в таких состояниях является осознание хотя бы формально-рациональное, что все это является проекцией своего собственного внутреннего образа на случайного человека. Анима имеет и положительные стороны, проекции не всегда бывают неудачными, в результате удачных проекций заключаются счастли-

вые браки. Анима помогает человеку "почувствовать" глубину своего подсознания, сторону жизни, не поддающуюся логическому анализу. Положительная функция анима проявляется, если мужчина воспринимает серьезно настроения, чувства, ожидания, обусловленные ее влиянием, и пытается воплотить их в творчестве – в живописи, литературе, музыке. Настоящие произведения искусства создаются при участии подсознания.

Подобные же развития возникают при проекции "анимуса" у женщин на мужчин, в процессе чего женщина не видит в конкретном мужчине реального человека, а видит в нем только то, что себе представляет. Это также приводит к нарушениям межличностных отношений после того, как наступает прозрение. Анимус так же, как и анима, проявляется в двух видах – хорошем и плохом. Негативный анимус выступает как демон смерти, грабитель, убийца, Синяя Борода, тайно убивающий своих жен в скрытой комнате. Позитивный анимус выступает в виде заколдованного принца, хорошие качества которого скрыты от всех, кроме нее, в качестве смелого, готового на все жертвы мужчины, благородного, не понятного никем героя и др.

Одним из следующих архетипов коллективного подсознательного является архетип, получивший название "старый мудрый человек". Этот архетип представляет серьезную опасность и может выступить в различных образах: в образе героя, мудреца, рыцаря, спасителя, всемогущего, никогда не ошибающегося, сурового, но справедливого отца. В случаях, когда происходит овладение психики человека этим архетипом, возникает чувство обладания необычной силой, даром исцеления, способностью прогнозировать развитие событий и т.д. Вера в свои возможности может быть настолько сильной, что окружающие такого человека люди начинают некритично относиться к нему, верить в его силу и возможности. Такое сильное воздействие нередко оказывается деструктивным. Нельзя забывать, что такой "захваченный" архетипом человек вовсе не обладает теми качествами, которые он в себе чувствует и в которые верят окружающие его люди. В ряде случаев прорыв архетипа "старого мудрого человека" происходит в связи с развитием психического заболевания.

Архетип "старого мудрого человека" может быть спроецирован на людей, интуитивно умеющих воздействовать на глубинное подсознание. Такие лица оказываются лидерами различных, зачастую очень больших групп с сектантскими программами, руководителями экстремистских движений, террористических организаций, стран с тоталитарным режимом. Люди, проецирующие на подобного лидера архетип "старого мудрого человека",

становятся фактически жертвой явления, которое можно назвать коллективным психозом. Проекция сопровождается выраженным сужением сознания, лишением его сложных эмоционально-интеллектуальных содержаний, свойственных человеческой личности. Лидеры используют формы поведения, усиливающие проекцию "старого мудрого человека". К ним относятся, например, многозначительный вид, молчаливость, немногословие, редкое появление перед общественностью, народом, использование в выступлениях "простых" выражений, формальной логики, которая направлена на однозначное упрощенное понимание сложной ситуации, на манипулирование таким образом массовым сознанием. С этой целью нередко обращаются к "народной мудрости", стараются вызвать чувство "своего", "одного из нас", но вместе с тем непогрешимого, мудрого "отца родного", который лучше всех все видит, понимает и направляет народ на единственно правильный путь. Сформированная проекция приводит к тому, что многие люди перестают уже видеть в таком идоле реального человека, оценивать сколько-нибудь объективно его действия. Внутренний сложившийся образ оказывается сильнее реальности. На этой подсознательной эмоциональной основе оправдываются любые ошибки и преступления. Морю пролитой крови, физическому и духовному геноциду противопоставляются при этом ссылки на "объективную" неизбежность, словесная шелуха формально-логических конструкций, судорожные попытки любой ценой скрыть или отрицать очевидные факты.

Архетипная проекция резко усиливается в тех случаях, когда люди находятся в толпе. Существует даже выражение "яд толпы", впервые употребленное, по-видимому, Олдосом Хаксли. Толпа, как известно, повышено внушаема, люди взаимно индуцируют, возбуждают друг друга. Умелое воздействие на подсознательные механизмы ораторствующего лидера способно вызвать массовые не контролируемые сознанием эмоциональные реакции с разрушительными действиями. Находясь в толпе и оказавшись под влиянием архетипов коллективного подсознания, индивидуум снимает с себя личную ответственность за все происходящее. Политические демагоги учитывают эти механизмы достаточно часто, используя благоприятную почву: недовольство социальным и материальным положением, отрыв от традиционных ценностей в связи с усиленной миграцией и др. Немаловажное значение имеет подавление инстинкта самосохранения в связи с возникшей зависимостью от "высшей власти". Зависимость от высшей власти, "руководства" практически означает, что каждый человек полагается во всем на дру-

гих вместо того, чтобы полагаться на самого себя. Это находит отражение в таких выражениях, как: "там, наверху, знают лучше", "я простой человек, от меня ничего не зависит", "лучше ни о чем не думать, будет как будет" и т.д. Люди обмениваются подобными суждениями, "сплываются" друг с другом на этой позиции, приобретают тем самым ложное чувство безопасности ("все вместе"), не осознавая, что погибнуть от взрыва или повышенной радиации в компании многих тысяч или в одиночку — это все равно. Слепая зависимость от "власти" может приводить к ситуациям, когда возникает феномен "ведомых", пассивных по существу людей, прикрывающих свои деструктивные действия спущенными сверху демагогическими лозунгами. У части людей эти лозунги возбуждают архетипы и делают их фанатиками, у большинства происходит явление внушения, подражания, "стилизации" под фанатизм конформистского характера.

Известно, что Гитлер, призывая немцев к совершению преступлений, произнес во время одного из своих выступлений фразу: "Я беру ответственность на себя!" Человек, находящийся в здравом уме, функционирующий как личность, обладающий чувством эмпатии, сопереживания, инстинктом самосохранения, наконец, должен был понять, что только лгун и безответственный демагог может предлагать другим людям освобождение от ответственности, так как ни один человек, убивая других или причиняя им мучения, не может снимать с себя ответственность за свои действия.

Немецкая нация в период национал-социализма была во многом охвачена массовым "психозом", выражающимся в фанатическом поведении. Большое значение в структуре этого поведения имело создание "образа врага". В теории архетипов Юнга мы не находим такого термина. Однако позволим себе сделать следующий шаг в развитии юнговской концепции. Выделяя архетип "старого мудрого человека", Юнг фактически рассматривал его как более глубинный, но вместе с тем родственный анимусу. То же можно сказать об архетипе "великой матери" по отношению к аниме. "Великая мать" выступает в виде образа матери-земли, защищающей и любящей своих детей силы. Однако она также может быть деструктивной, тиранической, рассматривая всех окружающих в роли "своих детей", беззащитных, требующих ее опеки, полностью зависимых. "Образ врага" представляется нам родственным архетипу "тени", но более глубинным архетипом коллективного подсознательного. Этот образ уходит корнями в древние понятия "зла", "дьявола" и т.д. Фанатик, охваченный архетипом "образа врага", чув-

ствуется себя в реальной жизни окруженным врагами и опасностями, исходящими от них, он находится в состоянии постоянного напряжения и страха. Враг для фанатика всегда более реален и осязаем, чем друг. Образ врага способен приобретать различные формы и иметь разное конкретное содержание, например религиозное, национальное, профессиональное или политическое. Проекция "образа врага" значительно усиливается, когда у людей имеется чувство страха. Известно, что сильные эмоции, и прежде всего страх в связи с угнетением сознания, вторично активизируют, стимулируют подсознательные механизмы. Специально нагнетаемое средствами массовой информации чувство страха перед "врагами" срабатывает в этом направлении, оживляя архетипы и их проекции.

Следует обратить также внимание на еще один аспект, имеющий, с нашей точки зрения, непосредственное отношение к архетипной проекции. Речь идет о чувстве зависти и его искусственном стимулировании. Это древнейшее чувство может приводить к оживлению фанатического архетипного поведения, а также к разрушительным действиям, деструктивным как для индивидуума, так и для общества в целом. В течение ряда лет у нас в стране воспитывалось утрированно отрицательное отношение к людям, которые ценой больших, подчас невероятных трудовых и творческих усилий выбивались из среднего уровня, становились духовно или экономически более независимы. Делалось многое, чтобы на них спроецировать если не "образ врага", то во всяком случае архетип "тени", одновременно с провоцированием чувства зависти к таким людям, для чего обычно подчеркивалось наличие у них имиджей благосостояния, находящихся в массовом сознании (машины, драгоценности, дачи и т.п.). В результате процесс "раскулачивания" стал хроническим психологическим содержанием, способствующим уравниловке, нивелировке, унификации на основе бедности. В этом направлении работали бесчисленные инструкции, распоряжения, директивы, постановления, указы, постоянно нарушающие мотивации населения, способствующие тем самым искажению и задержке общественного развития, ведущие к постоянно ухудшающемуся экономическому положению, кризисной ситуации.

Фанатизм не терпит других точек зрения, он сужен на одной лишь идее, которая к тому же глубоко не анализируется, а принимается на веру. Ему чужды идейные дискуссии. Всех тех, кто не поддерживает взгляды, фанатик рассматривает как врагов. Инакомыслие для фанатика — самое тяжелое преследование. Фанатическое поведение игнорирует многообразие реального мира, исключаются всякие нюансы, компромиссы, чело

веческие чувства, если речь идет о каком-то отступлении от исповедуемой формулы. Фанатическое поведение всегда предполагает деление мира на два лагеря – своих и чужих, оно включает принуждение, сочетаемое с демагогией. Для реализации фанатического поведения всегда необходимо найти проекцию врага "внешнего" или "внутреннего", отсюда следует дезинформация населения, придумывание и распространение слухов о "враждебных происках". Одна из характерных особенностей фанатического поведения заключается в том, что оно строится на духовной пустоте, игнорировании человеческой личности, ее интересов, запросов, игнорировании культуры в целом. Фанатики часто любят утверждать, что они "борются за человека", стремятся "спасти его". При этом подразумевается борьба за спасение человека, соответствующего ортодоксальной схеме. Если человек в эту схему не вписывается, то во имя его же блага его следует соответствующим образом изменить, "воспитать". Если он не поддается изменению – уничтожить. Фанатики бывали убежденными в том, что их деструктивное поведение является выражением "высшей формы человеколюбия". Достаточно вспомнить, что инквизиторы считали свою деятельность, направленную на "искоренение ереси" – "уничтожение ведьм", проявлением заботы о спасении душ. В личной жизни они нередко бывали крайне аскетичными, отрешенными от мира. Упомянутый нами ранее Торквемада презирал всякие материальные блага, ничего не желал для себя, не испытывал к людям чувства злобы и ненависти. Здесь мы встречаемся с явлением, когда идейный бескорыстный фанатик во имя высшей цели может совершать страшные, жестокие поступки, становясь изувером и палачом.

В повести "Крутой маршрут" Е. Гинзбург описывает начальницу одного из лагерей Гулага – Валентину Михайловну Циммерман:

она была честная. Да, просто честная в самом буквальном смысле слова. Она не воровала продуктов..., не брала взяток за освобождение от смертельно опасных работ, не делала никаких комбинаций с лагерной казней, чем и выделялась как некое инородное тело из среды своих коллег, очень ее недолюбливающих" И далее: «Кроме честности ей был свойствен даже некоторый аскетизм. Было известно, что безмужняя Циммерманша... не участвует ни в каких попойках и колымских начальнических увеселениях... она различала в толпе заключенных отдельные фигуры, и ее топор часто опускался не только на группы людей, но и на отдельные индивидуальные шеи... При этом

она исходила, очевидно, опять же из самых, по ее мнению, благороднейших принципов — из борьбы за честность, целомудрие и соблюдение режима... Возмущаясь "попустительством" производственного начальства, она подписывала неслучайное количество приказов о водворении в карцер за "хищения" на производстве. И рука у нее не дрожала. Ей не приходили в голову беспринципные соображения о том, что люди, посягнувшие на социалистическую собственность, были голодающими... Еще суровее боролась Циммерман за целомудрие. Когда она отправляла в этапы, сажала в карцеры за "связь зека с зеком" на ее лице можно было прочесть не только начальственный гнев, но и откровенное презрение к развратникам... А в том, что в основе всех связей лежит только разврат, она никогда ни на минуту не сомневалась». Автор книги задает риторический вопрос: "Какую ценность имеют такие добродетели, как честность, умеренность личных потребностей и даже неподкупность, когда всеми этими качествами одарена личность, выполняющая по отношению к другим людям палаческие функции? И кто более человечен: сменивший впоследствии Циммерман начальник П., отнюдь не страдавший аскетизмом, но умевший иногда смотреть сквозь пальцы, если заключенный стащит с агробазы спасительный капустный лист, или Циммерманша, убивавшая и убившая многих совершенно бескорыстно, исходя из самых, с ее точки зрения, идеальный побуждений?"

Фанатическое поведение особенно опасно, когда оно выступает в рамках тоталитарной системы и становится социальным образцом, навязываемым средствами массовой информации всей популяции. Для того чтобы удержать как можно большее число людей в желаемом состоянии, необходима их максимальная изоляция от внешнего мира, исключаяющая всякое общение с тем, что не соответствует навязываемой программе. Инспираторы фанатизма сами внутренне не свободны, лишены по сути духовной жизни, они готовы на все, лишь бы принадлежать к числу избранных носителей "истины", с которой они себя лично и отождествляют, прикрываясь оторванными от жизни и создающими иллюзию правильности логическими формулами.

Вспышки фанатического поведения возможны в современном мире. Они, к сожалению, далеко не всегда могут прогнозироваться, исходя исключительно из экономических, социологических, политических подходов. В их возникновении участвуют, очевидно, психологические глубинные механизмы, изучение которых до настоящего времени выпадало из поля зрения не

только футурологов, но и политических деятелей, специалистов в области международных отношений. Здесь достаточно сослаться на пример исламской революции в Иране со всеми последующими событиями, что не было предсказано ни зарубежными, ни советскими специалистами по этой стране. Глубинными психологическими механизмами, вне зависимости от отношения к теории архетипов коллективного подсознательного, нельзя пренебрегать, изучение этой области может оказаться перспективным и поможет лучше понять механизмы некоторых форм поведения, в частности фанатического, а также прогнозировать их возможное развитие. В связи с вышеуказанным нам представляется небезынтересным привести в заключение наблюдения К. Юнга, на основании которых этот аналитический психолог сумел раньше других "увидеть" надвигающуюся опасность, предсказать вероятность массовых преступлений, преследований, жестокостей. Еще в 1918 г. Юнг, проводя психологический анализ своих пациентов, страдающих неврозами (в Германии), обратил внимание на нарушения в их подсознании, которые нельзя было объяснить особенностями их индивидуального подсознания. Эти неличностные феномены всегда проявлялись в сновидениях в виде мифологических мотивов или содержаний различных легенд и сказок, представляли собой архетипные образы, идущие из глубокого прошлого. Это явление не было случайным, так как было характерно для каждого пациента. Проявляющиеся в сновидениях архетипные образы отличались жестокостью, насилием и грубой примитивностью. В сновидениях "шевелились" образы, подобные "белокурой бестии", символизируя опасность их прорыва в сознание и овладения человеком. Имело место отчетливое сочетание этих архетипов с общей психологической атмосферой Германии того времени — утнетенностью, депрессией, тревожным беспокойством и ожиданием. Поражение в войне, экономическая катастрофа делали людей более восприимчивыми к массовой психологии, приводя к усилению "стадного инстинкта", подавлению сознательного подхода, что согласно теории архетипов усиливало опасность прорыва дремлющих в подсознании разрушительных сил, способных уничтожить все моральные барьеры. Появление в сновидениях коллективных мифологических символов у большого количества людей способствуют, согласно Юнгу, их "притягиванию" как бы магнетической силой. Таким путем образуется толпа, и вскоре находится лидер, которым становится человек с выраженной "архетипностью" в сознании, без чувства ответственности и моральных задержек и с чрезвычайной волей к власти. Юнг/1946/ писал по этому поводу, что он наблюдал грядущие события в

Германии "в исследовательской пробирке индивидуума, так сказать, и... полностью осознавал огромные опасности, возникающие, когда такие люди собираются вместе" И далее: "Я мог наблюдать эти силы, как они прорываются через индивидуальную мораль и интеллектуальный самоконтроль и как они наводят его сознательный мир. Часто наблюдались ужасное страдание и деструкция; однако, если индивидуум был в состоянии ухватиться за остаток разума или сохранить узы человеческих отношений, происходила новая компенсация... и эта компенсация интегрировалась в сознании" Юнг высказывает предположение, что компенсация происходит благодаря фиксации на новых символах коллективной природы, на этот раз отражающих силы порядка. Эта интеграция подсознания — достаточно сложная задача индивидуального характера, она требует высокой степени моральной ответственности. Люди, способные на такое моральное развитие, становятся моральными лидерами человечества. Сохранение и дальнейшее развитие человечества во многом зависит от таких лидеров. К сожалению, далеко не все понимают, что люди могут оказаться просто инструментами для манипулирования ими, используя архетипные механизмы, возбуждая фанатическое поведение. Отсюда прямой путь к развитию теократического феодализма, тоталитаризма и т.д. Во всех таких случаях нарушаются права человека, теряется значение человеческой личности. Этот болезненный процесс должен привести в конце концов к преодолению людьми зависимости от подсознательных сил, к осознанию того, что они сами хозяева своей судьбы, что "государство является их слугой, а не хозяином"³.

Мы останавливались достаточно подробно в главе о конформистском поведении на особенностях конформизма в Германии. Проводя анализ немецкого фанатического поведения в период национал-социализма с позиции вышесказанного, можно прийти к заключению, что почвой для развития фанатизма являлся, в частности, конформизм с его имитацией реальной жизни, тупым подчинением всему тому, что исходит "сверху", от тех людей, которые занимают руководствующее положение в стране. Личная ответственность при этом заменялась застывшим "чувством долга" Люди вместе с тем осознавали свою беззащитность, зависимость от внешних сил, находящихся вне их контроля. Безработица, голод усиливали безысходность, ос-

³ Jung C.G. Civilization in transition. The collected works. — L., 1946. — Vol. 10: The fight with shadow. — P. 220.

лабляли контроль сознания, облегчали восприятие демагогии, воздействующей на коллективное подсознание. Гитлер, согласно исследованиям психологов (Bullock и др.), представлял собой безответственную психопатическую истерическую личность, полную инфантильных фантазий, но одновременно с этим обладающую интуицией и умением воздействовать на массы, апеллируя к их самым низменным инстинктам, как, например, вседозволенности, расовому превосходству, стремлению к власти, собой миссии и др. Гитлер представлял в какой-то степени архетип "тени", чрезвычайно усиленной, что также усиливало его влияние, вызывая иррациональный страх. Отсутствие достаточного образования, культуры, невероятное тщеславие, соединенное с истерической хитростью, демагогией и фантазиями на тему о власти и превосходстве, были чертами, свойственными Гитлеру. Он любил выступать только перед большими толпами людей, предпочитая вечернее время, очевидно интуитивно понимая, что при этом его воздействие усиливается. Во время выступлений Гитлер, вызывая соответствующий резонанс у толпы, сам воспринимал его и входил в истерический раж с соответствующей жестикуляцией и мимикой. Ему было свойственно проецировать на своих потенциальных и настоящих противников присущие ему самому свойства. Вот, например, его характеристика Черчиллю (цит. по /Franz, 1964/): "В течение пяти лет этот человек гоняется по Европе, подобно сумасшедшему, в поисках чего-нибудь, что бы он мог поджечь. К сожалению, он снова и снова находит наемников, которые открывают ворота своей страны для этого международного поджигателя"

Гитлер создал о себе имидж "железного человека, средневекового немецкого рыцаря, мрачного демонического героя". На него происходила массовая проекция мифологических содержания, ему приписывалось обладание магической силой. Для наблюдателя со стороны, не охваченного этой формой массового безумия, ситуация представлялась непонятной, его вид, жестикуляция, аргументация во время выступлений воспринимались как нелепые, смешные, рассчитанные на дешевый театральный эффект, однако в Германии все выглядело, к сожалению, по-другому.

Гитлер обладал качеством, описываемым в психиатрии под названием "фантастическая псевдология", заключающимся в том, что человек верит в собственные измышления и фантазии, считая их реальными. Псевдолог-фантаст в связи с верой в собственную ложь легко вводит в заблуждение окружающих, он выступает как хороший артист. В дальнейшем ложь, естественно, раскрывается, но на "короткую дистанцию" эффект сраба-

тывает, в связи с чем фантастическая псевдология может представлять большую социальную опасность, если она используется лидером какого-либо движения. Следует также подчеркнуть, что в пропаганде национал-социализма с самого начала развития фашистского движения широко использовались атрибуты, древняя символика для воздействия на подсознание: свастика, древнеримская форма приветствия, факельные шествия и др. Большую популярность получило оживление в сознании древнегерманских тевтонских мифов, акцентуация внимания на таких образах, как Зигфрид, Вотаи (бог бури), кровожадные лесные боги с изображением их в поэзии, литературе, драматических постановках; возрождались древние языческие обряды. Энергия архетипов была фокусирована посредством различных ритуалов и других воздействий на массовые эмоции, чтобы направить людей на коллективные разрушительные действия. Все это были составные массового безумия, охватившего цивилизованную нацию современного мира. Приведенные данные демонстрируют, как нам кажется, достаточно убедительно значение психологических механизмов в провоцировании деструктивного фанатического поведения, которое может выступать в многообразных формах.

Фанатическое поведение инспирируется демагогией. От его возникновения не застраховано никакое общество, хотя вероятность этого различна и зависит от уровня демократизации. Loewenthal и Guterman в 1949 г. опубликовали в Нью-Йорке работу⁴, основанную на анализе выступлений, высказываний, трактатов демагогического содержания в условиях США. Что здесь оказалось наиболее типичным? Прежде всего концентрация ненависти и злобы, использование логических упрощенных схем, не принимающих во внимание никакие общечеловеческие ценности. Постоянно "вдалбливаются" в сознание слушателей (читателей) следующие основные тезисы:

Нас постоянно обманывают. Мы являемся жертвой махинаций тех или иных "злых сил"

Существует направленный против нас заговор, в котором участвуют лица на разных уровнях. Нужно срочно принимать меры.

Наше правительство коррумпировано. Двухпартийная система — это позор. Демократия — трюк. Либерализм — это анархия.

Нельзя доверять иностранцам. Они представляют постоянную угрозу.

⁴Loewenthal L., Guterman N. Prophets of Deceit.— N. Y.: Harper, 1949.

Наши враги – это звери, подобные "рептилиям", или "насекомые", и их следует уничтожить.

Не существует ничего среднего. Мир разделен. Происходит борьба между американцами и "чужими"

Катастрофа близка. Что же ты можешь сделать? Простые, честные люди нуждаются в лидере, который наведет порядок и приведет к более счастливой и безопасной жизни.

Демагоги спекулируют обычно на тяжелых условиях, сложившихся в том или ином регионе, стране. Они не предлагают рациональных программ для улучшения ситуации. Люди, следующие их призывам, чаще всего испытывают серьезные затруднения в жизни. Allport сообщает, что у людей с фанатическими установками обнаруживаются плохая домашняя ситуация, несложившаяся личная жизнь, имеется неудовлетворенность профессией, социальным положением, ограничены финансовые возможности. Отсутствие удовлетворения реальной жизнью облегчает погружение в фантазии агрессивного характера с нигилистическим отношением к реальности.

Лица с фанатическим поведением стремятся расширить, максимально распространить чувство ненависти, заразить им возможно большее количество людей. Для этого и используются демагогические приемы, лозунговое мышление, стереотипы, часто повторяющиеся фразы. Демагоги могут появляться на разных уровнях. Некоторые из них пользуются покровительством лиц с авторитарным мышлением, стремящихся к власти. Впрочем, демагогия и фанатизм часто воплощены в одном и том же человеке, это сочетание свойственно фанатической личности.

Фанатическое поведение может напоминать поведение больных с бредовыми идеями, хотя само по себе не является признаком психического заболевания. Для него характерны агрессивность, абсолютная нетерпимость ко всем, придерживающимся других взглядов, подозрительность, отсутствие чувства юмора, постоянное эмоциональное напряжение, бескомпромиссность, непоколебимость убеждений с игнорированием множества противоречий, презрительное отношение к конкретным живым людям с одновременно провозглашаемой "любовью к человечеству", чувство ненависти к людям как представителям "враждебной" группы, отсутствие гуманизма. Ненависть вообще является, очевидно, одной из главных эмоциональных свойств фанатиков. Чувство ненависти отличается от чувства злости тем, что оно значительно более длительно, глубоко; сочетается с желанием уничтожить объект отрицательного чувства. Ненависть поглощает человека. Она может быть направлена против отдельного человека, но у фанатика – против группы лиц, сословия, на-

циональности и т.д., которым приписываются все возможные отрицательные качества. Фанатик всегда должен кого-то или что-то ненавидеть, всегда находить внешнюю проекцию для этого чувства. В таких проекциях, возможно, отражаются психологическая самозащита, поиск оправдания, алиби. Гитлер, например, постоянно обвинял кого-то во всех своих неудачах и поражениях. Он обвинял школу и учителей, на худой конец, болезнь в своей плохой успеваемости. Обвинял злой рок, генералов, весь "недостойный его" народ Германии в поражениях в Сталинградской битве и под Эль-Аламейном. Даже в развязывании войны он обвинял Черчилля, Рузвельта, еврейский заговор. Однако ни в одном из известных случаев он не обвинял себя.

И наконец, еще одна особенность — резко отрицательное отношение людей с фанатическим поведением к гуманитарным наукам, в особенности к науке о психике человека, психологии личности. Это связано со страхом понять самого себя, разобраться в себе, увидеть свое настоящее, "глубинное" лицо. По выражению Сартра: "Он человек, который боится... самого себя, своего собственного сознания, своей свободы, своих инстинктов, своих ответственностей, одиночества, изменения, общества и мира..." (цит. по: /Allport, 1958, с. 345/).

Нарцисстическое поведение

Мужчины были только добавлением и дополнением к ее собственному телу, но не представляли содержания для души.

Р. Мюзилл. Человек без свойств

Нарцисстическое поведение является формой, сравнительно мало известной в СССР, что совершенно не отражает его действительного значения и распространенности. Форма названа по имени героя греческой мифологии. Нарцисс был прекрасным юношей, сыном речного бога Кефиса. Он отверг любовь нимфы Эхо, за что был наказан богиней любви Афродитой, которая заставила его влюбиться в собственное отражение в воде. Нарцисс оказался в безнадёжной ситуации и заколол себя. Из капли его крови выросли цветы, названные его именем.

Термин "нарцисстическое поведение" впервые ввел в употребление представитель психоаналитического направления Kohut /1966/, он же сформулировал концепцию "нарцисстического нарушения личности" (ННЛ). Согласно американской классификации психических нарушений /DSM-III-R 1987/, основной чертой нарциссизма (ННЛ) является "проникающая манера грандиозности (в фантазии или поведении), повышенная чувствительность к оценкам со стороны других людей, отсутствие эмпатии, начинающиеся в раннем возрасте...".

Лица с нарцисстическим нарушением поведения характеризуются грандиозным чувством собственной значимости. Для них типично постоянное преувеличение своих способностей, успехов, подчеркивание своей талантливости, что демонстрируется перед знакомыми, друзьями, коллегами, близкими. Они нуждаются в комплиментах, частых подтверждениях своей исключительности, превосходства в знаниях, достижениях, даже если последние малозначимы. В случаях, когда другие люди не восторгаются ими или, что еще хуже, высказывают критические замечания, они игнорируют их, обвиняя в некомпетентности, глупости, недостаточной образованности, отсутствии творческого понимания и т.д. Лица с нарциссизмом часто утверждают, что в связи с высокой одаренностью они вызывают зависть или непонимание и только избранные люди могут их по достоинству оценить.

Одной из характерных черт нарцисстического поведения является вместе с тем, как это ни странно, отсутствие чувства

большой радости, настоящего удовольствия и удовлетворения при достижении реального успеха. Нарцисстическое поведение сопровождается сильно выраженным чувством зависти к любому человеку, занимающемуся тем же видом деятельности, творчества. Успехи коллег всегда вызывают серьезные, глубокие переживания, которые, конечно, тщательно скрываются. Хорошо развито воображение. Эта психологическая функция занимает вообще большое место в сознании при нарциссизме. Нарцисстические личности обычно мечтают о большом успехе, видят себя в воображении кумирами толпы, гениями, перед которыми все преклоняются.

Нередко возникают фантазии об идеальной любви — реальная действительность их никогда не удовлетворяет. Отношения с людьми, как правило, постоянно нарушаются, что связано во многом с неспособностью понимать других, сочувствовать им. Во главу угла ставятся только свои собственные интересы; состояние другого человека, его интересы вообще не учитываются. Так, например, женщина с выраженным нарцисстическим поведением, когда ее жених внезапно тяжело заболел в другом городе и нуждался в ее приезде, не приехала к нему, "так как у нее были свои очень важные дела, и жених, кроме того, не позвонил сам, а поручил позвонить своему приятелю" Речь идет, подчеркнем, о женщине с высоким интеллектом, которая при этом не может, а скорее не хочет понять, казалось бы, простые истины: тяжесть состояния, нахождение в больнице объясняют невозможность позвонить самому; тяжелобольной человек ищет поддержки от человека, с которым собирается связать свою жизнь. В последующем разрыве отношений женщина с нарцисстическим поведением искренне обвиняла жениха.

Для более подробного рассмотрения особенностей нарциссизма необходимо познакомить читателя с одним из терминов, использующихся при его описаниях. Речь идет о термине "селф" (self). Под селф понимается осознание человеком своего существования, функционирования своего "я". В результате взаимодействия со средой, в особенности с другими людьми, формируется структура селф — особенности характеристик и отношений восприятия "себя" в окружающем мире. Лица с нарцисстическим поведением характеризуются грандиозным "всемогущим" селф. В связи с этой грандиозностью часто говорят, что селф у нарцисстических личностей носит архаичный, т.е. строящийся на мифологическом осознании себя, характер.

Лица с нарцисстическим поведением требуют к себе всегда особого отношения, связанного с признанием их исключительности. Несмотря на повышенную в основном самооценку, пос-

ледняя требует частого подтверждения. Нарцисстические лица поэтому ищут людей, восхищающихся ими, и в результате окружают себя подхалимами, неискренними, лживыми людьми, конформистами. Однако это не спасает ситуацию, и грандиозная самооценка нарцисстической личности объективно находится в положении хронической угрозы в связи с противоречиями с реальной действительностью. По выражению Grunberger /1979/, нарциссизм – это “лес, который не виден из-за деревьев”. Согласно Kohut, нарцисстическое восприятие мира характеризуется тем, что другие люди воспринимаются не как самостоятельно существующие центры собственной активности, а как часть самой нарцисстической личности, часть собственного сэлф. Такое восприятие в норме свойственно человеку в раннем детстве (первые месяцы жизни), когда окружающая действительность, родители не воспринимаются еще как самостоятельно существующие (первичный нарциссизм). В дальнейшем наступает постепенное раздвоение субъекта и объекта и “симбиотическая” фаза развития заканчивается. Мать обычно дольше всего воспринимается нарцисстически, как “часть себя”. Для развития ребенка характерно, что возникновение понимания своей “отдельности” сопровождается защитной реакцией, которая заключается в формировании грандиозного образа самого себя (сэлф), и идеализацией образа родителей. Если все происходит нормально, грандиозный сэлф корректируется самопроверкой, самооценкой. Большое значение здесь имеют межличностные отношения, развитие эмпатии, способность к юмористическому отношению к самому себе. Швейцарский психолог A. Miller в качестве признаков “здорового нарциссизма” у детей выделяет: успешное отделение субъекта от объекта, возможность двойственной – положительной и отрицательной – оценки; любовь к другим оказывается возможной, когда ребенок сам любим матерью как самостоятельное существо; стремление ребенка к автономии, которое не рассматривается отрицательно родителями.

В случаях неправильного воспитания, когда ребенок не развивает к матери чувства доверия, грандиозный сэлф продолжает существовать в качестве защиты, что может сохраняться и в подростковом, а в дальнейшем и зрелом возрасте, приводя к формированию нарцисстического поведения, которое может оказаться деструктивным для гармоничного развития личности.

Согласно одному из известных исследователей нарциссизма /Kernberg, 1975/, имеются специфические условия, которые способствуют развитию нарцисстического поведения. К ним относятся: 1) нарцисстическая эксплуатация ребенка со

стороны матери; 2) объективные необычно высокие качества ребенка. Рассмотрим более подробно эти два фактора.

1. Матери будущих лиц с нарцисстическим поведением проявляют часто агрессивность к детям, они недостаточно чутки к ним, характеризуются эмоциональной холодностью, как бы отталкивают детей от себя. Эти особенности отношения к детям не случайны, а связаны с нарциссизмом самих матерей. Нарциссизм матери приводит к возникновению напряжения у ребенка: у него отсутствует чувство "нужности", чувство, что его любят. Нарцисстические матери, согласно Kernberg, "нарцисстически эксплуатируют детей", что выражается в требованиях быть "идеальными", "особыми", демонстрировать свои способности знакомым, удовлетворяя этим собственные потребности в самоутверждении. Последствием такого поведения является воспитание у ребенка чувства "исключительности" которое затем становится ядром будущего грандиозного элф

2. Нарцисстические личности в детском возрасте очень часто действительно одаренные, талантливые или обращают на себя внимание физическими данными, например красотой. Эти положительные качества находятся в центре внимания родителей, они постоянно подчеркиваются перед окружающими. У ребенка воспитывается таким образом также чувство исключительности, необычного таланта, превосходства перед сверстниками, т.е. формируется грандиозный элф.

В наших наблюдениях лиц с нарцисстическим поведением мы, как правило, устанавливали воспитание "со ставкой на лидера" или "престижное" воспитание. Детям внушали их отличие от других, заключающееся в определенном (объективно имеющемся) таланте, например, в области творчества: рисования, поэзии, музыкальных способностей и др. Часто повторялись фразы, которые дети запоминали на всю жизнь: "Ты не имеешь права дружить с другими детьми, ты этим загубишь свой талант"; "Все эти развлечения, игры для обычных детей, они ничего в жизни не добьются, а у тебя особый дар, и ты не должен (должна) его потерять"; "В нашей семье по мужской (женской) линии все были известными людьми, а ты так похож (похожа) на своего талантливого деда!"

Согласно Kernberg /1975/, различные трудные ситуации, с которыми приходится встречаться ребенку, приводят к тому, что реальное представление о себе (реальный элф) задерживается в развитии или регрессирует, фрагментируется; вместо реального элф возникает комплекс грандиозности, представление о себе в рамках необычных возможностей, красоты, силы (идеальный элф), что является компенсацией, за-

щитной реакцией на свои недостатки, неспособность справляться с трудностями. Кроме того, возникает представление об идеальных родителях – всемогущих, всезнающих, всепонимающих, необычайно талантливых и т.д. Из этих трех структур – регрессированного, недоразвитого реального сэлф, идеального сэлф и идеального образа родителей – формируется нарцисстический грандиозный сэлф. Ребенок защищается от стрессов таким образом, что отождествляет себя с подобной внутренней структурой, какой является грандиозный сэлф; нарцисстическая личность воспринимает себя совершенной, и это чувство помогает ей переносить многие трудности в реальной жизни. Начиная с детского возраста, человек живет в мире иллюзий, мечтаний, фантазий о своей исключительности, непогрешимости, необходимости раскрыть свой талант и т.д.

Рассмотрим более подробно механизмы, свойственные нарцисстической личности. Нарцисстический сэлф остается недостаточно зрелым, неразвитым, находится на архаическом уровне. О последнем свидетельствуют грандиозность и всемогущество. Окружающий мир воспринимается крайне субъективно, недифференцированно, в слишком подчеркнутом непосредственном отношении всего происходящего к собственному "я". Можно в связи с этим сказать, что нарцисстической личности более свойственна не коперниковская, а птоломеевская структура системы, где все вращается вокруг нарцисстического сэлф. Внешние объекты, в том числе и люди, воспринимаются как часть себя, из чего следует стремление манипулировать ими по своему усмотрению, осуществлять за ними контроль. Находящиеся в непосредственном окружении люди часто как бы "дополняют" недостающие собственные психологические особенности. Как мы уже говорили, люди воспринимаются не как автономные существа с собственной жизнью, интересами, а как продолжение своей личности. В этом контексте мир нарцисстической личности может быть сравним с феодальным строем. Хозяину подчинены все подданные, он распоряжается ими по своему усмотрению, они должны не только подчиняться, но и почитать своего хозяина. Архаический грандиозный сэлф особенно раним, если происходят события, подрывающие самооценку. "Повреждение" сэлф выражается в сильном чувстве обиды, озлоблении, чувстве стыда. Типичны ригидность поведения, отсутствие всякой сентиментальности, сочувствия к другим людям. Лица, "сослужившие свою службу", без всякого сожаления отбрасываются, и о них тут же забывают. Нарцисстическое поведение выражается в дистантности, взгляде "свысока", пренебрежении к другим людям, оно вызывающе и производит час-

то отталкивающее впечатление. Лица с нарцисстическим поведением при знакомстве на какое-то время, обычно достаточно короткое, могут производить хорошее, благоприятное впечатление; пока человек им нужен и интересен, они сами стараются понравиться, "запасть в душу" с целью последующего овладения и манипулирования.

Нарцисстические личности мало способны к получению удовольствия в жизни, к чувству обычной радости. Они постоянно озабочены необходимостью "смотреться в зеркало" оценки со стороны окружающих, вызывать восхищение, на худой конец — просто привлекать внимание.

Одна из женщин с нарцисстическим поведением, наблюдаемая нами, на вопрос, что для нее является самым важным в жизни, неизменно в течение ряда лет отвечала коротко: "слава". На второе место по значению она ставила "выход замуж", но за такого человека, который бы "всегда знал свое место, не мешал, желательно, чтобы жил в отдельной квартире и появлялся по вызову, когда нужен" Независимость мужа недопустима, не находит себе места в сознании.

Приведем отрывок из произведения американской писательницы E. Jong "Как сохранить собственную жизнь"¹:

«... Всю жизнь я желала славы, известности, лести. С момента, когда отец увидел меня в больнице и спросил у матери: "Мы должны это взять домой?", моя жизнь стала постоянной борьбой за то, чтобы привлечь чье-нибудь внимание, не быть пренебрегаемой, быть любимым ребенком, самым умным, самым лучшим, наиболее быстро развившимся, наиболее несносным, вызывающим наибольшее восхищение". И далее: "...Я завидовала публикующимся писателям, завидовала и в то же время обожала их. Я представляла себе, что они полубоги, которых минует всякое страдание, на них вечно стекают любовь и уверенность в себе. Теперь я познавала другую сторону зеркала в зале... славы. Совсем как будто бы я вошла в комнату, в которую лишь немногочисленные могут войти и которая людям извне кажется невообразимо прекрасной, богатой и колдовской. Когда попадешь внутрь, удостоверешься, что это только зеркальный зал, и все, что видишь, это бесконечные отражения тебя, тебя, тебя». (Пер. И.П. Короленко.)

¹Jong E. Jak ocalic własne życie // Literatura na świecie. — 1983.—Vol. 5(142). — S. 248—249.

Нарцисстическое поведение характеризуется также настоятельной необходимостью быть всегда и во всем правым, неприемлемостью других точек зрения, невозможностью признать собственную совершенно явную ошибку.

Нахождение наедине с собой, отсутствие внимания со стороны, восхваления могут приводить к явлениям тяжелого угнетения, сопровождающимся чувством пустоты, эмоционального вакуума. Возможны мысли о самоубийстве, ненужности своего существования. Характерной особенностью таких депрессий у нарцисстических лиц является отсутствие тоски по потере кого-либо, сожалений о разрыве отношений с людьми.

Для нарцисстического поведения довольно типична фиксация внимания на состоянии своего здоровья (физического). Забота о здоровье, мысли о болезни носят ипохондрический характер, значительно преувеличены. Это объясняется обычно переносом, отвлечением внимания от психологических проблем. Нередко возникают мысли о физическом несовершенстве, недостатке: не такая форма носа, некрасивые глаза, слишком редкие волосы и др.

В нарцисстическом поведении присутствует агрессивность. В мире нарцисстических отношений человек, причинивший какую-то неприятность, рассматривается не как самостоятельный, автономный объект, а как взбунтовавшаяся часть себя, своего сэлф, которую нужно подчинить своему контролю. Всякая попытка противиться такому порядку вызывает нарцисстическую агрессию. Ее проявления различны: отрицательное отношение, злость, зависть, ревность, сарказм, клевета, словесные нападки, физическая агрессия, интеллектуальное издевательство. В целом основная причина нарцисстической агрессии заключается в страхе снижения самооценки, нарушения грандиозного сэлф.

Нарцисстическое поведение проявляется в различных сферах жизни, особое значение оно приобретает в вопросах выбора брачного партнера. Партнер необходим здесь прежде всего для сохранения собственного сэлф. Кроме выполнения этой цели он не имеет цены, не существует. Отношения с брачным партнером строятся по типу овладения им, он удерживается на дистанции, и от него "берется" столько эмоций, сколько необходимо для сохранения собственного сэлф. Характерна частая смена партнеров, обусловленная стремлением получить подтверждение в том, что еще способен быть настолько привлекательным(ой), чтобы добиться овладения. Любовь воспринимается как овладение. Иногда для упрощенной аналогии здесь ссылаются на пример с амебой, которая использует протоплазматические движения, чтобы захватить пищу, а затем передвигать-

ся на это место. Когда нарцисстическая личность добьется поставленной перед собой цели, довольно быстро ее интерес к объекту ослабевает. Процитируем отрывок из стихотворения в прозе Е. Jong "Развод"²:

В горшке варятся яйца.
Постукивают,
как кастаньеты.
Вкладываю одно в рюмку
и срезаю верхушку.

Под трясущимся белком
мой первый муж.
Как же он уменьшился
со времени нашей последней встречи!

"Съешь меня", — говорит покорно.
Я колеблюсь, после чего начинаю есть.

Густой желток стекает у меня
по бедрам.

Вынимаю следующее яйцо
и срезаю верхушку.
В середине мой второй муж.
Это удалось лучше...

Я начинаю есть,
но выплевываю
его черные, как смола, волосы,
фарфоровые коронки зубов,
запонки, пломбы,
оправу очков...
Пью кофе
и читаю "Таймс"

Еще одно яйцо варится в горшке.

Таким образом, здесь отсутствует настоящая любовь, ее заменяет желание удовлетворения постоянного самоутверждения. Этим объясняется резко отрицательное отношение лиц с нарцисстическим поведением ко всяким проявлениям "чрезмерной страсти", если последняя хотя бы в какой-то степени не

² Ibid, С. 272-273.

подчиняется их контролю. В еще большей степени, естественно, это относится к любым проявлениям ревности.

Приведем отрывок из дневников известной французской писательницы, автора литературных мемуаров Anais Nin, в котором она описывает американского писателя Г. Миллера³:

«Он подчеркивает у Пруста отрывки, относящиеся к привычке Альбертины никогда не говорить: "Я люблю, я хочу" (но – другие хотели, другие любили ее и т.д., таким образом она ускользала от всякой ответственности, всех обязательств).

Он ведет себя со всем миром как, говорят, мужчины ведут себя с проститутками, желая, обнимая, а затем выбрасывая за ненадобностью, чувствуя только голод, а затем безразличие.

Он нежный дикарь, который живет, направляясь полностью своими прихотями, настроениями, своими ритмами, и не замечает настроений и желаний других». (Пер. Ц.П. Коленко)

В выборе брачного партнера возможны также случаи, когда выбирается человек, представляющий такие же нарцисстические особенности характера или часть собственного элф. В этих случаях партнер воспринимается не как опасный, но как форма собственности, которую можно контролировать. В случаях разрыва с партнером или же его смерти, как мы уже указывали, серьезных переживаний не возникает, хотя его потеря воспринимается как утрата части своего элф. Эта потеря сопровождается чувством пустоты, психологического вакуума, но сразу же возникает сильное желание заполнить образовавшуюся пустоту, для чего начинается поиск нового объекта.

Нами наблюдались такие случаи нарцисстических отношений в семье, когда партнер оценивался очень положительно, всячески расхваливался в присутствии своих знакомых, коллег, "в собственном кругу". Такие характеристики в большой степени отражали стремление лиц с нарцисстическим поведением (во всех случаях это были женщины) подчеркнуть правильность своего выбора. ("Я совершенная, он совершенен, он – часть меня"). Положительные качества мужа демонстрировались фактически как талантливое, даже гениальное продолжение своей личности. Интересно, что если возникал разрыв отношений, о бывшем муже не вспоминалось, он как бы никогда и не существовал. На прямые вопросы, касающиеся прежних отношений

³Anais Nin. The Diary of Anais Nin. A Harvest Book. 1966. – Vol. 1: 1931–1934. – P. 15.

и чувств, такие женщины отвечали следующим образом: "это прошло; я приобрела опыт", "все это уже неактуально", "неужели я была в него влюблена", "женщины в нашем роду часто меняли мужей — это нормально, нельзя ограничивать себя одним вариантом в жизни", "он мне стал очень мешать, все время маячил перед глазами", "у него были какие-то свои интересы, которые меня не занимали, и он как бы нарочно защищался своими делами тогда, когда он был мне нужен, а когда я в нем не нуждалась — постоянно приставал... с чем-нибудь там", "мне не повезло с ним — он оказался хронофагом — пожирал мое драгоценное время, а это худший вид паразитизма", "не будем вспоминать об этом, я сама уже все совсем забыла" (два месяца после развода с мужем, с которым прожила два года), "все говорят, что на мне это хорошо отразилось, я стала красивее, более женственной, внутренне сильной, поэтому я очень довольна"

Идеализация партнера в брачных отношениях возможна, если последний "приспосабливается" к нарциссической личности, перенимает ее привычки, образцы поведения. Это чаще наблюдается у женщин с развитой интуицией и ролевым поведением, способных улавливать настроения нарциссического партнера и подыгрывать ему.

До сих пор мы подчеркивали, что нарциссические личности проецируют свой грандиозный сэлф на других людей. В то же время известны ситуации, при которых проекция совершается и на другие объекты. В качестве последних могут оказаться символы успеха, творчества, общественное положение, материальное обогащение. Все они объединяются под названием "заместительные объекты" /Grunberger, 1979/. Здесь возможны определенные, в ряде случаев большие, достижения, когда, например, речь идет о лицах, занимающихся творчеством, писателях, художниках и др. В связи с возникшими стрессовыми ситуациями к нам обращались лица с выраженным нарциссическим поведением, занимающиеся литературным творчеством и получившие заслуженное признание в этой области своими, безусловно, талантливыми, неконъюнктурными произведениями (поэзия, проза, драматургия). Совершенно естественно, профессиональная карьера этих людей складывалась очень трудно, что было связано с отсутствием конформизма, нежеланием "идти в ногу со временем", отказом от выполнения так называемых социальных заказов: писать, например, стихи о целине, БАМе, трудовом подъеме, вообще следовать шаблонам соцреализма. Таким образом, нарциссическое поведение имеет в определенном плане позитивное значение, если оно направлено на

"заменительные объекты" в области творчества. По выражению американского психолога Kisker, Голливуд и Бродвей являются "центрами нарциссизма взрослых". При всем этом, однако, нельзя забывать и о постоянном наличии слабых сторон, что таит в себе риск различных срывов. Нарцисстические лица, занимающиеся творчеством, чрезвычайно зависимы от "общественной оценки". Они могут при этом успешно игнорировать официальные точки зрения, разгромные критические статьи и оценки, распознавая в них, например, идеологическую конъюнктуру, но они все равно нуждаются в людях, желательно профессионалах, которые хвалили бы их, выражали свое восхищение их произведениями. Нарцисстические личности не способны сколько-нибудь долгое время поддерживать себя "изнутри", что обуславливает хрупкость их психического состояния. Чувство зависти к окружающим, некритичность затрудняют адаптацию, лишают их возможности увидеть свои недостатки и исправить их. Поддержка со стороны коллег также в расчет не принимается; даже в случаях искреннего желания в чем-то оказать помощь последняя отвергается, так как появляется зависть к человеку, который имеет возможность это сделать.

Для нарцисстического поведения довольно типична идеализация объектов, на которые проецируется грандиозный сэлф. Такая идеализация носит явно защитный характер. Человек с нарцисстическими особенностями как бы защищает идеализированные им объекты от других людей, их критики, нападков, опасностей окружающего мира. Идеализированный объект, которым может быть, например, какой-нибудь авторитетный человек, наделяется разными положительными качествами, той же непогрешимостью, гениальностью и т.д. Идеализация объекта сопровождается идентификацией, отождествлением с ним. Интересно, что идеализация обычно требует одного очень важного условия: объект идеализации должен находиться на некоторой дистанции, желательно достаточно большом отдалении, при близком контакте возможен конфликт с уничтожением идеала. Идеализированным объектам противостоят во множественном количестве отрицательные персонажи — враждебные, представляющие постоянную угрозу. Лица с нарцисстическим поведением относятся в целом к окружающему их миру с подозрением, недоверием. У них легко возникает мысль о том, что "все их ненавидят", стараются любой ценой воспрепятствовать их успеху, завидуют их способностям, стремятся обмануть. Такие оценки возникают во многих ситуациях, когда эти лица встречаются с объективными трудностями, критикой, замечаниями,

даже если последние носят доброжелательный характер. Существует точка зрения, что массивные отрицательные проекции обусловлены теми "частями" внутреннего "я" (реальным сэлфом), которые содержат элементы критического отношения к себе, отрицательные самооценки, несовместимые с грандиозным сэлфом. Путем их проекции на других нарциссическая личность "очищает" свой внутренний мир от этих вызывающих подсознательное напряжение содержаний /Švrakič, 1988/

Нарциссическое поведение характерно для лиц с "височной акцентуацией" /Короленко, Завьялов, 1975/. Под этим термином понимается сочетание таких психических особенностей, как очень сильно развитое воображение, яркие цветные сновидения с повторяющимся содержанием, обостренное обоняние (запахи воспринимаются резко, вызывают наплыв воспоминаний давно забытых ситуаций, связанных с тем же запахом), переживания "уже виденного" или "уже пережитого", когда у человека возникает чувство знакомости впервые увиденного места, повторения впервые переживаемой ситуации, разговора и т.д.

Нарциссизм присущ "икарианцам" – лицам с комплексом Икара /Hall, Lindzey, 1970/. Согласно мифу Икар и его отец Дедал вынуждены были бежать с острова Крит. Для побега они использовали крылья, которые Дедал сделал из перьев и воска. Отец предупредил Икара, что нельзя приближаться во время полета слишком близко к солнцу, так как воск растает, но Икар пренебрег советом – крылья разрушились, и он упал в море. В этом особенность икарианской личности. Живя в обстановке, воспринимаемой как удушающая, она стремится к освобождению, самоутверждению, хочет летать, но почти неизбежно вызывает свое падение, жаждет триумфа, но провоцирует напряжение и наказание. Из этого правила бывают исключения, к которым относятся такие гениальные люди, как Джейм Джойс, Федерико Феллини, Астрид Линдгрен, Марк Шагал: В то же время комплекс Икара обнаруживался и у преступников. Об этом сообщал Ogilvie /1967/, который нашел икарианские черты личности у убийцы-маньяка Перри Смита.

Согласно психологу Murray /1951/, нарциссизм является центральной характеристикой икарианской личности. Нарциссическое желание быть в центре внимания легко приводит к амбиции с целью получить признание и одобрение как выдающаяся личность. Нарциссическая амбиция сочетается у икарианцев со стремлением к взлету (асценсионизм) – символическому чувству свободы и парения надо всем миром. Комплексу Икара свойственны, в частности, очарование огнем (любят смотреть на горящие угли, рассматривать пламя), высокая амбиция, стремление к "взлетам", сны с полетами.

В заключение отметим, что одна из существенных сторон нарцисстического поведения выражается в смещающих друг друга циклах, которые протекают по следующей схеме: проекция грандиозного сэлф на какой-либо объект – идеализация объекта – "рассматривание" себя в идеализированном объекте как в зеркале – исчерпание возможностей нарцисстической проекции – развенчание идола и покидание его – поиск нового объекта для идеализации. Kernberg /1975/ называет подобный цикл порочным кругом, который имеет тенденцию к повторению без использования полученного отрицательного опыта: "идеализация и взлет" постоянно сменяются "обесцениванием и разочарованием" с сохранением структуры внутреннего комплекса грандиозности, что мешает выходу из нарцисстического поведения.

Лица с нарцисстическим поведением могут декомпенсироваться, давать невротические срывы, если они не в состоянии реализовать свои цели. Состояние декомпенсации сопровождается такими симптомами, как раздражение, агрессивность, вспышки ярости; возможно выраженное чувство пустоты, разочарования, развивающееся в период исчерпания отношений со стороны объекта идеализации и отсутствия нового. Как правило, эти декомпенсации сравнительно кратковременны. Однако возможны случаи, когда у лиц с нарцисстическим поведением как бы "открываются глаза" и происходит переоценка ценностей

жизни, возникает желание покончить с прежней моделью поведения. Попытка посмотреть на себя по-другому, остаться наедине с собой и жизненными проблемами может привести к кризисному состоянию и без квалифицированной психотерапевтической помощи спровоцировать депрессию, мысли о ненужности, бессмысленности жизни. В результате существует риск совершения самоубийства или развития аддиктивного поведения со злокачественным течением.

ЖИЗНЬ БЕЗ „ОБРАТНОГО ПИТАНИЯ”

Аутистическое поведение

Отношение, которое существует между сном и тем, что этот сон выражает, было ему известно, поскольку это не что иное, как ...метафора... Если взять ее таковой, какая она есть, и придать ей нашими чувствами образ, подражающий реальности, то возникают из этого сон и искусство, но между ними и реальной, полной жизнью стоит стеклянная стена.

Р. Мюзиль. Человек без свойств

“Аутистическое поведение” – термин, производный от “аутизма” – понятия, введенного в литературу швейцарским психиатром Блейлером. Блейлер обозначил так психическое состояние, характеризующееся отсутствием приспособления к реальной действительности, к требованиям повседневной жизни. Человек находится в отрыве от действительности и заменяет ее принятие погружением в мир фантазий, мечтаний, а в случаях психического заболевания в мир сновидных переживаний, галлюцинаций, бредовых идей.

Обусловленное аутизмом аутистическое поведение встречается при психических заболеваниях, в частности при шизофрении, являясь во многих случаях одним из основных синдромов психической патологии. Однако это нарушение поведения может быть и характерологической особенностью, связанной с воспитанием в детском возрасте и наследственностью. Мы не будем специально останавливаться на аутизме при психических заболеваниях, а лишь коротко опишем аутистическое поведение у людей без психической патологии.

Лица с аутистическим поведением воспитываются в семьях без эмоционально-теплого отношения со стороны родителей, в особенности матери. Мать эмоционально холодна, в отношении к ребенку проявляет дистантность, отгороженность. Отец часто педантичен, чувство юмора отсутствует, интересы в основном интеллектуальные. Семья не гостеприимна, отношения с родственниками формальные, взаимные посещения исключительно редки. Попытки ребенка поговорить с родителями, поделиться переживаниями не находят поддержки. Ребенок постепенно замыкается в себе, для него все большее значение приобретает мир внутренних переживаний, воображения и фантазий. В сфере воображения оказывается легко достичь невозможного в реально-

сти. Фантазии связаны с желаниями, обусловленными лишением эмоционального тепла, разочарованиями реальной действительностью существования. Погружение в мир фантазии приносит большое облегчение, в результате развивается инкапсуляция в изолированном мире воображения. Темы мечтаний могут быть различными: идеализация родителей, другие страны, путешествия, образы, заимствованные из сказок. Такая "эксплуатация" воображения вначале напоминает интересную увлекательную игру, и в связи с субъективно приятным содержанием она начинает занимать большое место в содержании психической деятельности.

В дальнейшем эта черта характера накладывает серьезный отпечаток на жизненные подходы и прежде всего межличностные отношения в подростковом, молодом и зрелом возрасте. В некоторых случаях возникает своеобразное внутреннее чувство субъективной реализации содержаний воображения, "мышления по желанию". Человек в определенной степени верит в то, что сам придумывает, и в связи с этим избегает ситуаций, которые могли бы заставить его потерять эту веру. Так, например, женщина, придумавшая в воображении влюбленность в нее одного мужчины, работающего в том же научно-исследовательском институте, развивала эту мысль в воображении и делилась ею с близкой подругой, однако всегда отказывалась предпринять какие-то конкретные шаги к сближению, мотивируя "нежеланием нарушать его покой еще больше", "мы и так понимаем друг друга, но время еще не пришло". Самообман вообще бывает достаточно частым явлением у лиц с аутистическим поведением. Самообман этот можно в известной степени корректировать в каждой конкретной ситуации. Однако общая тенденция к его повторению остается выраженной.

Аутистическое поведение всегда связано с погруженностью в мир иллюзорных представлений, с пребыванием в фиктивной реальности. В результате возникают уединение, изолированность от внешнего мира, происходит психологически обусловленная сенсорная изоляция. Феномены сенсорной изоляции изучались в связи с длительным пребыванием в вынужденной социальной изоляции, в пустыне, в Антарктиде, на удаленных гидрометеорологических станциях, в районах Крайнего Севера. В свое время мы специально занимались этими вопросами /Короленко, 1978/. В случаях аутистического поведения сенсорная изоляция связана чаще не с внешней ситуацией, а с внутренней установкой, которая является механизмом, блокирующим приток информации извне.

Одной из особенностей аутистического поведения является малая выраженность осознания существования других людей, с

их эмоциями, желаниями, интересами. Окружающие люди мало привлекают к себе внимания, их эмоции – тревоги, радости, переживания – не вызывают сколько-нибудь достаточного понимания, и тем более сочувствия.

Лица с аутистическим поведением не испытывают потребности в дружбе, необходимости поделиться с кем-либо своими переживаниями. Нередко возникают неловкие ситуации, когда в связи с непониманием интересов своих знакомых, собеседников последним навязываются разговоры на незанимающие их темы. Отсутствие достаточного межличностного общения приводит к общей неловкости в контактах, угловатости, недостаточности мимики, жестов. Лица с аутистическим поведением обычно предпочитают не смотреть в глаза во время разговора.

Интересы лиц с аутистическим поведением, несмотря на развитость воображения, чаще сужены на одной теме, которая порой и не соответствует их профессии. Это может быть интерес к какому-нибудь языку, метеорологии, философии, космическим исследованиям. Обсуждение вопросов, находящихся в рамках заинтересованности, вместе с тем достаточно затруднено. Мешают неумение вести дискуссию, недостаток гибкости, своеобразная ортодоксия с неприятием других точек зрения, иных подходов к проблеме. В манере разговора преобладает монотонность, эмоциональные оттенки недостаточны, интонация почти не меняется, что затрудняет восприятие, навеивает скуку, вызывает сонливость у слушателей.

Для лучшего понимания особенностей аутистического поведения мы считаем целесообразным познакомить читателя с классификацией психологических типов личности Карла Густава Юнга, так как одному из выделяемых автором типу – интровертивному интуитивному – свойственно аутистическое поведение.

Классификация К. Юнга /1924/ основывается на выделении прежде всего двух главных психологических особенностей – экстравертированности и интровертированности. Кроме этого деления приводится характеристика экстравертированного и интровертированного типов на основе наиболее развитой и дифференцированной психологической функции, которая играет главную роль в приспособлении человека к окружающему миру. Таким образом, выделяются следующие экстравертированные и интровертированные типы: мыслительный, чувственный, сенсорный, интуитивный.

Выделение экстра- и интровертированности осуществляется на основе изучения общего подхода к объективной реальности. Интровертированный подход характеризуется тем, что энергия,

интересы, мотивации направлены внутрь себя и концентрируются на субъективных факторах, преобладающее значение имеет "внутренняя необходимость". Интровертированный подход характеризуется сдержанностью, абстрагированностью. У интровертированных психологических типов недостаточно развито доверие в отношениях с людьми, новые ситуации воспринимаются настороженно; рассуждение, обдумывание преобладают над внешней активностью, социальные контакты осуществляются с преодолением внутреннего напряжения.

Экстравертированный подход, наоборот, строится на положительном отношении к объекту, интересе к событиям внешнего мира, к окружающей реальности, интересе к людям, отношениям с ними и на зависимости от них. Экстравертированный тип мотивируется внешними факторами, подвержен сильным влияниям ситуаций, конкретной обстановки.

Экстра- и интровертированные подходы формируются уже на ранних этапах развития – в раннем детском возрасте. Рассмотрим их подробнее.

Экстраверт ориентируется в своей сознательной жизни непосредственно на факты окружающего мира. В жизни экстраверта, его мыслях, чувствах объективные ценности играют большую роль, чем субъективные. Внутренняя жизнь экстраверта подчиняется внешней необходимости. Интерес и внимание направлены на внешние события, на непосредственное окружение. Действия, поведение экстраверта определяются влиянием окружающих лиц и происходящих событий, непосредственно вытекают из них. Экстраверты способны легко приспосабливаться к ситуации, они делают то, что требуется от них в рамках определенной системы. Они воздерживаются от каждого новшества, которое не относится к разряду достаточно принятых, акцептированных "начальством", общественным мнением, традициями и т.д. Экстраверт привык действовать в пределах того, чего от него ожидают, его действия легко прогнозируемы. Экстравертам свойственно игнорирование субъективных желаний; даже наиболее близко касающиеся его факты, как, например, наличие какой-либо болезни, оцениваются без серьезного внимания. Резко выраженный экстравертированный подход приводит к потере себя в узких рамках внешней действительности, в конкретных объектах, предметах. Типична ориентация на достижение быстрого успеха. На уровне подсознания у экстравертов наблюдается в связи со слишком тесным приспособлением к реальной действительности подавление различных желаний, эмоций. Эти тенденции оказываются недоразвитыми, недифференцированными. Выражением этого являются свойственные

экстравертам в экстремальных ситуациях эмоциональные вспышки, иногда разрушительного характера. Подавленная длительное время подсознательная сфера у экстравертов может прорываться в сознание в форме эгоистических поступков, инфантильности, архаического поведения, временно парализуя в некоторых случаях сознательный подход. Это приводит у некоторых людей к развитию аддиктивного поведения. Возникающие затем угрызения совести сопровождаются депрессией, иногда с суицидными тенденциями.

Общий подход, свойственный интровертированным типам, характеризуется преимущественной ориентацией на субъективные факторы. Интроверты отгораживаются субъективной точкой зрения, субъективным представлением от непосредственного восприятия объекта. Действия интроверта не столь очевидно, как экстраверта, вытекают из объективной ситуации. Интровертированный подход оценивает внешние условия, но при этом отбираются в качестве решающих субъективные представления. Анализ ситуаций происходит с включением более глубоких уровней психической деятельности, имеет всегда очень сильный личностный оттенок. Например, ситуации, осознаваемые экстравертами на основании объективных факторов как трудные, малоперспективные, вызывают у них отрицательные эмоциональные реакции, в то же время интровертами при наличии субъективного представления трудно объяснимой положительной мотивации они могут оцениваться так же, как трудные, но вызывающие положительные эмоции.

Большое значение субъективного фактора в сознании сопровождается тенденцией к недооценке объективной реальности. Имеет место тенденция к компенсации, выражающаяся в стремлении усилить значение реальных фактов. Чем больше стремление к независимости суждения, свободе от привязанности к фактам, тем опаснее незаметное порабощение объективными фактами. Здесь возможны различные ловушки, связанные с подсознанием. Например, человек с интровертированным подходом при наличии стремления к доминированию может испытывать чувство одиночества и страстное желание быть любимым. Возникает фантастичный образ в воображении – этот образ проецируется на совершенно неподходящего реального человека, и, несмотря на всю очевидность ошибки выбора для всех окружающих, ошибка совершается. Внутренний образ в таких случаях проецируется на человека, который какой-то несущественной деталью оказался схожим с придуманным образом.

Интроверты проявляют тенденцию к трансформации окружающих их предметов, явлений, людей согласно своей внутренней

схеме. Таким образом трансформированные субъективно объекты могут представляться устрашающими, пугающими или, наоборот, привлекательными и идеализированными. Интроверты испытывают затруднения в социальных контактах, могут чувствовать себя одинокими в шумных и веселых компаниях. Они чувствительны, боятся выглядеть смешными. Типична неловкость в общении, выражающаяся иногда в чрезмерной осторожности, скрупулезной вежливости, иногда неожиданной разговорчивости, за которой скрывается внутренняя неловкость. Лучшие качества интровертов не всегда просто обнаружить, и поэтому их часто недооценивают. Интроверты чувствуют себя хорошо в небольших группах знакомых им давно людей. Они лучше могут переносить одиночество, сенсорную изоляцию. Для интровертов собственное суждение более важно, чем точка зрения "авторитетов" или "общепринятые" взгляды. Независимость суждения и отсутствие конформизма являются положительными качествами интровертов, которые представляют большую ценность при правильном понимании.

Таким образом, объективные факторы в сознании интровертов занимают главенствующую позицию, субъективные факторы имеют подчиненное значение. Объектам не придается того значения, какое они действительно имеют.

В подсознательной сфере у интровертов в связи с дефектом отношения "я" к реальности на сознательном уровне формируются компенсаторные сильные фиксации на объектах: чем больше "я" старается достичь максимальной свободы и независимости, тем более выражена в подсознании фиксация на объектах, фактах. Так, например, чувство субъективной свободы мышления оказывается ограниченным страхом перед экономической несостоятельностью. Последняя становится пугалом, терроризирующим интроверта, приобретающим нереальные, фантастические пропорции. Могут появляться страхи самого различного содержания, плохо контролируемые сознанием. Страхи носят архаичный, часто детский характер. Разные новые ситуации, объекты вызывают недоверие, испуг: они как бы содержат скрытую опасность. В мыслях и поведении все это выражается в навязчивых страхах, постоянной борьбе с подсознательными фиксациями, что может приводить к хронической усталости, к развитию невроза.

Из изложенного описания экстравертированного и интровертированного подходов становится понятно, что последнему из них более свойственны аутистические фиксации, которые, естественно, как правило, не достигают степени аутистического поведения. Вместе с тем существует один из вариантов ин-

тровертированных психологических типов – интровертированный интуитивный тип, у которого аутистические проявления резко выражены, и поэтому здесь можно в определенных случаях говорить о форме аутистического поведения. Приведем для сравнения описания двух вариантов интуитивного типа: экстравертированного и интровертированного (согласно классификации Юнга).

Для экстравертированного интуитивного типа характерно преобладание интуитивного подхода к реальности. Интуиция является у него преобладающей психологической функцией.

Интуиция ориентируется на определенные объекты, людей, события, она тесно связана с реальностью, обусловленной внешними ситуациями. Интуиция направлена не столько на непосредственную ситуацию, на события, уже происходящие, сколько на будущее, на предстоящие возможности. Интуитивный экстравертивный тип стремится к перспективным ситуациям, он хорошо "предчувствует", что может представить интерес, оказаться прибыльным, выгодным через некоторое время. Характерен настоящий поиск новых возможностей; все стабильное, постоянное вызывает скуку, раздражение, разочарование. Экстравертированный интуитивный тип с большой энергией и наблюдательностью берется за какое-либо новое дело, очень часто рискованное. При этом создается впечатление, что он нашел свое место в жизни и не изменит уже своим взглядам, подходам и заинтересованности. Однако проходит некоторое время, и та ситуация, которая ранее вызывала энтузиазм, становится неинтересной, серой, возникает чувство пустоты, скуки и непреодолимое желание искать новые возможности. Ни логические доводы, ни эмоциональные привязанности, ни моральная ответственность не способны противостоять этому стремлению. Экстравертированные интуитивные лица – ненадежные партнеры "на длинную дистанцию" как в сфере деловых отношений, сотрудничества, бизнеса, так и в личных отношениях. Они легко жертвуют друзьями, разрывают отношения в семье ради мелькнувших на горизонте новых, обещающих успех стимулов. Характерны определенная безответственность, отсутствие заботы об интересах связанных с ними людей. Такие лица часто оцениваются как любители приключений с недостаточными моральными качествами. Поскольку интуиция направлена на внешние факторы, возможности, экстравертированные интуитивные типы легко меняют специальность, часто переезжают из одного места в другое, меняют круг знакомств и т.д.

Положительные стороны экстравертированного интуитивного типа проявляются при правильно направленной не чисто эго-

истической ориентации к жизни. Такие люди могут быть превосходными инициаторами важных мероприятий. Интуитивный экстраверт обладает способностью разбираться в людях, интуитивно улавливать их полезные качества, реализовывать скрытые возможности. Он способен вдохновлять своих временных коллег, заражать их энтузиазмом, смелостью, раскрепощать, открывать им новые горизонты, вселять уверенность в себе. Все это, конечно, не из альтруистических соображений, а для организации какого-то дела, которое интуитивно кажется ему стоящим вложения усилий, перспективным. Однако после достижения цели он стремится к чему-то новому, и плоды его организационного труда в основном пожинают другие.

Экстравертированный интуитивный тип не уважает традиций, привычек. В этом отношении для него нет ничего святого, все жертвуется ради будущего.

Очень часто такие лица вообще не доводят начатого дела до конца, так как оно надоедает. В семейной жизни это также крайне нестабильные люди, для них характерны частые смены брачных партнеров, домашняя жизнь быстро становится непривлекательной.

Для интровертированного интуитивного типа характерно так же, как и для экстравертированного интуитивного типа, преобладание интуиции, которая является у него ведущей психологической функцией. Однако здесь интуиция направлена не на внешние объекты, а на внутренние подсознательные элементы. Внутренние объекты представляют, в отличие от внешних, психологическую, а не физическую реальность. Внутренние объекты возникают в интуиции (интуитивном восприятии) как различные субъективные образы, находящиеся в индивидуальном подсознании и уходящие в более глубокие слои подсознания вплоть до коллективного подсознания. Эти внутренние содержания и привлекают к себе интровертированную интуицию. Интровертированная интуиция может быть "разбужена" каким-либо внешним событием, но она никогда не остается связанной с внешними возможностями, а направлена внутрь. Она так же, как и при экстравертированном подходе, очень подвижна и перемещается от одного образа к другому, как бы выискивая новые возможности в подсознании. Восприятие подсознательных образов, как правило, непонятно для окружающих в обычных ситуациях и рассматривается ими обычно как блуждание в бесплодных, бесполезных фантазиях. Экстравертированный интуитивный тип поэтому никогда не понимает, "не чувствует" интуитивного интроверта и относится к нему или отрицательно, или как к непонятному и странному явлению. Однако на самом деле все не так просто.

Интуитивный интроверт может "схватывать" архетипные идеи, которые, как мы уже говорили в разделе о фанатическом поведении, обладают большой, нередко созидательной или разрушительной силой. Из этой категории людей появляются пророки, лидеры религиозных движений и др.

В обычной жизни интровертированный интуитивный тип живет в мире аутистических представлений, в мире воображения и фантазий, в значительном отрыве от реальной действительности. Аутистическое поведение производит впечатление странности, чужаковости; действия, эмоции подчинены интуиции, идущей из глубины подсознания. Такие люди могут попадать в многочисленные трудные ситуации, вести себя непонятно, нелогично и вызывать тем самым отрицательные реакции людей, ожидающих от них прогнозируемых действий и поступков, укладывающихся в выгодную, привычную схему. Так, например, писатель с интуитивно-интровертированными подходами, потратив много сил на написание романа и получив положительные рецензии и рекомендации к публикации, после внесения исправлений в решающий момент не соглашается на опубликование и забирает свое произведение, руководствуясь внутренней интуицией. Последняя говорит ему, что согласие на публикацию в сложившейся ситуации — это предательство по отношению к себе, удар по своей личности, после чего дальнейшее творчество невозможно. Совершенно естественно, что такого решения не понимают большинство коллег и рассматривают его как неадекватный, несуразный поступок.

Для интуитивного интровертированного типа с обусловленным им аутистическим поведением, если речь идет о людях творческого направления, например писателе, художнике, скульпторе, возникает проблема оформления своих идей и переживаний. Это бывает чрезвычайно трудным, в особенности в условиях нетерпимости к оригинальным, новаторским формам. Художественные произведения, создаваемые интуитивными интровертами, несут в себе большой энергетический потенциал, имеют во многих случаях несомненную ценность. Достаточно привести примеры таких художников, как Сальвадор Дали, Пабло Пикассо, Василий Кандинский, поэта Колриджа, архитектора Антонио Гауди. Несколько слов о последнем. Его потрясающие здания украшают ряд городов Испании, прежде всего Барселону (Каталония), где находятся спроектированные Гауди парк Гюэль, церковь Саграда Фамилия (Святое семейство). Церковь Саграда Фамилия как бы определяет основной акцент панорамы Барселоны, ее "марсианские" 100-метровые шпили имеют необычную винтовую форму со спиральными лестницами. Церковный ансамбль

продолжает постоянно строиться уже более полувека после смерти архитектора по его плану, и его завершение потребует еще несколько столетий. Нескончаемое строительство прекрасного с постоянным совершенствованием! Поистине идея гениального человека с интуитивным аутистическим подходом, реализуемая воспринявшими ее поколениями.

Остановимся еще на одном примере – всемирно известном романе Дж. Джойса "Улисс", называемом иногда Одиссеей XX в., "книгой книг", явившемся своего рода "началом нового вида искусства и доведением его до совершенства в пределах одного произведения"¹. Книга Джойса может представить достаточную трудность для восприятия, особенно для людей, привыкших к чтению занимательной, остросюжетной, "динамичной" литературы. Джойс показывает функционирование человеческого разума с учетом одновременного участия сознания, подсознания, аутистического мышления, содержание которого связано с эмоциональным состоянием, появляющимися и исчезающими желаниями, воспоминаниями, случайными ассоциациями, скрытыми страхами и надеждами. Когда говорят, что "Улисс" представляет собой "микрокосмос", имеется в виду, что каждый персонаж книги вмещает в себе черты, присущие человечеству в целом, одновременное проникновение в сознание в настоящем, прошедшем и в будущем времени. В "Улиссе" постоянно присутствует внутренний монолог, который отражает содержание аутистических переживаний. В процессе чтения "Улисса" читатель как бы наблюдает не столько за развитием действия, поступками героев, сколько за самим таинством возникновения мыслей и эмоций. Внутренний монолог отражает поток сознания, в котором различные, отдаленные друг от друга события оказываются соединенными в пространстве и во времени, создавая новые аутистические нестойкие, сменяющиеся формы. Для иллюстрации процитируем отрывок из текста:

"Каков же возраст человеческой души? Так как обладает она умением хамелеона изменять свой оттенок с каждым новым возвращением, быть радостной с веселыми, а печальной с угнетенными, так и возраст ее изменяется соответственно настроению. Леопольд, который восседает здесь, переживая, пережевывая еще раз свои воспоминания, не является уже солидным агентом по объявлениям и обладателем скромного состояния в акциях. Он является моло-

¹ Ślōmczyński M. Od Tłumacza. J. Joyce, "Ulisses". – Warszawa: PIW, 1981. – 826 S.

дым Леопольдом, когда так в ретроспективной системе, как будто зеркало в зеркале (эй, presto!), он замечает себя. Эта юношеская фигура с тех дней видима, преждевременно возмужавшая, стремящаяся в морозное утро из старого дома на Клэмбрэссил-стрит в гимназию, на широко перевешенном через плечо ремешке у него сумка с книгами, а в ней порядочный ломоть пшеничного хлеба, о котором не забыла мать. Но та же ли это фигура, когда год уже более или менее прошел, в своем первом котелке (ах, это был день!), он уже начал считанье, он — полностью оперившийся коммивояжер отцовской фирмы, экипированный книгой заказов, надушенным платочком (не только напоказ), у него чемодан, полный блестящих безделушек (к сожалению, эти вещи вышли уже сегодня из употребления), и колчан, полный угодливых улыбок, для той и другой полуубежденной хозяйки дома, прикидывающей это на пальцах, или для расцветающей девицы, стыдливо принимающей (но сердечко? скажи мне!) его выученное целование ручек. Духи, улыбка, но — более, чем они — темные глаза и угодливое обращение приводили к тому, когда наступила темнота, много заказов для главы фирмы, который после подобных тяжелых трудов усаживается вот у домашнего очага с трубкой Якова (можете быть уверены, что еда, состоящая из макарон, уже разогревается) и сквозь роговые очки читает некоторые европейские газеты месячной давности. Но (эй, presto!) подуто на зеркало, и молодой странствующий рыцарь пятится, сжимается до размеров маленького пятнышка среди тумана. Теперь он сам стал отцовским, а те, кто его окружает, могли бы быть его сыновьями. Кто же это может сказать?

Умный отец узнает своего ребенка. Он думает о дождливой ночи на Хэтч-стрит, там у самих таможенных складов, та первая. Вместе (она бедная беспризорная, дитя стыда, твоя, моя, — всех за шиллинг и пенс на счастье), вместе они слышат тяжелые шаги ночного патруля, когда две тени в дождевых капюшонах проходят перед новым королевским университетом. Бриди! Бриди Келли! Никогда не забудет этого имени, всегда будет помнить ту ночь, первую ночь, брачную ночь. Они сплетены с собой в глубочайшей темноте, жаждущий с жаждущей, а через мгновение (fiat!) мир поглотится светом. Бились ли их сердца согласно? Нет, любезная читательница. В одно мгновение это совершилось, но — задержиесь! Отступи! Этого делать нельзя! В испуге бедная девушка убегает в мрак. Она воз-

любленная темноты, дочь ночи. Она не отважится родить солнечно-золотого ребенка дня. Нет, Леопольд! Имя и воспоминание пусть тебя не успокаивают. Эта юношеская иллюзия твоей силы была тебе отобрана и была напрасной"².
(Пер. Ц.П. Короленко.)

Из вышеизложенных примеров, конечно, нельзя сделать заключение, что лица интуитивного интровертированного типа с аутистическим поведением всегда занимаются творчеством, тем более продуктивным. Этим лицам свойствен интерес ко всему сверхъестественному, мистическому. В большинстве случаев это серьезно дезадаптированные люди, замкнутые в себе, не находящие единомышленников, постоянно попадающие впро- сак. Хроническая дезадаптация при отсутствии поддержки со стороны родителей, родственников сопровождается тяжелым материальным положением, так как они настолько непрактичны, что не умеют зарабатывать себе на жизнь. Аутистическое поведение интуитивных интровертов иногда приводит к возникновению привязанности к людям, которые их совершенно не понимают, на основании проекции внутреннего идеального образа (о чем раньше упоминалось); они не способны обычно выразить свои чувства, добиться эмпатии. Они всегда чересчур субъективны, их аргументы не убедительны для большинства даже знакомых людей. Их одиночество нарастает, возможны тяжелые декомпенсации с развитием длительных невротических состояний.

Аутистическое поведение может быть обусловлено также перенесением на определенные предметы свойств, присущих человеку, наделение неодушевленных предметов сложной эмоциональной жизнью. Все это происходит, естественно, в воображении, однако создаваемая таким образом вторая иллюзорная реальность становится очень значимой, постепенно начинает жить все более сложной, собственной, по-своему насыщенной жизнью. Эта воображаемая жизнь занимает в сознании человека довольно большое место. Она герметична, не связана непосредственно с окружающей реальностью, развивается по своим внутренним законам, отражающим содержание аутистических переживаний. В случаях значительной фиксации внимания на этой придуманной фантастической жизни последняя может стать предпочтительным "центром удовольствия" и привести тем самым к формированию аутистического варианта аддиктивного поведения, т.е. смешанной формы деструктивного поведения.

²Joyce J. Ulysses. The Bodley Head. - L., 1964. - P. 540-541.

Такие особенности нашли отражение в художественной литературе (например, "Защита Лужина" В. Набокова; "Большой шлем" Л. Андреева). Приведем характерные отрывки из этих произведений:

"Карты уже давно потеряли в их глазах значение бездушной материи, и каждая масть, а в масти каждая карта в отдельности, была строго индивидуальна и жила своей обособленной жизнью. Масти были любимые и нелюбимые, счастливые и несчастливые. Карты комбинировались бесконечно разнообразно, и развитие это не поддавалось ни анализу, ни правилам, но было в то же время закономерно. И в закономерности этой заключалась жизнь карт, особая от жизни игравших в них людей. Люди хотели и добивались от них своего, а карты делали свое, как будто они имели свою волю, свои вкусы, симпатии и капризы"³.

"Все время, однако, то слабее, то резче проступали в этом сне тени его подлинной шахматной жизни, и она, наконец, прорвалась наружу, и уже была просто ночь в гостинице, шахматные мысли, шахматная бессонница, размышления над острой защитой, придуманной им против дебюта Турати. Он ясно бодрствовал, ясно работал ум, очищенный от всякого сора, понявший, что все, кроме шахмат, только очаровательный сон, в котором млеет и тает, как золотой дым луны, образ милой ясноглазой барышни с голыми руками. Лучи его сознания, которые, бывало, рассеивались, ощупывая окружавший его не совсем понятный мир, и поэтому теряли половину своей силы, теперь окрепли, сосредоточились, когда этот мир расплылся в мираж, и уже не было надобности о нем беспокоиться. Стройна, отчетлива и богата приключениями была подлинная жизнь, шахматная жизнь, и с гордостью Лужин замечал, как легко ему в этой жизни властвовать, как все в ней слушается его воли и покорно его замыслам"⁴.

..."В огненном просвете он увидел что-то нестерпимо страшное, он понял ужас шахматных бездн, в которые погружался, и невольно взглянул опять на доску, и мысль его поникла от еще никогда не испытанной усталости. Но шахматы были безжалостны, они держали и втягивали его.

³ Андреев Л. Избранное. - М.: Сов. Россия, 1988. - С. 40.

⁴ Набоков В. Защита Лужина. - М.: Современник, 1989. - С. 83.

В этом был ужас, но в этом была и единственная гармония, ибо что есть в мире, кроме шахмат? Туман, неизвестность, небытие..."⁵

Один из видов аутистического поведения проявляется при болезни "колючей проволоки" или синдроме "концентрационного лагеря". Имеются в виду состояния, наблюдавшиеся у узников концентрационных лагерей. Психическое состояние характеризуется общим угнетением, замкнутостью, снижением эмоциональных реакций как отрицательного, так и положительного содержания, погруженностью в себя, затруднением контактов. Такие состояния удерживались во многих случаях в течение нескольких лет после освобождения из лагеря.

Болезнь "колючей проволоки" описана также у военнопленных. В возникновении этих расстройств имеют значение бессонница, чувство безнадежности, монотонность лагерной жизни, физическое истощение, ностальгия /Korzeniowski, Rydyński, 1986/.

Мы уже обращали внимание на то обстоятельство, что социальная изоляция вообще может приводить к усилению аутистического поведения в условиях внутренней установки на ограничение контактов с внешним миром. В ситуациях, когда это ограничение обусловлено внешними причинами, у человека, не проявляющего выраженных интровертированных интуитивных особенностей, могут произойти определенные изменения психического состояния, включающие усиление аутистических переживаний. Известно, что недостаточная внешняя стимуляция (значительно ниже привычного уровня) приводит к усилению пассивного воображения. Пассивное воображение характеризуется преобладанием аутистического содержания, разорванностью логических связей. Оно не направлено на непосредственное "реальное" решение какой-либо проблемы, не является руководством к продуманным действиям. Основное содержание пассивного воображения – обеспечение воображаемой реализации неудовлетворенных желаний. Вместе с тем пассивное воображение нельзя считать целиком непродуктивным: нередко в нем возникают ассоциации, образы, имиджи, которые в дальнейшем становятся творческим компонентом активного воображения. Значительное усиление пассивного воображения, таким образом, характерно для состояний недостаточной стимуляции, состояний сенсорной депривации.

Развивающееся в условиях недостаточной стимуляции аутистическое поведение связано с усилением пассивного вообра-

⁵ Там же. – С. 66.

жения и рассматривается как феномен, отражающий нарушения психофизиологической адаптации. Здесь могут возникнуть серьезные нарушения, включающие апатию, раздражительность, тревогу, бессонницу, приступы ярости, отчаяния и др.

Об этом свидетельствуют данные полярных исследователей. Приведем высказывания адмирала Byrd, проведшего пять месяцев в одиночестве на метеостанции в Антарктиде. В своем дневнике Byrd писал следующее: "По утрам чрезвычайно трудно заставить себя вылезти из спального мешка. Я себя чувствую как под действием наркотиков. Однако я повторяю себе снова и снова, что, если я поддамся, если я позволю этому оцепенению завладеть мной, я могу никогда не проснуться... Зачем беспокоиться? Почему не позволить всему плыть по течению?.. Это направление вечного покоя. Зачем же сопротивляться?" Alvin Toffler в известной книге "Future Shock" приводит наблюдения американского исследователя из BMC Myers, который обобщил десятилетнее изучение влияния сниженной стимуляции на человека: "Они переживали тяжелую скуку, беспокойство, тревогу, затруднения в психической концентрации, неясность границы между сном и бодрствованием и реальностью... Имела место тенденция к снижению способности выполнять интеллектуальные задания..."

В заключение отметим, что последствия длительной сенсорной изоляции, очевидно, не ограничиваются только временем, в котором человек в ней находится, в особенности если недостаточная стимуляция продолжается долго. Так, например, известно, что у людей, длительное время находящихся в одиночестве (мореплаватели-одиночки), изменяется круг интересов, возникает стремление к ограничению контактов, большая избирательность в знакомствах, уменьшается интерес к информации сенсационного характера, поверхностным книгам. Вместе с тем улучшается эмпатия — способность чувствовать без слов эмоциональное состояние человека, усиливается или появляется интерес к экзистенциальным вопросам, философии, смыслу жизни, религии и др. Таким образом, не во всех случаях аутистическое поведение следует рассматривать лишь в отрицательном плане и тем более расценивать его усиление в качестве признака психического заболевания (что, к сожалению, свойственно некоторым плохо или недостаточно обученным психиатрам). Аутистическое усиление имеет во многих случаях и свои положительные стороны, делая личность более глубокой.

*...Только полное использование
собственных возможностей может
спасти чью-либо индивидуальность.*

Р. Мюзиль. Человек без свойств

Вот мы и описали семь вариантов поведения, которые легко могут привести к катастрофе каждого конкретного человека и оказаться угрожающими для всей популяции, общества в целом.

Что же можно противопоставить этим, к сожалению, столь часто встречающимся в современном мире формам? Однозначные, "простые" рекомендации, очевидно, не уместны, да и не секрет, что бодрые оптимистические общие фразы сегодня ничего, кроме раздражения, вызвать уже не могут. И здесь нам представляется целесообразным вспомнить старое выражение: "Бог предоставил мне возможность со спокойствием воспринимать то, что я не в состоянии изменить, смелость изменять то, что я изменить в состоянии, и разум отличать одно от другого" Это положение имеет, естественно, значение, выходящее за пределы исключительно религиозного содержания. Человек не может сделать все, но может совершить многое, и в то же время он часто считает, что сделать что-то не в состоянии, так как это выходит за границы его возможностей, и поэтому бездействует. Такая недооценка связана с неспособностью отличать невозможное от возможного и отражает обычно недостаточность знаний, ограничения творческого отношения к жизни, обусловленные особенностями воспитания.

Наше общество испытывает серьезный недостаток знаний в области психологии, в особенности психологии личности, межличностных отношений, социально-психологических проблем. Этот пробел не заполняет "академическая" психология, которая практически не занимается этими вопросами. Человек, желающий получить какую-либо информацию по вопросам, например, психологии аддиктивного поведения, не говоря уже о конформизме или фанатизме, напрасно будет искать ее в учебных пособиях по психологии и даже в специальной литературе. Психологическая неграмотность в таких важных, чрезвычайно значимых для человека и общества вопросах вместе с тем очень опасна, так как она делает нас беззащитными перед лицом

многих деструктивных влияний, различного рода индоктринирований. Люди, не способные выработать в себе защитные механизмы, становятся жертвами манипулирования извне, что особенно вероятно в условиях нарушения или, скорее, недоразвития "иммунной системы свободы", когда человек легко подчиняется тем или иным формулам, идеям, облеченным в "убедительные" логические конструкции. Истинная свобода связана со знанием, она выражается в творческом отношении к жизни, не ограничиваемом предубеждением, фанатизмом, идеологическими шорами.

Узкоспециализированное образование в различных, например технических, областях знания обычно не влияет сколько-нибудь значительно на социально-психологическое развитие. Об этом свидетельствует столь часто встречающаяся социально-психологическая инфантильность людей, являющихся профессионалами хорошего и даже высокого уровня. На такой почве сравнительно легко возникает или доверчивое некритичное отношение к официально предлагаемым интерпретациям каких-либо теорий, или в случае постоянного разочарования — экстремистское, тотальное отрицание, ведущее к разрушительным действиям. Здесь сказывается отсутствие общего гуманистического воспитания в детстве, что приводит к недостаточному пониманию общечеловеческих ценностей, нетерпимости, неуважению к человеку, слабому чувству сопереживания. Образовавшийся вакуум часто заполняется формально-логическим, "математическим", отношением к жизни, которая подгоняется под определенную формулу, в рамки которой "должны" укладываться мышление, система ценностей, поведение окружающих. Появляется фанатическое стремление изменять все то, что не соответствует придуманным схемам, и прежде всего изменить самого человека, который "не дорос", "недостаточно совершенен", не достоин сконструированной модели. Однако жизнь всегда оказывается сложнее, богаче, разнообразнее любой логической конструкции, а насильственное "осчастливливание" ни к чему хорошему не приводит.

Улучшение информированности населения в области психологии и социально-психологических проблем в плане вышесказанного является важным для общества, его прогрессивного развития. Если данная книга, хотя бы в какой-то степени, будет способствовать заполнению образовавшегося вакуума, цель ее можно считать достигнутой. Нам хотелось бы также, чтобы знакомство читателя с книгой стимулировало творческие подходы, развивало стремление к самостоятельному мышлению, поскольку прогресс невозможен без критического творческого отношения к, казалось бы, непререкаемым истинам.

- Баншиков В.М., Короленко Ц.П. Алкоголизм и алкогольные психозы. – М.: Медицина, 1968.
- Баншиков В.М., Короленко Ц.П. Проблема алкоголизма. – М.: Всероссийское общество невропатологов и психиатров, 1973. – 110 с.
- Кон И. Секс, общество, культура // Спутник. – 1970. – №7. – С. 95–108.
- Короленко Ц.П. Психофизиология человека в экстремальных условиях. – Л.: Медицина. Ленингр. отд-ние, 1978.
- Короленко Ц.П. The peculiarities of alcoholism in the North // Arctic Med. Research. – 1988. – Vol. 47, N 1. – P. 36–37.
- Короленко Ц.П. Alcohol problems in conditions of the North // Arctic Med. Research. – 1988. – Vol. 47, N 1. – P. 593–595.
- Короленко Ц.П., Бочкарева Н.Л. Особенности некоторых экзогенных интоксикаций в условиях Севера. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982.
- Короленко Ц.П., Диковский А.А. The clinical classification of alcoholism // Beograd: Analizavoda za mentalno zdravlje, 1972. – Vol. 1. – P. 5–10.
- Короленко Ц.П., Завьялов В.Ю. Личность и алкоголь. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988.
- Короленко Ц.П., Тимофеева А.С. Корни алкоголизма. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1985.
- Abelson H.I., Fishburne P.M. Use of psychoactive substances 1975/6 Nationwide study among youth and adults. – Princeton: N.Y. Response analysis corporation. September, 1976. – P. 189.
- Allport G.W. The nature of prejudice. – N.Y.: Doubleday Anchor Books, 1958.
- Babits Mihaly Studium o literaturze węgierskiej // Literatura na świecie. – 1986. – N4. – S. 190–210.
- Baschwitz K. Hexen und Hexenprozesse. – München: Rütten. Loening Verlag, 1963.

- Beauvais F., Oetting E.R. Drug use in an alternative high school // J. Drug. Educ. - 1986. - Vol. 16, N 1. - P. 43-50.
- Berne E. Games people play. - L.: Penguin Books, 1964.
- Byrd R.E. Alone. - N.Y.: Putnam, 1938.
- Bradshaw J. The Family. - Florida: Deerfield Beach, 1988.
- Caplan G. Principles of preventive psychiatry. - Tavistock Publ. - 1964.
- Conrad E.L. The identification of 3 types of gamblers and related personality characteristics and gambling experiences: Med. Diss. Loyola University. - Chicago, 1978.
- Chafetz M.E., Blane T., Hill M.J. Frontiers of Alcoholism. - N.Y.: Science House, 1970.
- Domarus M. Hitler, Reden und Proklamationen 1939-1945. - München, 1965.
- Drewniak B. Kultura w cieniu swastyki. - Wydawnictwo Poznańskie, 1969.
- Durkheim E. Le suicide - etude de sociologie. - Paris, 1878.
- Durrell L. Justine. - L.: Faber a. Faber, 1961. - P. 34-35.
- Eysenck H.J. Smoking, health and personality. - N.Y.: Basic Books, 1965. - P. 75-106.
- Forster H. Perception of the future and the future of perception // Instructional Science. - Amsterdam, March 1972, N 3.
- Fromm E. The Art of Loving. - N.Y.: Harper, 1956.
- Gardner J.W. Self-Renewal. - N.Y., 1963.
- Gergely M. Rőpirat az őngyilkosságról. - Budapest: Medicina Könyvkiado, 1981.
- Giese H. Abnormes und perverses Verhalten // Psychopathologie der Sexualität. - Stuttgart: Enke, 1962. - S. 305-470.
- Goldberg R.N. Under the influence. - Savvy, July 1986.
- Goodwin D.W. Genetic components of alcoholism // Ann. Rev. Med. - 1981. - Vol. 32. - P. 93-99.
- Grunberger B. Narcissism // Inter. Press Inc. - N.Y., 1979.
- Hagemann W. Publizistik im Dritten Reich. - Hamburg, 1948.

- Haney D. Tobacco compared to opium // Anchorage Daily News A1, A12. - 1986.
- Hochkirchen B., Jilek W.G. Psychosocial dimensions of suicide and parasuicide in Amerindians of the pacific northwest // J. Oper. Psychiatry. - 1985. - Vol. 16. - P. 24-28.
- Jakubik A. Hysteria. - Warszawa: PZWL, 1979.
- Janis I.L. Air war and emotional stress. - N.Y.: McGraw Hill, 1951.
- Jarvik H.E. Further observations on nicotine as the reinforcing agent in smoking // W.L.Jr. Dunn Smoking behavior: Motives and incentives / Ed. - Washington D.C.: V.H. Winston and Sons, 1973. - P. 33-49.
- Jellinek E.M. The disease concept of alcoholism. - New Haven, 1962.
- Jilek-Aall L. Juvenile alcohol use and self-destructive behavior in northern populations: A cross-cultural comparison // Arctic Med. Research. - 1988. - Vol. 47, N 1. - P. 604-610.
- Johnston L.M., Glasg M.S. Tobacco smoking and nicotine // Lancet. - V. 2 (6225), December 19, 1942. - P. 742.
- Jones K.L., Smith D.W. The fetal alcohol syndrome // Teratology. - 1975. - Vol. 12. - P. 1-10.
- Jones-Witters P., Witters W. Drugs and society: A biological perspective. - Monterey. Calif: Wadsworth, 1983. - P. 164.
- Jung C. Psychological types. - L., 1924.
- Jung C. The archetypes and the collective unconscious. - L., 1959. - Vol. 9.
- Kępiński A. Rytm życia. - Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1978.
- Kernberg O. Borderline conditions and pathological narcissism. - N.Y.: Jason Aronson, 1975.
- Kohut H. Narzissismus. - Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1973.
- Koprowski J. Z południa i północy. - Katowice, 1963.
- Korzeniowski L., Rydzyński Z. Encyklopedyczny słownik psychiatrii. - PZWL, 1986.
- Kronski T. Rozważania wokół Hegla. - Warszawa, 1960.
- Kuczyński J. Zmierzch mieszczaństwa. - Warszawa: PIW, 1967.

- Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. - Hamburg, 1957.
- Larousse. De la langue Francais. - Librairie Larousse, 1979.
- Leal H., Mejia L., Gomer L., Salinas de Valle O. Naturalistic study on the phenomenon of inhalant use in a group of children in Mexico City // Voluntary Inhalation of Industrial Solvents / Eds. Sharp C.W. and Carroll L.T. - Rockville: National Institute on Drug Abuse, 1978.
- Lew-Starowicz Z. Seks w kulturach świata. - Ossolineum, 1987.
- Llopis B. // Fortschr. Neurol. Psychiat. - 1960. - V. 2
- McKennell A.C. A comparison of two smoking typologies // Research Paper 12. - L.: Tobacco Research Council, 1973.
- Menninger K.A. Man against himself. - N.Y.: Harcourt Brace, 1938.
- Meyer G. Wenn das Glückspiel zum Droge wird // Arztl. Prax. - 1984. - Vol. 97. - P. 2961.
- Motto J.A. Newspaper influence on suicide // Arch. Gen. Psychiat. - 1970. - Vol. 23, 2. - P. 143-148.
- Näkken C. The Addictive personality. - Harper / Hazelden Book, 1988.
- Oldendorf W. Distribution of drugs to the brain / Ed. Jarvik M. - N.Y.: Appleton Century Crofts, 1977. - P. 167-175.
- Orłowski H. Literatura w III Rzeszy. - Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1979.
- Paeregaard G. Suicide in Denmark: A statistical review for the past 150 years // Suicide and life threatening behavior. - 1980. - Vol. 10. - P. 150-156.
- Podolsky D.M. Investigating alcohol-related birth defects // Alcohol world: Health and research. - 1985. - Vol. 10. - P. 24-27.
- Prince C. Recognition of predisposing factors which affect the high suicide rate of Canadian Indians, Arctic Med. Research. - 1988. - Vol. 47, N 1. - P. 588-589.
- Retterstol N. Suizidalproblematik in Norwegen // Fortschr. Neurol. Psychiat. - 1975. - Vol. 23, N 2. - P. 42-50.
- Ringel E. Neue Untersuchungen zum Selbstmordproblem. - Vienna: Hollinek, 1961.

- Segal B. Drugs and Behavior. - N.Y.; L.: Gardner Press, 1988.
- Seyer D. Report of the national native advisory Council on Alcohol and drug abuse. - Ottawa, 1983.
- Shore J. Suicide and suicide attempt rates among American Indians of the pacific northwest // Int. J. Soc. Psychiat. - 1972. - Vol. 18. - P. 91-96.
- Smith G.M. Personality and smoking // Learning mechanisms in Smoking / Ed W.A. Hunt - Chicago: Aldine Publ., 1970. - P. 42-61.
- Schaefer A.W., Fassel D. The addictive organization. - Harper. Row, 1988.
- Sokol R.J. Alcohol and abnormal outcomes of pregnancy // Canadian Med. Ass. J. - 1981. - Vol. 125. - P. 143-148.
- Stephens M.G. Świąta u Coole'ow. - Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1988.
- Stengel E. Suicide and attempted suicide. - Penguin Books, 1973.
- Streissguth A.P., La Duc R.A. Psychological and behavioral effects in children prenatally exposed to alcohol // Alcohol World: Health and Research. - 1985. - Vol. 10. - P. 6-12.
- Švrakič D. Narcistička ličnost // Psihijatrija Danas. - 1988. - N 1-2. - P. 123-129.
- Thompson V.A. Bureaucracy and innovation. - University of Alabama Press, 1970.
- Toffler A. Future Shock. - Bantam Books, 1971. - P. 514-515.
- Ulleland C., Wennberg R., Igo R., Smith N. The offspring of alcoholic mothers // Pediatric Research. - 1970. - Vol. 4.
- Vetting E.R., Edwards R.W., Beauvais F. Social and psychological factors underlying inhalant abuse // Research 85. National Institute on Drug Abuse. - 1988. - P. 172-203.

ОГЛАВЛЕНИЕ

"Quo diversus abis?" (<u>Введение</u>)	3
Когда уход от настоящих эмоций становится привычкой (<u>Аддиктивное поведение</u>)	7
Вызов обществу или внутренняя пустота? (<u>Антисоциальное поведение</u>)	100
Почему люди отказываются от жизни? (<u>Суицидное поведение</u>)	123
Лицо превращается в маску (<u>Конформистское поведение</u>)	142
Если идея подменяет жизнь (<u>Фанатическое поведение</u>)	166
Ставка на лидера (<u>Нарцисстическое поведение</u>)	189
Жизнь без "обратного питания" (<u>Аутистическое поведение</u>)	202
Вместо заключения	217
Список рекомендуемой литературы	219

Научное издание

Короленко Цезарь Петрович
Донских Татьяна Александровна

СЕМЬ ПУТЕЙ К КАТАСТРОФЕ
Деструктивное поведение в современном мире

Редактор издательства Т.П. Гришина
Художник С.М. Кудрявцев
Технический редактор Л.Г. Филина
Корректор А.Г. Сафронова

ИБ № 42869

Сдано в набор 15.01.90. Подписано к печати 25.05.90. Формат 84х108
1/32. Бумага офсетная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 11,8.
Усл. кр.-отт. 12. Уч.-изд. л. 14,3. Тираж 100 000 (1-й завод
1-50 000) экз. Заказ № 209. Цена 4`руб.

4 руб.

Все начинается незаметно, обыденно, исподволь... Человек поглощает небольшие, а поэтому нераспознаваемые дозы психологического или химического яда, который накапливается постепенно и производит разрушающее действие.

Механизмы, ведущие к трагическим маршрутам, многообразны, а сами маршруты многочисленны. Они, как и сама жизнь, имеют свое начало, развитие и завершение. Однако роковые пути при этом сокращают жизнь, уродливо искажают ее, лишают настоящего смысла.

